

67.75
СЗ2

АНТОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

П. СЕРГЕИЧ

Уголовная защита

ЮРАЙТ

П. Сергеич

УГОЛОВНАЯ ЗАЩИТА

повреждения и ненамеренное	
жизни	55
ство	65
сколько слов о судебном следствии	70
прос свидетелей	80
едварительная работа	80
имерные допросы	85
ычные ошибки	95
ктика допроса	100

Сергеич П.

С32 Уголовная защита. — М. : Издательство Юрайт, 2009. — 179 с. — (Антология юридической мысли).

ISBN 978-5-9916-0033-0

Русский юрист Петр Сергеевич Пороховщиков, публиковавший свои работы под псевдонимом П. Сергеич, известен как выдающийся теоретик судебного красноречия. В книге даются практические, основанные на многочисленных примерах советы о том, как надо и — еще чаще — как не надо говорить на суде, как правильно построить тактику защиты, как адвокату работать с доказательствами и другими материалами дела. Огромный опыт работы на судебном поприще, врожденные задатки психолога позволили автору создать труд, не теряющий своего значения и сегодня.

Для адвокатов, работников прокуратуры, следователей, аспирантов, преподавателей, всех, кто интересуется историей российской юстиции.

ББК 2626.34 Н 34
УДК 345 (4)

Покупайте наши книги:

Оптом в офисе книготорга «Юрайт»:

1400004. Московская обл. г. Люберцы. 1-й Панковский проезд, д. 1,

t.ru

@urait-book.ru,

дъезд № 1,

6-27-04, 688-30-11

, предисловие, 2007
во Юрайт», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Предисловие ко второму изданию.....	8
ГЛАВА I. Общие замечания	9
ГЛАВА II. Приготовление к защите.....	24
1. Изучение дела	24
2. Существо защиты.....	28
3. Собираание доказательств	40
ГЛАВА III. Приемы защиты по некоторым отдельным преступлениям	43
1. Кража.....	43
2. Грабеж и разбой	50
3. Телесные повреждения и ненамеренное лишение жизни	55
4. Убийство	65
ГЛАВА IV. Несколько слов о судебном следствии.....	70
ГЛАВА V. Допрос свидетелей.....	80
1. Предварительная работа	80
2. Примерные допросы	85
3. Обычные ошибки	95
4. Тактика допроса.....	100

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА VI. Подсудимый	118
ГЛАВА VII. Постановка вопросов	149
ГЛАВА VIII. Председатель	156
ГЛАВА IX. Несколько слов о защитительной речи	164

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале прошлого века в России, тогда еще царской, с небольшим интервалом вышли две книги, тут же ставшие нарасхват. Одна — «Уголовная защита», которую я имею честь сейчас представлять. Другая — знаменитая, выдержавшая к тому времени множество изданий в разных странах «Школа адвокатуры» английского юриста Рихарда Гарриса. Автор первой и переводчик второй — один и тот же человек, российский судебный деятель Петр Сергеевич Пороховщиков, творивший под псевдонимом П. Сергеич.

Королевская Англия и царская Россия в разные времена обрели суд присяжных, профессиональную адвокатуру, гласный и состязательный судебный процесс. Англия на этом пути — первопроходец. Еще в далеком 1215 году, на этапе становления монархии с сословным представительством, была принята Великая Хартия вольностей, наделившая каждого свободного жителя Королевства правом на «суд равных ему». Россия получила суд присяжных с обеспечением подсудимому права на профессиональную защиту «чуть-чуть» позже, спустя шесть с половиной веков, благодаря судебной реформе 1864 г. императора Александра II. Как говорится, сравните и почувствуйте разницу...

Закономерно, что российские юристы обратились к вековым традициям, наработанным коллегами-англичанами в области состязательного судебного процесса: а в 60–80-х годах девятнадцатого столетия на русском языке были изданы работы Бентама, Уильза, Стифена. Удивительно, что полвека не переводилась на русский книга Гарриса. Как писал в своем предисловии переводчика П. Сергеич, в отличие от других методических руководств по ведению судебных дел, «написанных в кабинете по другим книгам, эта создавалась по заметкам, схваченным на лету в бесчисленных

процессах, где умный, образованный и опытный адвокат был опасным участником судебного состязания или внимательным его наблюдателем».

С полным основанием могу наделить этой характеристикой саму «Уголовную защиту». Петр Сергеевич Пороховщиков состоял членом Санкт-Петербургского окружного суда, а до этого поработал и защитником, и прокурором, и даже (!) побывал в роли подсудимого по несправедливо возведенному на него обвинению. Поэтому по праву мог сказать, что судьба предоставила ему возможность наблюдать уголовный процесс с разнообразных сторон и основать свои выводы и рекомендации не на отвлеченных рассуждениях, а на фактах.

По всей видимости, задачу книги, ее стилистическую форму, а возможно, саму идею написания Пороховщикову подсказала работа Гарриса. Присяжная адвокатура существовала в стране как-никак уже сорок лет и выдвинула из своей среды выдающихся мастеров уголовной защиты. В периодической печати и юридических изданиях регулярно публиковались речи Спасовича, Андреевского, Плевако, Карабчевского, Урусова по шумевшим, вызвавшим большой общественный интерес делам, откуда можно было почерпнуть ценные сведения об искусстве судебного красноречия. Но автор, скромно называющий свою книгу заметками (как Гаррис свою — советами), открыто объявляет их скромную же цель: «в них нет ни откровения о том, как сделаться блестящим оратором, ни верного средства выигрывать громкие процессы. Они предназначены для скромных людей и скромных дел. Таких людей может быть не очень много среди наших начинающих адвокатов (какова тонкость иронии! — Г. Р.), но таких дел в наших судах бесчисленное множество. Знакомство с этими будничными процессами приводит к заключению, что труд защиты, часто при всей старательности и добросовестности адвоката, пропадает даром. Задача этих заметок сводится к тому, чтобы защита по этим рядовым делам не оставалась бесплодной».

Как готовиться к защите? Как собирать доказательства? Какие приемы полезны при защите по обыденным кражам, грабежам, нанесению увечий, — преступлениям, главным образом формирующим массив уголовных дел? Каким правилам должен подчиняться допрос свидетелей? От чего адвокату следует предостеречь подсудимого в судебном разбирательстве? Как выстраивать отно-

шения с председателем судебного заседания в различных, подчас неожиданных ситуациях? Что неуместно при произнесении защитительной речи?

Советы по этим во все времена актуальным для уголовных защитников вопросам как бы сами собой, органически вырастают из метких наблюдений, поучительных примеров из судебной практики, реальных адвокатских историй, живо и увлекательно описанных в книге. Автор избрал оригинальную форму изложения — «от противного»: чаще всего он не поучает, как надо, а на конкретных делах наглядно показывает, как не надо. И такая нестандартная подача материала полностью себя оправдывает.

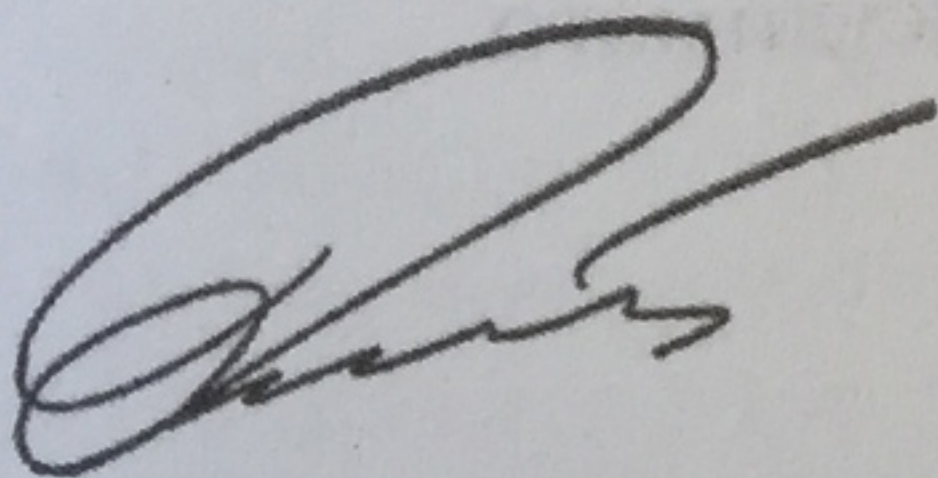
Каждому, кто прочтет книгу П. Сергеича, впечатается в сознание девиз адвокатской деятельности, рожденный еще адвокатами Древних Греции и Рима — «Не посере» — «Не навреди».

«Судебное следствие для неопытного защитника — это шахматная доска, где каждое белое поле — карточный мостик, каждое черное — волчья яма. И надо не только самому пройти по этому опаснейшему пути, но и провести за собой подсудимого!» — этот яркий образ многое скажет и молодому юристу, готовящемуся стать адвокатом-криминалистом, и вдумчивому читателю, который не зарекается оказаться пешкой в такой реальной криминальной партии и будет нуждаться в защите закаленного в боях адвокатского «офицера». Чай в России живем — не в Швейцарии.

Ценность труда П. Сергеича возрастает именно сейчас, когда в страну вернулся и состязательный процесс, и суд присяжных.

«Уголовная защита нелегкое и в нравственном отношении высокоответственное дело. Тот, кто избрал ее своим служением жизни, должен проникнуться убеждением, что совершает нравственное преступление всякий раз, когда, взявшись за дело, не сделал для подсудимого всего, что было в силах и власти его». Право же, лучше самого автора о сути нашей профессии не скажешь.

Генри Резник

Президент Адвокатской палаты г. Москвы,
кандидат юридических наук,
заслуженный юрист России

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

В 1908 г., печатая свои заметки об уголовной защите первым изданием, я имел за собою очень недолгий судейский опыт. С тех пор я был судьей еще несколько лет, и, кроме того, мне пришлось быть защитником, а также и подсудимым; до судейской должности я служил в прокуратуре. Таким образом, благосклонная судьба предоставила мне возможность наблюдать наш уголовный процесс с разнообразных сторон. Благодаря этому в настоящем издании первоначальные отрывочные и случайные наброски значительно пополнились и сами собой сложились в естественную систему соответственно порядку нашего судопроизводства. Практические правила, мной указываемые, основаны не на отвлеченных рассуждениях, а на фактах. Свои наблюдения и выводы я проверял беседами с другими судьями, с присяжными заседателями, с обвинителями и защитниками. Поэтому можно думать, что эти заметки имеют некоторое право на доверие тех, кто захотел бы ими воспользоваться.

Что касается нравственного освещения искусства уголовной защиты, то оно, по моему мнению, всецело заключается в словах французского писателя, поставленных мною во главе этого издания. Я не учитель нравов, не считал и не считаю нужным говорить о том, что разумеется само собой. Скажу только, что всякий нечестный прием есть прием ненадежный и одна нечестная уловка может при самой умелой защите погубить подсудимого.

6 Сентября 1912 г.
С.-Петербург

ГЛАВА I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Настоящие заметки имеют скромную цель; в них нет ни откровения о том, как сделаться блестящим оратором, ни верного средства выигрывать громкие процессы. Они предназначены для скромных людей и скромных дел. Таких людей, может быть, не очень много среди наших начинающих адвокатов, но таких дел в наших судах бесчисленное множество. Знакомство с этими будничными процессами приводит к заключению, что труд защиты, часто при всей старательности и добросовестности адвоката, пропадает даром, безо всякой пользы для подсудимых. Задача этих заметок сводится к тому, чтобы защита по этим рядовым делам не оставалась бесплодной. На первых порах адвокатской практики начинающему юристу приходится разбираться во множестве незнакомых вещей; переход от лекций к исковым прошениям и обвинительным актам не так прост, особенно в нынешних условиях нашей университетской жизни. Ошибки неизбежны во всяком начале, но их должно быть как можно меньше во всяком деле; в уголовной защите — менее, чем где либо, ибо там каждая ошибка тяжело отражается на живых людях. Молодой адвокат,

который захотел бы воспользоваться предлагаемыми здесь указаниями, убедится, сводя свои годовые итоги, что ему удалось скинуть со счета подсудимых некоторое количество недель ареста, месяцев тюрьмы, а может быть, и несколько лет каторги. Можно думать, что и он, и они будут в равной мере довольны таким пассивом в его балансе.

Уголовная защита нелегкое и в нравственном отношении *высокоответственное* дело. Тот, кто избрал ее своим служением жизни, должен проникнуться убеждением, что совершает нравственное преступление всякий раз, когда, взявшись за дело, не сделал для подсудимого всего, что было в силах и власти его. Если он усвоит себе это убеждение, если будет гореть этой мыслью, он достигнет многого; если нет, он, пожалуй, будет произносить умные, интересные и красивые речи, добьется известности и накопит денег; но он не найдет нравственного удовлетворения в своей работе; в конце жизненного пути рассудок скажет ему: «Ты хорошо говорил», но сердце не кликнет: «Ты совершил подвиг».

В феврале 1911 года присяжные заседатели одного из отделений С.-Петербургского окружного суда по окончании своей сессии подали товарищу председателя заявление, в коем, наряду с другими своими наблюдениями, высказали следующее: «Не считаем себя вправе умолчать пред вами, гг. судьи, об одном удручающе подействовавшем на нас впечатлении. Если в вас, гг. судьи, мы видели не только исполнителей закона, но и толкователей его, всегда приходивших к нам на помощь разъяснением того или другого преступления, помогавших нам разобраться в нем, то таковой же помощи мы не видели с той стороны, откуда скорее всего она должна была прийти к нам – со стороны защиты».

Перед нами промелькнул ряд молодых защитников, в большинстве холодных, равнодушных к участи своего подзащитного, не пытавшихся даже вникнуть в обстановку преступления, не желавших проникнуть в душу своего клиента, заглянуть в его сердце, но даже нередко не позаботившихся подробно и серьезно изучить следственное дело. Эти молодые люди, по нашему убеждению, отбывали только назначенный им номер, и не более, являлись в суд только для «практики». Но если в обществе все настойчивее и настойчивее начинает раздаваться голос, что пора прекратить опыты над живыми животными, производимые учеными в интересах

человека, то тем более едва ли возможна «практика» над живыми людьми, хотя бы и «бесплатными» клиентами. В руках молодых защитников – вся жизнь преступника, вся его будущность. Нам, судьям совести, хотелось бы видеть в молодых защитниках побольше любви к преступнику, побольше вдумчивости по отношению к мотивам, побудившим человека на преступление... Пусть молодые защитники по отношению к преступнику осуществят слова священного писания: «Не любим мы словом, ниже языком, но любим делом и истиной»».

Защитники равнодушны к участи тех, кого они защищают! Это жестокий упрек. Когда молодых защитников бранят старшие товарищи, можно сказать – пристрастные хвалители прошлого; когда это делают прокуроры, можно сказать – чиновничье высокоумудрие; когда судьи – желчные буквоеды! Но когда это делают присяжные – другое дело. Нетрудно, конечно, сказать, что и присяжные могут ошибаться; но от этого подсудимым легче не будет. И так как вся работа, все старание защитника на суде направлены к тому, чтобы успешно воздействовать не на судей или прокуроров, а именно на присяжных, то надо признать, что практически им, присяжным, принадлежит и решающее слово в суждении не только о вине подсудимого, но и о заслугах адвоката.

Присяжные высказали, что не видали со стороны защитников помощи ни в разъяснении преступления, ни в толковании закона. Проще сказать, это значит, что молодые защитники не знают закона. Правда это или нет?

Спросите об этом судей. Они ответят вам фактами, и прежде всего скажут, что в Петербурге есть молодые защитники, не различающие меры наказания от степени и права суда повесить наказание – от его обязанности это сделать. Они не знают признаков различия между 1484, 1464, 1466 и 1468 ст. ул.; не знают, что несовершеннолетние не подлежат уголовной ответственности за преступную неосторожность. При обвинении в грабеже, совершенном несколькими людьми, несведущие защитники доказывают отсутствие предварительного уговора, забывая, что в 1643 ст. прямо сказано, что это обстоятельство не имеет значения, и т. д.

Это – преимущественно промахи тех защитников, которые вовсе не читают закона, ограничиваясь тем, что пробегают обвинительный акт, и полагаясь в остальном на свои таланты. Те, которые

читают закон, но читают без внимания, делают другие ошибки. Когда о подсудимых ранее состоялся приговор, приостановленный в виду еще не оконченного дела, они заявляют присяжным, что ответ о виновности имеет лишь «академическое» значение, ибо наказание, назначенное судом, будет поглощено ранее постановленным приговором за более тяжкое преступление, забывая, что суд имеет право повысить наказание по 152 ст. Они ссылаются на 128 ст. ул. и требуют оправдания отца и матери как не подлежащих ответственности за укрывательство сына-убийцы, не замечая, что родители обвиняются в укрывательстве ограбленных у убитого вещей, и т. п.

Знают ли защитники правила процесса? Пусть судит читатель.

Перед судом нередко раздаются требования об оглашении показаний свидетелей, не вызванных в суд; председатель объясняет защитнику, что, если он не нашел нужным воспользоваться правом, предоставленным ему в ограждение подсудимого, и своевременно не озаботился о вызове нужных ему свидетелей, в этом никто, кроме него, не виноват и суд не может нарушать закон на том основании, что защитник недостаточно знаком со своими обязанностями. Защитники требуют оглашения актов дознания, настаивают на прочтении показаний свидетелей, не явившихся по незаконной причине, и т. п.

Присяжным заседателям казалось, что некоторые защитники не изучали с надлежащим вниманием и самих дел, по которым выступали на суде.

К сожалению, и это бывает. Судьям иногда приходится наблюдать, как защитник, пройдя на свое место, поворачивается с озабоченным видом к подсудимому, а последний торопливо сует ему в руку сложенный вчетверо лист бумаги. Эта бумага — *копия обвинительного акта!* Что это значит? Или эта передача не имеет смысла, или защитник не знает, в чем обвиняется подсудимый...

Судьи едут на сессию в уездный город. В вагон входят трое молодых людей с портфелями; слышен следующий разговор: «— А большое дело?» — «Кажется, большое; я не успел прочесть. — Большое. Я пробежал его; масса свидетелей!» Это говорится так громко, что сидящие в вагоне не могут не слышать; и в тоне разговаривающих — ни тени подозрения о том, что они признаются

в нравственном преступлении. Слыхали ли эти легкомысленные люди, что быть адвокатом значит забывать о себе и работать, работать, работать для других? *Être avocat et se lever matin sont deux choses inséparables*, говорилось в старину.

Я уверен, что многие из моих читателей сумеют воспользоваться этими указаниями наших присяжных заседателей как драгоценным предостережением от сознательной небрежности в своей священной работе. Но, с другой стороны, молодой человек, вступивший в судебную залу из университетской аудитории, не знает, да и не может знать всех трудностей, его окружающих. Допустим даже, чего на самом деле не бывает, что он затвердил уложение о наказаниях и устав уголовного суда; это — большая заслуга, но она не убережет его от ошибок. Судебное следствие для неопытного защитника — это шахматная доска, где каждое белое поле — карточный мостик, каждое черное — волчья яма. И надо не только самому пройти по этому опаснейшему пути, но и провести за собою подсудимого!

Я должен сказать, что за время своей прокурорской и судейской службы мне приходилось иногда встречать молодых людей, которые с первого раза умели провести защиту, не сделав ни одного промаха. Но люди, столь счастливо одаренные, очень редки; в большинстве случаев, первые шаги помощника представляют повторение многих ошибок, которые до него повторяли другие. Оглядываясь на двадцать лет назад на свои первые шаги в качестве кандидата на судебные должности и товарища прокурора, я с огорчением припоминаю такие же ошибки и также должен объяснить их не только недостатком знаний и опыта, но и недостатком в дружеском руководстве старших. Существует целый ряд азбучных практических указаний, без которых защитнику нельзя выходить на суд. Но эти указания ни в законе, ни в сенатских решениях, ни в книгах об адвокатской этике не встречаются.

Не зная судебной действительности, молодой человек думает, что чем чаще он будет возражать против требований прокурора, тем больше поможет подсудимому. Опытные люди скажут: чем реже он будет возражать на такие требования, тем менее повредит ему. Молодой человек думает, что чем больше он будет спрашивать прокурорских свидетелей, тем слабее станет обвинение; на самом деле его вопросы в большинстве случаев только

подкрепляют улики. Молодому человеку кажется, что чем длиннее речь, тем она лучше; в действительности — чем она длиннее, тем бывает хуже. Ему кажется, что чем больше он сумеет проявить «независимости» пред председательствующим, тем успешнее охранит свое впечатлительное достоинство; на самом деле единственное средство оградить себя от обидных уколов самолюбия состоит в скромности и безграничной почтительности к суду.

Чтобы судить, как велики требования, силою вещей обращенные к защитнику, стоит только вспомнить, как часты бывают перерывы, делаемые самим судом для обсуждения процессуальных вопросов. Можно ли признать неразысканным такого-то свидетеля, можно ли огласить такую-то бумагу из дела — такие и тому подобные вопросы, повторяющиеся ежедневно, разъяснены сотнями кассационных решений, давно затверженных судьями. Казалось бы, все должно быть ясно. Однако судьи выслушивают мнения сторон и идут совещаться. Выходит таким образом, что человек менее опытный и сведущий должен решать сразу, без обдумывания, то, что люди опытные и знающие не всегда могут решить без предварительного совещания. Из этого ясно, что человеку, лишенному знаний и опыта, нельзя предоставить право голоса со стороны защиты в процессуальных вопросах; люди сведущие согласятся и с тем, что, с точки зрения охраны интересов подсудимого, такому человеку опасно предоставить участие в судебных прениях. Конечно, случаи, когда одна ошибка обвинителя или защитника решает дело против него, встречаются редко. В большинстве случаев каждая отдельная ошибка, взятая сама по себе, бросает незначительный груз на чашку весов; но вместе с тем надо помнить, что большинство этих незначительных ошибок остаются не исправленными: снять груз уже нельзя; защитник упустил время заявить известное ходатайство — и оно потеряло законное основание; он не во время возразил или во время не возразил на требование прокурора, задал лишний вопрос свидетелю, затронул обоюдоострое обстоятельство — все это уже непоправимо. И каждое такое незначительное обстоятельство в совокупности с другими может дать окончательный толчок колеблющемуся решению присяжных.

В искусстве уголовной защиты надо всегда иметь в виду две цели: молодым людям необходимо научиться защищать, т.е. по-

могать подсудимым, но еще раньше надо научиться не вредить им, а именно: не делать таких ошибок, которых можно избежать. Совершенствоваться в искусстве защиты, превзойти его, если это вообще достижимо, можно, конечно, только в суде; но учиться на собственных защитах, другими словами, на шкуре подсудимого, нельзя.

При всем усердии и старании молодой защитник не может заранее предугадать все неожиданности процесса, все разнообразные капканы и ямы, ожидающие его на судебном следствии. Необходимо поэтому приучиться смотреть себе под ноги и во время замечать и узнавать опасность. Возможно это или нет? Отвечаю: надо поработать, и можно достигнуть многого. Молодой человек «провел» дело; несмотря на убийственные улики и отталкивающие подробности преступления, присяжные оправдали подсудимого; молодой защитник счастлив, товарищи поздравляют его, он идет домой, упоенный успехом, окрыленный надеждами. А между тем он ничего не сделал, а присяжные оправдали подсудимого по одной из тысячи «своих причин»: не понравился потерпевший, рассердил председатель и т.п.; единственное воспоминание, оставленное у них защитником — это ряд неловких вопросов свидетелям и несколько неслыханных и не сообразных со здравым смыслом положений в защитительной речи. Молодой человек едва не погубил подсудимого этими ошибками, но он не знает этого; он видит только свой успех, не замечая своих промахов. Как же научит его видеть их? Для этого есть средство, средство простое, хотя оно, вероятно, и не понравится многим.

Войдите в любое из уголовных отделений суда. На скамьях перед публикой всегда сидят несколько помощников. Они пришли поучиться, но они не учатся: они просто теряют время. Если бы один из них взял в руки карандаш и клочок бумаги и записал процессуальные ходатайства сторон, их вопросы, ответы свидетелей и существо речей обвинителя, защитника и председателя, он унес бы с собою очень интересный материал и, просмотрев его, удивился бы поучительным заключениям, которые сами собой станут очевидными для него. Он действительно поймет ошибки, допущенные участниками процесса; они станут осязательными для него, и он научится бояться их. А их должно бояться как огня.

Судебные заседания изобилуют этими поучительными примерами, ибо от ошибок не застрахованы и старшие судебные деятели. На выездной сессии разбиралось дело о покушении на убийство. Старый товарищ прокурора заметил у меня в руке карандаш и после прений, во время совещания присяжных, спросил меня, что я пишу. Я ответил, что записываю то, что заслуживает внимания, и преимущественно ошибки.

— И у меня записываете? — спросил обвинитель.

— Случается, — ответил я. — Вот сейчас записал, — и передал ему свою тетрадку. Он прочитал и покачал головой. Там было написано: «Мы, с юридической точки зрения, рассуждаем так, что для нас все равно, совершилось ли преступление или не совершилось, ибо мы, собственно, караем злую волю, насколько она выразилась в действиях подсудимого». Можно думать, что, если бы обвинителю не пришлось просмотреть этой стенограммы, он остался бы в убеждении, что высказал присяжным несколько веских юридических доводов.

Я сказал уже, что совет мой покажется неприятным; но для некоторых своих читателей прибавляю: испытайте его. Судебные заседания происходят часто, в столицах ежедневно. Пойдите в суд и постарайтесь записать как можно больше из того, что говорится во время заседания. Но не идите для этой цели на большие процессы; идите туда, где защитниками выступают такие же начинающие, как и вы. Будьте внимательны вообще, но более всего к защитникам. Записывайте *слово в слово* все их обращения к суду, свидетелям и экспертами. Слово в слово. Придя домой, восстановите происходившее на суде, как профессорскую лекцию по запискам, и читайте. Если вы проделаете этот опыт *в точности* хоть один раз, т.е. запишете действительно все, что говорили защитники, ручаюсь, что вы вернетесь к нему несколько раз. И это лучшее средство уберечь себя от тех ошибок, примеры коих вы встретите ниже в соответствующих местах. Пока ограничусь одним. Подсудимый обвинялся по 2 ч. 1655 ст. ул. Защитник говорил присяжным: «Вы судите человека в несовершеннолетнем возрасте, в младенческих летах. Перед вами, собственно говоря, младенец. Его нельзя извергнуть из среды честных людей, и я надеюсь, что вы сохраните его для общества». Что могут сделать самые благодушные, самые снисходительные присяжные при такой защите, когда они за не-

ГЛАВА I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

сколько минут перед тем слышали от председателя, что «младенцу» восемнадцать лет, он три раза был наказан за кражи и один раз судился за святотатство?

Если вам придется занести в свои заметки такой отрывок, вы уже, конечно, не повторите подобных рассуждений перед судом. Но надо закрепить замеченные ошибки на бумаге, иначе быстрокрылые слова исчезнут из вашей памяти.

Нет нужды записывать дословно речи защитников (в противоположность процессуальным ходатайствам и вопросам к свидетелям, где только дословная запись достигает цели). Запишите их содержание, т.е. сущность высказанных ораторами мыслей, и на досуге подумайте о том, что в них было лишнего, т.е. такого, о чем можно было умолчать без ущерба для защиты, и что было ценного, т.е. такого, чего сами присяжные не сумели бы сообразить. Первого окажется много, второго... Не стану предсказывать ваших выводов.

В значительном большинстве тех дел, в коих выступают начинающие, защитник не может помочь подсудимому ни на грош: но *он почти всегда может повредить ему*.

Шестнадцатилетний мальчик вырвал у прохожего на рынке кошелек, семидесятилетняя старушка стащила на чердаке старую юбку, крепкий мужик задержан в лавке со здоровенным ломом и превосходным американским коловоротом; он судится в первый раз (потому что раньше не попадался), мальчик и старуха — в четвертый или пятый раз. Они жалки, присяжные могут их пожалеть и оправдать всех троих; но они осудят или оправдают их независимо от стараний защитника, потому что им придется решать только два простых вопроса: доказано ли, что подсудимый совершил грабеж, или кражу, или покушение, и можно ли отпустить его. Это они разберут и без защитника.

С другой стороны, предположим, что молодой защитник не сумел задать ни одного удачного вопроса свидетелям, что суд не удовлетворил ни одного самостоятельного его ходатайства и что под влиянием смущения он не мог произнести защитительной речи; но он указал на формальное препятствие к оглашению неблагоприятного для подсудимого показания неявившегося свидетеля. Всякий скажет, что он не был лишним на суде. Не будь его, подсудимый, не зная закона и не понимая значения показания,

мог бы согласиться на его прочтение. Но этого мало. Я утверждаю, и со мною согласится любой из наших шести товарищей председателя в уголовных отделениях, что во многих случаях только это и требовалось от защиты: улики были простые и не требовали разбора, преступление было определено правильно, а в речи ничего, кроме общих мест, и быть не могло. Защитник отнял у обвинителя некоторое количество обвинительного материала. Он немного помог подсудимому и ни в чем не повредил ему. Это уже защита.

Слушая любого из наших начинающих адвокатов, можно сразу сказать, есть ли в нем задатки истинного успеха или нет. Есть многие очень молодые люди, которые легко приобретают уверенность в себе, внушительный тон, решительность приемов; после двух-трех небольших дел они кажутся опытными ораторами — в своих собственных глазах. Вы заметите в их речах и логику, и житейски справедливые мысли, и верное толкование основных правил процесса, а иногда и разумное самоограничение. Прослушав такую речь в устах совсем молодого человека, случайный наблюдатель вынесет самое лучшее впечатление. Но если ему придется еще раз услышать этого оратора «с такой старой головой на стол молодых плечах» — *so young a body with so old a head*, — он будет очень огорчен: оратор повторяет от слова до слова ту самую умную и убедительную речь, которой в первый раз так удивил своего случайного слушателя. Этот последний огорчится еще более, когда по следующему делу в той же зале, перед теми же присяжными выступит другой молодой защитник и со скромной уверенностью, со спокойной убедительностью скажет... опять ту же самую умную, интересную и красивую речь от слова до слова. Но суд переходит к третьему делу; перед присяжными является еще один молодой защитник: в нем нет спокойствия и уверенности, он волнуется и робеет, то не договаривает, то повторяется, и так торопится, что трудно следить за его словами; скоро голос его совсем падает, и заключение речи представляет уже бессвязные слова. Наш наблюдатель в отчаянии: этот еще хуже первых двух. Следует постановка вопросов, последнее слово подсудимого и заключительные объяснения председательствующего. Он, как требует закон, разъясняет присяжным «свойство рассматриваемого преступления и общие юридические основания к суждению о силе доказательств», потом, всегда и неизбежно, как председатель у Толстого, наставляет

их, что если они придут к убеждению, что подсудимый виновен, то должны признать его виновным, и если найдут, что он заслуживает снисхождения, то должны признать его заслуживающим снисхождения. С этими словами он заканчивает свое напутствие и собирается передать старшине присяжных вопросный лист; но в эту минуту один из судей наклоняется к нему и что-то шепчет. Председательствующий кивает головой и вновь обращается к присяжным. «Защитник подсудимого, — говорит он, — затронул в своей речи еще один вопрос, на который я должен обратить ваше внимание. Если я правильно понял г. защитника, он выразил сомнение в корыстной цели подсудимого; насколько я мог усвоить его точку зрения, он думает, что тот сорвал шапку с потерпевшего не для того, чтобы присвоить ее себе, а просто из озорства. Подсудимый, как говорят свидетели, был пьян; дело было на базаре, в праздничный день; в то же утро он уже успел, как мы знаем, разбить стекло в одном магазине и опрокинуть лоток с яблоками у торговки; потерпевшего он ударил кулаком; мы знаем, что шапка пропала, но, куда девалась она, неизвестно; продал ее подсудимый, пропил, потерял или у него в свою очередь вырвал ее какой-нибудь такой же озорник, мы не знаем. Я считаю себя обязанным разъяснить вам, что если предположение, которое, по-видимому, имел в виду защитник, справедливо, то подсудимый не может быть обвинен в грабеже; тогда он виновен только в буйстве, нарушении тишины и спокойствия; это не преступление, а незначительный проступок, предусмотренный ст. 38 уст. о нак. Защитник не просил о дополнительном вопросе по признакам буйства; поэтому суд и не предлагает вам его; но если бы вы пришли к заключению, что здесь не было грабежа, а было именно простое озорство, вы не лишены права, вы даже обязаны потребовать, чтобы суд поставил такой дополнительный вопрос». Присяжные уходят в совещательную комнату, но вскоре возвращаются в залу и просят поставить дополнительный вопрос. Через десять минут суд провозглашает резолюцию: подсудимый приговорен к аресту при полиции на один месяц. По 1642 ст. улож. о нак. ему грозила каторга до шести лет. Речь была плохая, но защита оказалась превосходной. У этого молодого юриста есть будущее. Для таких людей, как он, настоящие заметки могут пригодиться; для них они и написаны.

Значительное большинство наших уголовных процессов с присяжными, особенно в столицах и крупных городах, оставляют дела о кражах и мелких грабежах; на них и приходится учиться нашей молодежи. Среди обвиняемых преобладают, с одной стороны, рецидивисты, с другой — подростки. Известно, что всякая судимость за кражу по уложению влечет за собою ограничение прав и воспрещение жить в столицах и губернских городах (ст. 58¹ и 58² ул.); между преступлением и судом всегда проходит несколько месяцев; в продолжение всего этого времени подсудимый находится под стражей; если по какой-нибудь случайности дело было отложено, предварительное заключение затягивается до года; это — низший срок наказания в арестантских исправительных отделениях и средний срок наказание в тюрьме. Все эти условия в совокупности создали прочную схему защиты по делам указанного рода. «Подсудимый — рецидивист, — говорит защитник. — В этом, разумеется, виноват он сам: его вина. Но еще более того — его несчастье. Его выслали в место приписки, т.е. в деревню, где он никогда не жил и где никто его не знает; он *не может* существовать там; он возвращается сюда; здесь он — незаконный человек, и работы найти *не может*; нищенствовать, как вы знаете, также не полагается; он идет на кражу, потому что *не может* не украсть. Он виноват, — я первый готов признать это, и прокурор напрасно ломился в открытую дверь. Вы меня спросите, что же с ним делать? Не знаю; это вам решать; ни наказав, ни отпустив, вы его не спасете; он обреченный, и через год или через несколько недель он непременно и неизбежно будет здесь, опять на этой злосчастной скамье. Он уже почти целый год просидел в тюрьме до суда. По закону это не наказание, но вы, вероятно, согласитесь...» и проч. Если подсудимый несовершеннолетний, защитник предостерегает присяжных: он на дурной дороге, но он еще может вернуться на честный путь; вы можете помочь ему, а можете и окончательно толкнуть его к гибели; стоит ему провести еще несколько месяцев в тюрьме, и вы сами понимаете, каким он оттуда выйдет...

Все эти простые и житейски убедительные соображения обязательно должны быть высказаны защитником в каждом подходящем случае; упустить их из виду было бы непростительным промахом. Их практическая ценность очевидна, и внимательный новичок, хотя бы раз услышав их в устах опытного товари-

ща, сумеет на другой же день повторит их присяжным с такою же убежденностью и убедительностью. И несмотря на это, он может начисто проиграть дело. Присяжные заседатели бывают «добрые», так называемые «присяжные оправдатели», и бывают строгие — «законники»; первые рады всякому предлогу, чтобы оправдать или дать снисхождение подсудимому, вторые — неумолимы; в последнее время добрые стали гораздо реже, чем были прежде. В начале сессии указанные выше схемы защиты могут показаться неопровержимыми и для строгих присяжных; к концу ее, когда перед ними пройдет целая вереница карманников, форточников, «хипесниц», громил и грабителей-хулиганов, самые добрые могут быть сбиты с толку. А мало-мальски опытный обвинитель и не даст защитнику козырей в руки; он сам скажет присяжным все, что мог бы сказать защитник; да мало того, выбрав у противника все лучшие стрелы, простодушно прибавит: «Я только мимоходом указал вам некоторые житейские соображение, которые могли бы показаться основанием к смягчению ответственности подсудимого; защита, конечно, приведет вам много других, гораздо более убедительных доводов в его пользу, но, с своей стороны, я не могу не указать вам и на обязанности ваши как судей и даже просто как граждан. Вы сами знаете, что от воров и хулиганов у нас житья нет; взрослому по улице пройти нельзя; не говорю уже про детей; если удастся благополучно добраться до дому, вас ждет разгромленная квартира. Их высылают из Петербурга? Да, высылают. Что же? Оставлять здесь, чтобы громили и грабили? Их держат в предварительном заключении? Да как же иначе быть? Законного заработка у него быть не может, он должен красть; его оттого и выслали, что он не может не красть; он, наконец, по закону не может быть здесь на свободе; что же прикажете делать следователю и полиции? Творить беззаконие, чтобы поощрять преступление?»

Положение присяжных не легкое. Они видят, что оба правы: и прокурор, и защитник; решение их во всяком случае делается компромиссом и зависит от случайности — более или менее строгого состава. Эта случайность вне власти адвоката, и защита, основанная только на упомянутых выше общих мыслях, ненадежна. Поэтому наряду с ними защитник должен найти в деле и другую базу для своих операций. Эта база — наше уложение о наказаниях.

С. А. Андреевский высказал однажды, что чем менее уголовные защитники — юристы по натуре, тем они драгоценнее для суда. К этому во многих случаях можно было бы прибавить: чем важнее дело, *тем* менее юридических познаний требуется от защитника. На что могут быть нужны казуистические тонкости в делах о корыстных убийствах, о поджогах, в преступлениях против чести женщин и т. п.? Тут нужно знание жизни и знание психологии присяжных, а не кассационных решений. Напротив того, в тех каждодневных делах, о которых я говорил выше, точное знакомство с уложением о наказаниях имеет важнейшее значение. Оно важно не только для того, чтобы помочь подсудимому, но *для того, чтобы нечаянно не повредить ему*. Это объясняется тем, что при действующей карательной системе несущественные подробности преступления сплошь и рядом приводят к существенному и крайне жестокому повышению ответственности виновного. Слишком часто бывает, что, несмотря на горячую защиту, невзирая на то что присяжные в своих ответах ясно выразили свое желание свести наказание до самого низкого предела, судьи, сами признавая справедливым идти навстречу этому желанию, оказываются вынужденными вынести чрезмерно строгий приговор.

Но в большинстве случаев уложение о наказаниях предоставляет суду возможность соразмерить кару виновного с нравственной оценкой преступления; а вынужденная чрезмерность наказания обыкновенно бывает последствием какой-нибудь ошибки со стороны защиты. Во избежание этого защитнику необходимо внимательно обсудить два вопроса. Во-первых, соответствует ли формально обстоятельствам дела статья закона, указанная в обвинительном акте, и, во вторых, не будет ли *справедливо* подвести деяние подсудимого под статью менее строгую или отвергнуть какое-нибудь обстоятельство, увеличивающее вину, хотя бы путем искусственного приспособления фактов к словам закона, как это сделано, например, сенатом в разъяснение понятия вооруженной кражи. Если подсудимый украл 301 рубль, он, конечно, должен быть предан суду по 3 ч. 1655 ст. улож., но нет сомнения, что во многих случаях окажется справедливым наказать его как за кражу на сумму менее 300 рублей. Защита в этом направлении будет не крючкотворством, а добросовестным стремлением дать судьям возможность решить дело справедливо и, когда нужно, уменьшить до последней степени

ГЛАВА I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

наказание подсудимого. Но есть еще *третье* важное воображение. Надо выяснить, нет ли в деле таких случайных условий, совпадение коих может навлечь на подсудимого большую ответственность при добросовестной, но неумелой защите.

После этих общих указаний обращаюсь к разбору основных приемов защиты по тем делам, с которых начинают свое служение молодые адвокаты.

ГЛАВА II. ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ЗАЩИТЕ

1. ИЗУЧЕНИЕ ДЕЛА

Подготовка защиты должна, конечно, начинаться с изучения дела. Предупреждаю, читатель, что и на этот раз первый мой совет покажется скучным и ненужным; сомневаюсь, чтобы вы последовали ему. Но это ваше дело; мое — сказать то, что я знаю. Поэтому говорю: перепишите собственноручно все дело от первого до последнего листа, не упуская и бумаг, не подлежащих оглашению. Единственное исключение — это печатный текст бланков следователя; то, что в них вписано, также необходимо переписать. Советую изготовить копию дела в таком виде, чтобы ее страницы совпадали со страницами следственного производства, чтобы в судебном заседании перед вами было такое же дело, какое лежит на столе перед председателем: при этом условии вы будете таким же хозяином дела, как и он; иначе будете игрушкой в его руках. При этом условии для вас не будет таких неожиданностей, которые вы могли предупредить. Нельзя предугадать заранее всех мелочей, которые на

судебном следствии могут вдруг оказаться решающими; поэтому надо знать все, что только можно знать. Судьба подсудимого может зависеть от одного слова, от одной буквы. Вам придется переписывать акты полицейского дознания, написанные часто неразборчивым почерком, заключающие объяснения свидетелей, не допрошенных следователем. Это очень скучно, но защита не развлечение, а ответственный труд. Спишите все. На судебном следствии может неожиданно промелькнуть намек на обстоятельство, разъясненное в этих записях. Оглашение их невозможно, но, зная факты, вы будете иметь возможность задать несколько таких вопросов наличным свидетелям, которые приведут к цели. В начале протокола допроса свидетеля у следователя излагаются сведения о его возрасте, исповедании, происхождении, судимости и прочее. И это следует выписать, ибо каждое из этих обстоятельств может неожиданно оказаться имеющим значение так же, как и время допроса свидетеля, осмотра преступления или экспертизы. Предположим, что один из важных свидетелей обвинения не явился по законной причине и на суде оглашено показание, данное им у следователя. Один защитник будет распространяться о недостатках письменных показаний и преимуществах устного допроса; он может говорить много и умно, но прокурор возразит, что свидетель был предупрежден о присяге и за неимением указаний на его слабоумие или лжесвидетельство суд не имеет оснований сомневаться в его словах. Другой защитник сначала укажет, что свидетелю было, как видно из акта его допроса, восемь, пятнадцать или девяносто лет, и тогда уже приведет те же соображения, что и первый: они будут казаться взятыми из дела, а не притянутыми со стороны. Осмотр пожарища, произведенный следователем над горящими углями, — одно доказательство; тот же осмотр через день или спустя две недели — совсем другое, и т.д.

Конечно, в больших делах будут встречаться и бумаги, явно лишние для защиты. Но, оставляя эти бумаги в стороне, надо помнить, что это уже непоправимо, и потому во всех сомнительных случаях надо снять копию. Однако, скажет читатель, хорошо, если дело не велико, если в нем каких-нибудь двадцать — тридцать листов; их можно переписать в несколько часов. А если в деле несколько томов, да в каждом томе 150—200 листов? Переписка потребует нескольких дней. Тем лучше; тем важнее, чтобы все было

вами переписано. Тем важнее, потому что большое дело труднее изучить, чем маленькое, а знать его надо так же хорошо. Тем лучше, потому что переписка принесет вам тем большую пользу, дольше задерживая вас над делом. Не пугайтесь этой работы. Следователь трудился несравненно больше вашего; не жалейте потраченного времени и отнюдь не считайте его потерянным. Имейте только под руками особую тетрадку для записи всех вопросов, недоумений, соображений и догадок, которые промелькнут у вас в голове во время переписывания. Ни в каком случае не поручайте этой работы товарищу или помощнику, не говоря уже о наемном писце; никому, кроме себя, в этом доверять нельзя. В деле иногда встречаются пространные, часто безграмотные объяснения потерпевшего или подсудимого; они также заслуживают самого внимательного изучения как исходящие от людей, всего ближе знакомых с обстоятельствами дела. С течением времени собственные наблюдения дадут вам доказательства того, что я здесь утверждаю; пока примите мои слова на веру.

То же надо сделать и по отношению к вещественным доказательствам. Необходимо прочесть их, ничего не пропуская, ибо следователи часто пропускают многое. Все, что может иметь значение, надо переписать. Своими словами никогда не пишите: это источник ошибок. Иногда недостаточно списать содержание бумаги, надо сделать снимок с нее, сохранив расположение строк, переносов, изгибов бумаги. Не оставьте ни единого клочка, не осмотрев его с обеих сторон, особенно в делах о подлогах. Дневники, частные письма, черновые заметки — все надо прочесть от первой до последней строчки. У меня было в руках письмо, в котором один из подсудимых после ряда озлобленных обвинений против другого, между прочим, написал: «Не узнаю себя в этом письме». В руках небрежного следователя эта фраза могла проскользнуть не замеченной и не попасть в акт осмотра; между тем ясно, что она подрывает доверие ко всем предшествовавшим нареканиям писавшего на другого подсудимого. Мне часто приходилось наблюдать, как защитник, не зная вещественных доказательств, топтался на месте среди беспомощных догадок, тогда как, зная, мог бы утверждать определенные факты. «Как председатель суда, — говорит А. О. Кони, — я бывал не раз свидетелем прискорбных сюрпризов, которые создавались для сторон во время судебного

заседания вследствие незнакомства их с тем, что содержится в непросмотренных ими пакетах и свертках, лежащих на столе вещественных доказательств».

Итак, если в деле есть письменные доказательства или приложены подлинные производства других учреждений, скажите себе, что ключ к уразумению неясного заключается в них; вглядывайтесь и вчитывайтесь в эти бумаги. Не забудьте также перечесть всю переписку в так называемом производстве суда; и там могут оказаться полезные или опасные указания.

К судебному следствию надо готовиться с пером в руке; все заметки вести в таком порядке, чтобы сразу находить в них все нужное. Те или иные приемы в распределении данных дела в своих заметках зависят от личных ваших привычек; если подсудимый обвиняется в нескольких преступлениях, надо с самого начала завести соответственное число отдельных тетрадей и по мере чтения актов следствия записывать в каждую все, что относится к данному обвинению. Эти записи можно делать без особых подробностей, но обходиться совсем без них не следует: иначе вы растеряете материалы, относящиеся к отдельным обвинениям.

Если подсудимый передаст вам какие-нибудь бумаги для представления суду, то надо с каждой из них снять копию и иметь ее под руками во время судебного следствия и прений. Если свидетелей много, советую составить особый список их по алфавиту с обозначением всех листов дела, в коих заключаются их показания; это очень поможет вам при изучении дела.

Система — основное условие подготовительной работы.

В производстве следователя материалы дела накаплиются в случайном порядке их поступления; в протоколах перемешаны обстоятельства, относящиеся к отдельным обвинениям и событиям. Иногда подробность, изменяющая весь характер свидетельского показания или степень его достоверности, попадает в заключительные слова затерянного где-нибудь дополнительного допроса без указания на первоначальный. Ссылки на приложение и вещественные доказательства делаются в самых неопределенных выражениях; при этом дело загромождено всяким сором, в котором трудно находить существенные данные; одним словом, оно напоминает плюшкинскую кучу. Из этой кучи надо составить отчетливый геометрический чертеж. Итак, карандаши, чернила,

клей, ножницы, стопа бумаги, тетради, конверты — вот ваше оружие. Та или иная система в распределении данных предварительного следствия зависит, повторяю, от вашего выбора, но только система оградит вас от недосмотров и даст возможность действительно использовать дело в полной мере в целях защиты. Заведите для каждого свидетеля отдельную тетрадку, запишите туда все существенные факты, им удостоверяемые, и его характерные выражение, показания других свидетелей, подтверждающих и опровергающих его рассказ, выдержки из вещественных доказательств, к нему относящихся, и перечень вопросов, которые ему следует задать. Для каждого значительного события также заведите отдельную тетрадь; запишите туда соответствующие части свидетельских показаний, отметьте соответствующие вещественные доказательства, запишите соображения, связанные с этим событием в пользу обвинения и в пользу защиты. Отбрасывайте ненужное и старайтесь как можно короче и отчетливее излагать существенное. Но ведь это будет повторением тех же данных на разные лады? Вот именно. Это бесплодная работа? О, нет! Повторяю, вы усвоите и запомните обстоятельства дела и узнаете его вдоль и поперек. Это не бесплодный труд, а залог успеха. Если можно, вы должны знать дело лучше всех; если нельзя, то не хуже председателя и обвинителя. Если ваш противник будет настоящий прокурор, вы увидите, что он знает дело именно вдоль и поперек, помнит не только страницы, но и внешний вид каждой бумажонки, знает, сколько раз и когда допрошен каждый свидетель, где встречаются недомолвки и где попадают описки в актах следователя. Вот опасный противник. Таким должны быть и вы. Такая работа будет отнимать невероятное количество времени? Разумеется. Так что же? Ведь вы защитник. Ваш досуг принадлежит не вам, а подсудимому.

2. СУЩЕСТВО ЗАЩИТЫ

Чтобы знать, в чем должна заключаться защита, надо прежде всего знать, в чем состоит обвинение. Это указание может показаться смешным. Однако его нельзя назвать лишним. Это видно из следующего невероятного случая. Профессор университе-

та, член Государственной Думы, был предан суду по 3 п. 10344 и 10345 ст. ул. о нак. Ему вменялось в вину помещение в газете, коей он был редактором, ложных сведений о действиях властей и войск при подавлении вооруженного восстания в 1907 г. в провинции и в оскорблении воинских частей. Защитником был профессор уголовного права в одной из наших столиц. Указанные две статьи уложения, как известно, существенно отличаются по своим карательным последствиям. По 10344 ст. виновному может быть назначен или штраф, или арест, или тюрьма от 2 до 8 месяцев; по 10345 ст. — только тюрьма от 2 месяцев до 1 года и 4 месяцев. При этом т.к. в этой последней статье определены не только род и степени наказания, но и высшая и низшая его мера, то за силою 148 ст. улож. суд обязан назначить виновному наказание в этих же границах и не имеет права переходить к низшему роду наказания по 134 и 135 ст. Другими словами, если подсудимый признан виновным по этой статье, ему не миновать тюрьмы. Столь тяжелое положение подсудимого, конечно, должно было быть известно его защитнику. По оглашении обвинительного акта последний заявил суду, что подсудимый признает себя ответственным за содержание статьи. Скажите, читатель, могли ли судьи догадаться, что этим заявлением подсудимый признавал себя виновным не в тех деяниях, которые вменялись ему в вину по обвинительному акту, а в менее тяжком преступлении? После этого защитник, отказавшись от допроса свидетелей, просил суд приобщить к делу две представленные им книги для оглашения напечатанных в них официальных документов. Так как это были издания неофициальные, то суд отказал в этом ходатайстве. В прекрасно сказанной речи защитник подробно разобрал содержание статьи, возражал против обвинения в намеренном извращении фактов, доказывал отсутствие у автора умысла на оскорбление войск и коснулся напряженного общественного настроения, господствовавшего во время появления статьи, как основания к возможному уменьшению наказания. Все эти соображения заслуживали внимания, но не опровергали состава обоих преступлений, т.к. по толкованию сената под 10344 ст. подходит распространение в печати фактов не только заведомо ложных, но и явно неправдоподобных и впоследствии оказавшихся ложными, а оскорбительные выражения караются по 10345 ст. неза-

висимо от намерения обвиняемого. Суд признал указанные защитником смягчающие обстоятельства; но вместе с тем, находя, что высокое образование и видное общественное положение подсудимого вдвойне обязывало его соблюдать уважение к власти в его литературной деятельности, судьи назначили ему наказание в средней мере. Спустя несколько дней мне пришлось говорить об этом деле с одним родственником осужденного. Каково было мое удивление, когда собеседник, не подозревая значения своих слов, сказал мне: он, т.е. подсудимый, сам развел руками, когда увидал эту статью в своей газете. Статья была напечатана без его ведома! За то, в чем он был действительно виноват, он подлежал ответственности не по 10344 и 10345 ст. улож., а по 1044 ст. По этой статье редактор газеты за «допущение по неосмотрительности выхода в свет такого номера издания, в содержании которого заключаются признаки преступного деяния», наказывался денежным взысканием не свыше 500 рублей. Защитник не заикнулся об этом. Он не заметил, что подсудимому вменялись в вину умышленные деяния, а не простой недосмотр, и вследствие этой ошибки подсудимый вместо штрафа в 250 рублей был присужден к тюремному заключению на восемь месяцев. В судебной палате он был оправдан.

Не надо говорить лишнего. Подсудимый обвинялся по 9 и 1647 ст. улож. Защитник говорил *de rebus omnibus et quibusdam aliis* и только в самом конце речи догадался сказать, что гигантский замок, предъявленный присяжным, не мог быть сломан голыми руками, а между тем ни на месте преступления, ни у подсудимого, схваченного у самой двери чердака, никаких орудий взлома не оказалось. К чему было говорить все прочее? Пустословие могло только ослабить внимание присяжных к неопровержимому и потому единственно нужному соображению. Чем сложнее дело, тем хуже такие ошибки.

Во всяком деле существо обвинения бывает определенно указано в обвинительном акте или в определении о предании суду. В чем же должна заключаться защита? Ответ на это выяснится, пока вы будете изучать дело. Скажу прежде всего, в чем состоит основное требование. Защита должна быть верная; *защитник всегда должен быть прав*. Но это невозможно, воскликнет читатель. Иногда бывает прав защитник, иногда прокурор. Как можно быть правым всегда?

Это совсем не трудно. Не нарушайте здравого смысла и не искажайте закона.

Вот и все. Защитой я называю спор против обвинения и вопреки ходячему мнению думаю, что бывают такие дела, в которых настоящей защиты быть не может. Если виновность подсудимого несомненна, а преступление по закону наказывается справедливо или даже недостаточно строго, о чем же спорить законнику? В таких делах возможно пустословие, но не защита. Один из наших криминалистов рассказывает такой случай. Подсудимый обвинялся в причинении в состоянии раздражения тяжкого увечья семнадцатилетней девушке. Он в течение продолжительного времени преследовал ее настойчивыми предложениями жениться на ней. Она, не любя и не доверяя ему, на все его настояния отвечала отказом. При последней встрече с нею на улице, в присутствии свидетелей, он, повторив свое предложение, опять получил отказ и тогда, вынув из кармана нож, ударил им девушку прямо в глаз и проколол его. По объяснению эксперта, потеря зрения на этот глаз ввиду возможности сочувственного воспаления здорового глаза угрожала полной слепотой потерпевшей. Подсудимый был бездельник и пьяница, пострадавшая — безупречная девушка. «Присяжные, — говорит автор, — молча следили за тем, как постепенно восстанавливалась перед ними картина проявления такой выдающейся злостности по отношению к не повинной ни в чем потерпевшей. Они не предлагали ни одного вопроса свидетелям и подсудимому, ни вопросов, клонящихся к выяснению прошлой жизни его, нередко интересующей судей совести, ни вопросов, указывающих на их стремление установить, в какой степени возможно исправление подсудимого в будущем. Они оживились только, когда им были разъяснены наказания, положенные в ст. 1480 улож. о наказ., но это было оживление, сопровождавшееся явным изумлением и разочарованием. А впоследствии, после постановления, на основании вердикта присяжных, приговора с определением наказания, заключавшегося в полуторогодичных арестантских отделениях, — высшей мере, указанной в законе, они с недоумением вспоминали другое дело, по которому подсудимый, отбывший наказание, — первое за кражу сапог ценою в два рубля и второе за кражу кофты стоимостью в один рубль, — был приговорен за кражу столового ножа из трактира к лишению всех особенных прав и преимуществ и отдаче в испра-

вительные арестанские отделения на два года, и сравнивали это наказание с той недостаточной, по их мнению, мерой ответственности, которая была назначена за такую выдающуюся жестокость и за такой непоправимый вред, причиненный потерпевшей, так возмущившие общественную совесть¹».

Возможна ли в таком деле справедливая защита, направленная к спору о виновности? Конечно, нет. Обязанность защитника ограничивается наблюдением за тем, чтобы во время подготовительных по суду распоряжений и на судебном следствии не было нарушений процессуальных прав подсудимого. Но, оставляя в стороне такие сравнительно редкие случаи, я утверждаю, что во всяком ином деле возможна верная, правая защита, если только защитник сумеет разумно и справедливо ограничить свою задачу. Предположим, что в состав преступления входят признаки а, b, с. Первые два установлены с очевидностью, третий допускает спор, фактический или юридический, по соображениям d, e, f, g. Сколько бы ни распространялся защитник об этих соображениях в границах здравого рассудка и правдоподобия, защита останется правильной, хотя бы и оказалась безуспешной. Предположим, что подсудимый обвиняется в умышленном поджоге, сопровождавшемся многочисленными человеческими жертвами, и возраст его с точностью не установлен. Защитник разумными соображениями доказывает, что поджог произошел по неосторожности подсудимого и что последний не достиг совершеннолетия (144 ст. ул. о нак.). Как бы ни решили присяжные и судьи, защита останется правильной. Предположим, что спор идет только о толковании закона, и сенатские решения дают противоречивые указания. Если защитник остановится на явно случайном решении, защита будет неверной; если с обеих точек зрения сенатом высказаны серьезные соображения, защита останется правильной, хотя бы присяжные или судьи и не согласились с защитником. Итак, надо ограничить свою задачу пределами разумной и справедливой возможности.

Я помню одно тяжелое дело. Подсудимый обвинялся в убийстве матери. Защитником был молодой помощник присяжного поверенного. Его появление перед судом в таком деле, где от четы-

¹ П. А. Ифлянд «Тяжкие повреждения в законе и жизни», журн. Мин. Юст., 1911 г., № 7.

рех слабых косвенных улик зависела бессрочная каторга, встревожило судей. Но когда присяжные удалились для совещания, товарищ председателя подошел к защитнику и, пожав ему руку, сказал: «Если оправдают — это всецело ваша заслуга; если обвинят — имеете право сказать себе, что сделали все, что могли сделать».

В чем заключались заслуги защитника? Он не сбил ни одного свидетеля — они говорили правду; не привел какого-нибудь остроумнейшего довода — таких и быть не могло по несложности фактов; не блистал риторическими красотами — они были бы неуместны. Но он не задал ни одного неудачного вопроса, не привел ни одного неверного или вымышленного соображения, и он говорил с уверенностью в справедливости того, что утверждал: виновность подсудимого не была доказана. Он достиг следующего. После речи обвинителя присутствовавшие испытали чувство подавленности перед тем, что казалось очевидным и бесспорным; казалось, не было в зале ни одного человека, который мог бы возразить против фактов. Речь защитника показала, что это было ложное впечатление. Присяжные увидели перед собою человека, который сумел ответить на обвинение так, что все, им сказанное, осталось неприкосновенным и после возражения товарища прокурора. Он сказал, что разумные сомнения возможны, и это его положение оказалось неуязвимым. Другое последствие превосходной защиты заключалось в том, что заключительное слово председателя явилось не опровержением, а подтверждением защиты. Председатель не мог не сказать, что рассуждения защитника заслуживали полного внимания, так же как не мог не указать установленных против подсудимого доказательств. Это была настоящая защита. Присяжные видели перед собою *justum ac tenacem propositi virum*, — не мальчика, но мужа, уверенного в своей правоте и настойчивого в своей задаче.

Общая система защиты зависит, конечно, прежде всего от подсудимого. Он может признать себя виновным вполне, или в менее тяжком преступлении, чем указано в обвинительном акте, или вовсе отрицать свою вину. Во многих случаях это отрицание будет явной ошибкой, и защитник сумеет предупредить его об этом. Некоторые указания в этом отношении приведены мною ниже в главе о подсудимом. Но общих правил о том, насколько можно требовать откровенности последнего, насколько защитник должен

подчиняться подсудимому, насколько стараться подчинить его себе в подготовке защиты, я установить не берусь. Изучив дело и обдумав возможные шансы, молодой защитник может посоветоваться с опытным старшим товарищем во избежание какого-нибудь грубого промаха. Но прямого ответа на свои сомнения не должен искать у других. Только те, кто знает все обстоятельства дела, т.е. защитник и подсудимый, только они и могут решить вопрос о системе защиты.

Как быть, если подсудимый будет требовать, чтобы вы доказывали его полную невиновность, тогда как вы находите возможным только смягчить состав преступления или добиваться снисхождения? Если предполагалась защита по соглашению, вы откажетесь; если назначены судом, будете защищать по своему разумению: подсудимый останется недоволен, но вы будете правы как перед собою, так и перед ним.

Другое основное правило заключается в следующем: *опровержение явно несостоятельных частей обвинения не должно входить в систему защиты*. Если обвинение явно преувеличено, например кража с перочинным ножом в кармане названа вооруженной, нанесение смертельных повреждений без указаний на желание лишить жизни пострадавшего — намеренным убийством и т.п., то спор в этом отношении является лишним, а при неумении оратора избегать обоюдоострых соображений может повредить подсудимому. В таких случаях защитнику следует только сказать, что он не считает уместным отнимать время суда на разъяснение того, что понятно само собою. Это и будет наиболее убедительным возражением. Отсюда следует, что если в меньшем объеме обвинение вполне доказано, а в большем — явно несообразно, то защиты как борьбы также не существует, и роль защитника опять сводится к ограждению процессуальных прав подсудимого. Все прочее будет пустословием.

При каждой новой защите надо внимательно перечесть как статью уложения, указанную в обвинительном акте, так и другие законы, могущие иметь отношение к делу. Хотя бы вам казалось, что вы знаете их наизусть, перечтите их *непременно*. Исход дела может зависеть от одного слова. Суд разбирал в апелляционном порядке дело о безпатентной торговле спиртными напитками. Подсудимый был осужден уездным членом за тайную продажу водки и пива в распечатанной посуде. В апелляционной жалобе он признавал себя

виновным лишь в продаже крепких напитков в запечатанных бутылках и просил о соответствующем уменьшении наказания, т.е. о замене восьми месяцев тюрьмы штрафом. Со стороны обвинения был один свидетель, урядник, удостоверивший, что в чайной лавке подсудимого водку и пиво пили ежедневно; при обыске у него было обнаружено два ящика пива и несколько дюжин бутылок водки. Со стороны защиты было вызвано несколько местных крестьян. Каждый из них заявлял, что покупал водку у подсудимого, но всегда в запечатанной посуде. Каждого председатель спрашивал, где пил он купленное пиво или водку, и каждый, не задумываясь, отвечал: в чайной подсудимого. По окончании судебного следствия молодой защитник в немногих словах объяснил суду, что добросовестные показания свидетелей вполне выяснили дело и остается только исправить ошибку уездного члена и применить к деянию подсудимого 1 ч. 1112 ст. улож., а не 2 ч. той же статьи, соответственно уменьшив наказание. Дело действительно было вполне ясно, и суд через несколько минут огласил резолюцию, утверждавшую приговор первой инстанции. Если бы защитник прочитал закон, он мог бы заметить, что 2 ч. 1112 ст. карает не только продажу спиртного в запечатанной посуде, но и *распивочную* продажу.

Лучшая защита — это защита законом. Она не всегда ведет к полному оправданию, но ее преимущество заключается в том, что, если защитник нашел юридически верное положение, оно обязательно для судей.

21 июля 1903 года Лариса Комарова пришла в ренсковый погреб запасного ефрейтора Михаила Васильева, помещающийся в доме № 7 по 12-й линии Васильевского Острова, и потребовала от Васильева по имевшейся у нее долговой расписке этого последнего уплаты 100 рублей денег, которые Васильев не доплатил ей за купленный у нее винный погреб. Взяв от Комаровой свою расписку как бы для обозрения ее, Васильев на глазах Комаровой разорвал ее на мелкие куски и предложил Комаровой удалиться, так как теперь все расчеты между ними покончены. На суде подсудимый признал приведенные выше факты. Прокурор отказался от судебного следствия. Защитник потребовал допроса одной Комаровой. Она показала, что Васильев уплатил ей долг и что она простила его. Защитник указал присяжным, что расписка была уничтожена подсудимым не из желания уклониться от уплаты, и

просил их отвергнуть корыстную цель. Присяжные так и сделали, и так как уничтожение документа без корыстной цели (1622 и прим. к 1625 ст. ул.) преследуется не иначе, как по жалобе потерпевшего, а Комарова простила Васильева, то суд освободил его от наказания.

Двадцатилетний приказчик крупного торгового дома растратил за несколько месяцев более 5000 рублей. Он признал себя виновным и обязался возместить убытки своих хозяев. Защитник доказывал легкомыслие и громил преступный соблазн, в который богатые люди ввели «молодого мальчика». Председатель сказал по этому поводу: «Лучше, вероятно, было бы оставить такого мальчика без работы — бросить его на улицу! А ему дали хороший заработок: сначала пятнадцать, потом двадцать и наконец пятьдесят рублей». При деле находилась копия доверенности, выданной подсудимому уполномоченным торгового дома; он имел право заключать всякого рода сделки и получать по ним деньги без ограничения суммы. Отчего не сказал защитник, что самый закон — ст. 38 уст. торг. — воспрещает выдачу доверенностей несовершеннолетним приказчикам и разрешает давать им в распоряжение товар не более как на тридцать рублей? Нарушение этого правила хозяином не освобождает виновного приказчика от уголовной ответственности (реш. 1875 г. № 116), но это обстоятельство не могло бы не иметь известного значения для присяжных. Не надо было говорить о соблазне, а следовало сказать о допущенной ошибке и просить их в деянии подсудимого также признать ошибку, хотя и преступную и достойную наказания, но в меньшей мере.

По особым правилам улож. о нак. о поджоге деяние виновного признается покушением, когда пожар был потушен в самом начале. На основании 3 п. 1610 ст. покушение наказывается как оконченный поджог, если виновный скрылся или, «оставаясь на месте, ничем не доказал раскаяния в своем поступке». На основании ст. 1606—1609 это наказание колеблется между арестом, исправит. отдел. и каторгой от 4 до 20 лет или без срока. В противоположность этому жестокому правилу 1 п. 1610 ст. предоставляет суду право ограничить наказание тюрьмою на 4—8 месяцев без ограничения прав, если пожар потушен самим «раскаявшимся» виновным или призванными им на помощь людьми. Это, конечно, бывает очень редко, и защитник может доказывать это толь-

ко при исключительно благоприятных обстоятельствах. Но 2 п. 1610 ст. представляет возможность без труда спасти подсудимого от каторги. В этой части статьи предусмотрены случаи, когда пожар потушен не по известию поджигателя и не им призванными людьми; таким образом, 2 п. 1610 ст. отличается от 3 п. 1610 отсутствием отрицательного признака: «ничем не доказал раскаяние»; наказание по 2 п. — арест. отд. от 3 до 3^{1/2} лет; выбор между 2 п. и 3 п. предстоит суду всякий раз, когда поджигатель застигнут на месте; ясно, что защитник должен объяснить присяжным эту опасную для подсудимого дилемму: каторга или исправительное наказание зависит от того, усмотрел ли околоточный надзиратель или десятский в поведении виновного «доказательство раскаяния».

Не вынуждайте судей изобличать вас в юридической безграмотности.

Подсудимый украл у хозяина три вексельных листа с подписью, вписал в двух из них текст и предъявил их к протесту. Он был предан суду по ст. 1157 и 1160 ст. ул. о нак. и на суде признал себя виновным. Защитник просил об оправдании, объясняя присяжным, что это было похищение документов, ничего не стоящих, и что заполнение текста подписанного вексельного листа не может быть подлогом.

Подсудимая обвинялась по 2 ч. 224 ст. ул. Суд предложил вопрос присяжным в следующих выражениях: виновна ли крестьянка Марфа Дмитриева в том, что тайно похитила из незапертой часовни медную лампаду, освященную употреблением при богослужении? Присяжные ответили: да виновна, но лампада не была освящена. Прокурор дал заключение о применении 226 ст., защитник не возражал. Если бы он был внимателен к своим обязанностям, он заявил бы суду, что подсудимая может быть наказана только по 229 ст., потому что в вопросе суда был пропущен существенный признак святотатства — принадлежность похищенного предмета к церковному имуществу; другими словами, вместо четырех лет тюрьмы с ограничением в правах она подлежала не более как шестимесячному заключению. Если бы суд не заметил своей ошибки, она, вероятно, не была бы исправлена и в кассационном порядке за отсутствием протеста и жалобы, и Дмитриева просидела бы лишних три года в тюрьме.

Чтобы судить о том, как часты и разнообразны бывают ошибки неопытных людей, предлагаю читателю остановиться на следующем случае. Пьяная старуха Олимпиада Козлова подожгла из мести нежилой сарай своей соседки. Постройка сгорела, сгорело сложенное в сарае сено и другое имущество, всего на 600 рублей; страховое вознаграждение было выдано в сумме 25 рублей. В обвинительном акте было намеренно опущено указание на близость подожженной постройки к жилым избам селения, и Козлова была предана суду по 1 ч. 1609 ст. ул. Защитник спросил потерпевшую, на каком расстоянии от обитаемых строений находился сожженный сарай; свидетельница ответила: в трех саженях, а то и трех не будет. Тот же вопрос был задан со стороны защиты и следующей свидетельнице. И это перед уездными присяжными! Две ошибки. Старуха была сильно избита после пожара. Защитник ходатайствовал об оглашении полицейского акта освидетельствования подсудимой, не поддежавшего прочтению, и не настоял на оглашении сообщения больницы о том, что она была на излечении от побоев в течение двух недель, которое могло быть оглашено. Еще две ошибки. В своей речи защитник пытался доказать, что преступление может быть подведено под 1614 ст. ул., т.е. поджог хлеба или сена на корню или в необитаемом строении, а не самого строения; и, решившись на такую натяжку, забыл просить о дополнительном вопросе. Еще две ошибки. Итого шесть (засед. С.-Петербур. окр. суда в Ямбурге 25 Сент. 1908 г.). Сущность защиты часто лежит в стороне от события преступления, в случайных обстоятельствах, лишь косвенно к нему относящихся. И часто случается, что защитник не умеет заметить этого. В 1903 году кр. Сорохтин, Лебедев и Поляков были задержаны на краже конской сбруи со двора кр. Чиркова на Ст. Петергофском проспекте. Дело поступило к мировому судье, который присудил всех трех к тюремному заключению — первого на полгода, второго и третьего на год. Сорохтин и Лебедев подчинились приговору, но Поляков обжаловал его. В 1904 г. мировой съезд, разбирая дело по его жалобе, усмотрел, что во время кражи был разобран забор, окружавший обитаемые строения, и отменил приговор мирового судьи не только по отношению к Полякову, но и относительно Сорохтина и Лебедева. Дело было передано судебному следователю. Между тем мировой судья уже обратил свой приговор к исполнению,

Сорохтин был посажен под стражу, чтобы отбывать наказание, и просидел в тюрьме четыре месяца. Потянулось предварительное следствие. Закончив его, судебный следователь освободил Сорохтина под надзор полиции. Дело поступило в окружной суд с обвинительным актом по 1647 ст. ул., но тут Поляков и Лебедев скрылись. Пошли безуспешные розыски; шло и время, и, наконец, к самому концу 1909 г., т.е. спустя шесть лет после кражи, Сорохтин предстал перед присяжными для нового суда, *один*. На вопрос председателя он признал себя виновным в краже и прибавил, что состоит на службе на железной дороге и уже сидел в тюрьме за свое соучастие в краже. Потом он пробормотал несколько несвязных слов, которые председатель полувопросительно перевел словами: вы просите, чтобы присяжные отнеслись к вам с возможною снисходительностью? Товарищ прокурора ограничился несколькими мягкими фразами. Попробуйте, читатель, угадать, что сказал защитник подсудимого — не помощник, а присяжный поверенный. Он встал и еле слышным голосом прошептал: «Ввиду чистосердечного сознания подсудимого я прошу отнестись к нему со снисхождением». Присяжные были очень строгие. Они признали Сорохтина виновным, отвергнув взлом.

Человек был осужден, подчинился решению суда и отбыл больше половины определенного ему наказания; этот приговор был незаконно отменен судебным местом, а затем по вине других людей он шесть лет жил под угрозой арестантских отделений. И все это ускользнуло от юриста, назвавшего себя его защитником!

Возьмем другой подобный случай.

Подсудимый, обвиняемый по 169 ст. о нак., судится перед присяжными, п.ч. Его соучастник обвиняется в четвертой краже (ст. 207 уст.). Дело откладывалось раз или два, и подсудимые содержались под стражей более года. Оба признают себя виновными. Как вести защиту? Все, что должен объяснить присяжным защитник первого, это случайный характер подсудности и несоразмерность предварительного и карательного лишения свободы: если бы его судил мировой судья, он отбыл бы *законное* наказание шесть или даже девять месяцев тому назад; другими словами, он пробыл под стражею вдвое или в четыре раза дольше, чем определено в законе, ибо повышение наказания до одного года по 5 п. 170 ст. уст. не обязательно. Все это надо сказать так, чтобы присяжные

почувствовали несправедливость в деле. Тогда у них явится побуждение оправдать подсудимого, несмотря на его сознание. Но сам защитник может говорить лишь о неблагоприятных случайностях, неудачных для подсудимого совпадениях, о накоплении дел, вызывающем замедление в судопроизводстве, и т. п., — только не о несправедливости.

Подсудимый обвинялся по 2 и 3 ч. 1455 ст. ул. и был оставлен на свободе. Защитник обратил внимание присяжных на это обстоятельство: «Прокурор говорит о тяжком преступлении. Но не кажется ли вам замечательным, что следователь, производивший следствие, и товарищ прокурора, за следствием наблюдавший, предъявив подсудимому обвинение в убийстве, не признали нужным и справедливым отправить его в тюрьму. Это, во всяком случае, указывает, что они смотрели на дело иначе, чем г. обвинитель». Вот неотразимое и убедительное соображение!

Земский служащий обвинялся по 410 ст. ул. в медлительности по исполнению каких-то бумаг. Защитник просил огласить время начала и заключения следствия. Суд установил, что оно было в производстве у следователя около года. Тогда защитник просил установить, когда оно поступило в суд. Председатель удостоверил и это. Вышло, что в суде дело лежало без движения полтора или два с половиною года. Мог ли после этого суд отнестись строго к подсудимому?

Вот в немногих словах то, что мне кажется нужным сказать по этому важнейшему предмету. Но для начинающих недостаточно прочесть и запомнить эти указания. Их надо основательно продумать.

3. СОБИРАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Ст. 557 уст. предоставляет подсудимому просить о вызове свидетелей, не включенных в список прокурора. Это одно из важнейших прав защиты. Но такие свидетели неизбежно являются некоторым осложнением дела. Поэтому иные судьи, обсуждая просьбу о вызове их согласно 575 ст. у. у. с, исходят из соображения, нельзя ли отказать, и, если можно, стоят за отказ в вызове. Сенатская практика, запутавшаяся между отношением к делу, значением и су-

ществственным значением показаний, создает благоприятную почву для отказов в сомнительных случаях. При этом вызов свидетелей на счет подсудимого по 576 ст. уст. не обязателен безусловно. Суд не должен вызывать таких свидетелей, показания коих признает не относящимися к делу, не могущими служить для выяснения истины и т.п. Такие указания Сената также дают простор произвольным отказам. Между тем показания новых свидетелей часто бывают важны, а иногда и необходимы для защиты. Надо считаться с возможностью и опасностью отказа и принять все меры к тому, чтобы требование защиты было удовлетворено. Поэтому прошение о вызове новых свидетелей должно быть составлено с величайшим вниманием. Факты, о которых имеет показывать каждый свидетель, должны быть указаны точно, с пояснением их значения для защиты. Если свидетель может удостоверить несколько отдельных событий, не следует удовлетворяться указанием одного из них; надо перечислить все, ибо возможно, что судьи, признав, что некоторые не имеют значения, затруднятся перед другими. Не следует также забывать, что неправильный отказ в вызове только тогда может быть надежным кассационным поводом, когда основания ходатайства изложены в первоначальном прошении с достаточной определенностью и убедительностью. Это прошение есть первое положительное действие защитника. Приучите себя заботиться, чтобы оно было не мусором, а прочным основанием защиты.

Всегда, когда можно, старайтесь обеспечить себя письменными доказательствами. Клочок бумажки иногда бывает сильнее дюжины красноречивых свидетелей.

Две женщины, пожилая Никитина и другая, молодая женщина, проходили по улице; к ним подошли трое пьяных парней, и один из них спросил Никитину, который час; та, не глядя на часы, ответила: половина десятого. Один из встречных, Иванов, сказал на это: «Не может быть». Никитина растегнула кофту и, вынув часы, показала их Иванову; он схватил цепочку и, с силою дернув, оборвал ее; женщины подняли крик, Иванова схватили; его товарищи убежали. Он был предан суду по 9 и 1643 ст. улож. Защитник представил суду свидетельство о явке его к отбыванию воинской повинности и об отсрочке призыва его до разрешения производившегося о нем дела, аттестат владельца типографии, в

которой он работал (при согласии сторон суд нередко оглашает эти документы), расчетную книжку, из которой было видно, что он зарабатывает 45 р. в месяц, и выписку из домовоей книги, удостоверявшую, что он жил в течение нескольких лет в одном и том же доме, у самого места происхождения. Этим защитник доказал, что Иванов был порядочный человек. Это дало ему твердое основание утверждать, что предположение о его покушении на грабеж было маловероятно. Большого не требовалось. Присяжные признали, что подсудимый действовал без корыстной цели, и суд приговорил его по 142 ст. уст. о нак. к аресту на один месяц.

Защитник женщины, ослепившей мужа азотной кислотой, предъявил суду свидетельство, выданное подсудимой несколько лет тому назад врачом, освидетельствовавшим ее после побоев мужа. В свидетельстве были описаны кровоподтеки и ссадины и заключалось мнение врача о том, что повреждения были легкие, но их многочисленность указывала на постоянные истязания, причем свидетельствуемая была в последнем периоде беременности. Не стоит ли один такой листок бумаги многих красноречивых слов? Скажите подсудимому, чтобы он перерыл все свои вещи и принес вам каждый клочок бумаги, имеющий какое-либо, хотя бы самое отдаленное, отношение к делу. Не ему, а вам судить о том, что может быть нужно для защиты. Я знаю случай, когда у подсудимого пропало крайне важное письмо и сохранилась лишь частная копия, т.е. бумага, лишенная всякой достоверности; но у приятельницы его жены нашлось письмо, в котором последняя писала: «Такой-то передает тебе важный документ». Этого было достаточно для того, чтобы, пользуясь совпадением времени и других подробностей, защитник мог утверждать, что утерянное письмо действительно существовало. Без второго письма частная копия казалась бы подложным доказательством.

ГЛАВА III. ПРИЕМЫ ЗАЩИТЫ ПО НЕКОТОРЫМ ОТДЕЛЬНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

1. КРАЖА

Подсудимый обвиняется по 1647 ст. улож. Обворована квартира в шестиэтажном доме; на наружных дверях и внутри квартиры взломаны замки; кража совершена ночью и, судя по количеству похищенных вещей, не одним, а несколькими людьми. Защитник объясняет присяжным, что соучастие нескольких человек в краже не доказано, что житейски было бы вернее признать, что она происходила не ночью, а утром; что подсудимый в течение нескольких дней был без заработка и пошел на кражу с голоду, что предварительное заключение дает ему право на снисхождение. Присяжные убеждаются всеми этими доводами и на предложенный им вопрос отвечают: да, виновен, но без участия других лиц, не ночью, заслуживает снисхождения, и кража была совершена по крайности. Присяжные сознают, что сделали все, что могли, чтобы предварительное

заключение подсудимого не пропало для него даром; то же думает защитник. На самом деле он ничего не сделал. Нормальное наказание по обвинительному акту, угрожавшее подсудимому на основании 1647 и 3 степ. 31 ст. улож., было заключение в исправительное арестантское отделение от 2,5 до 3 лет. Присяжные на четыре лада выразили желание понизить наказание. Однако, если судьи не разделяют этого взгляда, они могут наказать подсудимого так же строго, как если бы присяжные ответили: да, виновен, без всяких ограничений. Это объясняется очень просто: а) соучастие и б) ночное время не усиливают виновности при 1647 ст. (1659 ст. относится только к 1655 ст. улож.); в) снисхождение, согласно ст. 828 у. у. с, дает право суду уменьшить наказание на две степени, но обязывает к понижению только на одну степень, и г) признание крайности, согласно 1663 ст. ул. о нак., дает право понизить наказание на две и на три степени, но и это — возможность, а не обязательное требование; суд может ограничиться одною степенью; при этом смягчение наказания по 1663 ст. улож. лишает суд права применить к подсудимому ст. 828 у. у. с. Таким образом, при упомянутом выше ответе присяжных судьи, если находят нужным отнестись к подсудимому строго, могут перейти от нормального наказания по 3 степ. 31 ст. к 4 степ. 31 ст.; по этой статье заключение в арестантское отделение назначается от полутора года до 2,5 лет; взяв наказание в высшей мере, судьи имеют возможность присудить подсудимого к тому же наказанию, которое угрожало ему по 3 степ. 31 ст. в низшей мере. Такая крайняя строгость со стороны судей может, конечно, быть лишь совершенно исключительным явлением. Но возьмем обратное предположение: судьи, как и присяжные, считают справедливым свести наказание на *minimum*. Они не могут назначить подсудимому меньше одного года и четырех месяцев тюрьмы с неременным лишением особых прав по 1 степ. 33 ст. и роковою высылкою по 581 и 582 ст. улож. По уголовному уложению суд при указанном выше ответе присяжных мог бы на основании 4 разд. 581 ст., заключить подсудимого в тюрьму на две недели без лишения прав (если он не привилегированный), причем он может быть освобожден и от высылки (ст. 35 угол. улож.).

В предполагаемом случае защитник сделал только одну ошибку: он упустил из виду, что кража была совершена летом, когда хо-

зыева квартиры были на даче и квартира никем не охранялась. По закону это обстоятельство не имеет никакого значения, потому что в доме были другие обитаемые квартиры. Но если бы защитник спросил присяжных, в равной ли мере заслуживают наказания тот, кто пошел на кражу в квартире, где спало и бодрствовало несколько человек, хозяева и прислуга, и тот, кто решился забраться в квартиру потому только, что узнал, что в ней никого нет, то, не выжидая ответа на этот риторический вопрос, он мог бы затем прямо сказать им: в этой мнимой обитаемости квартиры для подсудимого спасение, в ней и гибель. Не давайте ему снисхождения, не признавайте крайности, о которой он говорит. Если вы хотите облегчить его участь на деле, а не на словах, если он действительно представляется вам заслуживающим смягчения наказания, не давайте ему снисхождения, не признавайте, что бы ни говорил он, как бы ни был нищ и болен, не признавайте, что кража была совершена по крайности; не отрицайте ни ночного времени, ни соучастия; все эти утверждения и отрицания будут для него совершенно бесполезны. Скажите только одно: что помещение не было обитаемо.

Это рассуждение применимо ко всем кражам с чердаков и из кладовых, т.е. без малого к половине дел по 1647 ст., разбираемым нашими присяжными в больших городах. Разъяснение сената по делу Дервянкина (1882 г. № 43) написано как будто нарочно для того, чтобы помочь защите доказать неприменимость 1647 ст. к этим случаям. Если присяжные согласятся на уступку, о которой просит защитник, признак, определявший высшую подсудность, отпадет и *minimum* наказания будет шесть месяцев тюрьмы без лишения прав (по 170 и 170¹ ст. уст. о нак.). Допустим, что и в самое время кражи в квартире были люди. Если есть благоприятные условия, например если подсудимый очень жалок, если он очень молод, наконец, если данный состав присяжных уже выказал свою снисходительность по другим делам, можно все-таки осторожным намеком, но отнюдь не прямой просьбой, *внушить* им, что они могут отвергнуть обитаемость, а на крайность или снисхождение указать как на естественное облегчение наказания. Отказав в большем, присяжные не откажут в меньшем.

Берегитесь, однако, читатель, принять эти указания за общий, нормальный способ защиты по кражам из временно оставленных без присмотра квартир. Это могло бы принести больше зла, чем пользы.

Просьба об отрицании несомненного факта возможна только в исключительных случаях, когда прочие обстоятельства благоприятствуют подсудимому и защитник имеет основание рассчитывать на желание присяжных облегчить его ответственность. Присяжные — те же дачники. Они также оставляют свои квартиры без особого призора, уезжая из города, и обычно их отношение к таким кражам самое строгое. Поэтому, если подсудимый — привычный вор, просьба о признании необитаемости квартиры может вызвать в них раздражение вместо снисходительности. Остерегайтесь этого. Надо считаться со всей обстановкой дела. Надо также следить за своими выражениями. Один молодой защитник, говоря о покушении на кражу из заведомо пустой квартиры, выразился так: «Это не те громилы, у которых при краже всегда и нож наготове; они твердо знали, что в квартире никого нет, и ломали замок, так сказать, *с чистой совестью*».

Подсудимый обвиняется в четвертой краже; наказание по 2 ч. 1655 ст. очень тяжелое — арест. отд. от 3,5 до 4 лет. Здесь надо забыть и уговор, и ночное время, и взлом: все это по 1659 и 16591 ст. улож. только может увеличить наказание; поэтому, если нет указаний на принципиальную строгость коронного состава суда, не следует размениваться на эти подробности; все внимание защитника должно быть обращено на то, чтобы убедить присяжных, если логически возможно, что кража была совершена по крайности или что по ничтожной стоимости похищенного следует признать, что кража была на сумму не более 50 копеек; если невозможно ни то, ни другое, надо настаивать на снисхождении.

6 ноября 1907 г. в нашем столичном суде судили мальчика 17 лет по 1647 ст. ул. Защитник просил об оправдании; председатель разъяснил присяжным что они могут смягчить свойство преступления, признав, что кража совершена из необитаемого помещения, могут дать подсудимому снисхождение и могут признать, что кража была совершена вследствие крайности. В этом, прибавил председательствующий, крайний предел снисхождения, которое вы по закону могли бы оказать подсудимому. Присяжные отвергли обитаемость и дали подсудимому снисхождение, но не признали крайности. При наличии взлома кража подходила под 1701 ст. уст. о наказаниях, т.е. подлежала наказанию от 6 мес. до полутора лет. Суд назначил наказание в низшей мере.

Не знаю, был ли удовлетворен защитник; но не могу не сказать, что, если бы присяжные признали обитаемость, суд мог бы назначить и меньшую кару. Нормальное наказание по 1647 ст. улож. есть 3 степ. 31 ст. Ввиду снисхождения судьи могли понизить наказание на две степени, перейдя к 5 степ. 31 ст., а затем — ввиду несовершеннолетия подсудимого — еще на две степени, с переходом от 5 степ. 31 ст. непосредственно к 2 степ. 33 ст. (140 ст. ул.); таким образом, суд мог перейти к 3 степ. 33 ст. и, назначив наказание в низшей мере, ограничил бы срок заключения четырьмя месяцами. Если бы присяжные признали, что кража совершена по крайности, суд мог бы перейти и к 4 степ. 3 ст., где *minimum* наказания — 2 месяца. Защитник надеялся на оправдание. Но он должен был предвидеть и возможность осуждения, и на этот случай его прямая обязанность заключалась в том, чтобы предупредить присяжных об опасной игре закона; он должен был сказать им, что в уставе не установлено смягчения наказания для достигших 17 лет, а по уложению наказание таких несовершеннолетних уменьшается обязательно на одну или две степени. Этим указанием защитник не только выполнил бы собственный долг, но и предотвратил бы ошибку, сделанную председателем в разъяснении закона. Упустив эти соображение в своей речи, он обязан был потребовать, чтобы неверное разъяснение председателя было занесено в протокол. Но, чтобы изобличать других в незнании или невнимании к закону, надо самому твердо знать его.

Необходима удвоенная осторожность в делах о святотатстве. Дела эти трудны по необыкновенно сложным подразделениям закона, в которых легко запутаться; в уложении о наказаниях эти преступления распределены в восьми различных статьях (ст. 226—231 и 233), а в уголовном уложении соединены в одной ст. 588. Другая опасность заключается в религиозной впечатлительности присяжных.

Подсудимый был предан суду по 1 ч. 225 ст. ул., т.е. за кражу со взломом из церкви или ризницы вещей, не освященных употреблением в богослужении; в обвинительном акте было сказано, что он похитил два ковра из притвора церкви. Защитник, ссылаясь на показания церковного сторожа, говорил присяжным, что притвор нельзя считать частью храма, что это помещение «ничего общего с церковью не имело»; он коснулся также различия

предметов освященных и неосвященных. «Закон, — как он говорил, — смотрит на это не жизненно, слишком формально; с точки зрения закона, свеча, поставленная к образу, есть освященная вещь, а свеча, которая лежит в ящике, — только церковное имущество. Это различие не соответствует обыденным житейским понятиям и житейской правде». Я должен сказать, что защитник очень старательно изучил дело и в других частях своей речи высказал несколько верных соображений. Тем не менее он сделал две непозволительных ошибки, из коих каждая могла послать подсудимого на каторгу. Как мог он не заметить, что в обвинительном акте была преступная ошибка? Притвором называется помещение за входными дверями храма, т.е. внутри его стен; в протоколе осмотра места преступления о притворе не упоминалось, а было сказано, что ковры лежали в досчатом тамбуре, устроенном у входа в церковь. Эта ошибка обвинительной камеры была исправлена судом, поставившим дополнительный вопрос по ст. 226 ул. Но далее. Наши присяжные вообще относятся к обрядовой стороне религии с большим уважением; защитник должен был знать это. Подсудимому не вменялась в вину кража предметов освященных; следовательно, установленное в законе различие в этом отношении не могло иметь значение для защиты. Его не следовало и затрагивать; а коснувшись его, защитник должен был следить за своими словами. Председатель предложил присяжным решить, есть ли разница между свечой, с которой церковный сторож идет к себе в чулан за водкой, и свечой, на последний грош поставленной верующим бедняком к образу с горячей молитвой о своем горе, а в заключение сказал им, что своим приговором они покажут, есть ли уважение к этой вере формализм или нет. Председатель повторил ошибку адвоката: как я уже сказал, эти соображения не имели никакого отношения к делу, но они, несомненно, отразились на внимании присяжных и к другим доводам защитника.

На основании ст. 114 улож. покушение наказывается на две, три или четыре степени ниже, чем оконченное преступление. Поэтому в очень многих случаях признание виновности в покушении несравненно выгоднее для подсудимого, чем самый снисходительный ответ на вопрос об оконченном деянии; в этих случаях, если только обстановка дела дает возможность спорить против главного обвинения и доказывать наличность покушения, защита

непременно должна воспользоваться этой возможностью. К сожалению, наши начинающие адвокаты почти не знают этого способа защиты; а между тем наши сессии изобилуют делами, вполне для него подходящими. Подсудимый сорвал платок с прохожей женщины, бросился бежать и был сейчас же задержан. Для прокуратуры, для обвинительной камеры, для сената — это оконченный грабеж, но для многих присяжных это только попытка ограбить. Подсудимый остановлен прислугой на черной лестнице с самоваром в руках; в обвинительном акте — 1 ч. или 2 ч. 1655 ст. — оконченная кража; а в житейской оценке присяжных — покушение. Вор застигнут хозяином в квартире в ту минуту, когда перекладывает деньги из денежного ящика себе в карман и уже успел спрятать несколько бумажек или червонцев. В теории — это кража, ибо виновный, говоря словами Таганцева, «воспроизвел законный состав преступления». По сенатским разъяснениям — также: «Кража должна почитаться оконченной, если похититель, войдя в чужую квартиру, положил уже вещь в карман, хотя бы он был пойман и украденная вещь у него отнята» (1870 г., № 215). Но нет сомнения, что любой состав присяжных признает в описанном выше примере не кражу, а покушение, только бы был поставлен дополнительный вопрос.

Положение защитника представляет в этих случаях, как в одном из приведенных ниже примеров, двойную выгоду: доказывая несостоятельность квалификации, он стоит на формальной почве и может объяснить присяжным, что, признавая покушение, они еще никакого снисхождения к подсудимому не проявляют; они утверждают то, что было на самом деле; поэтому, решив этот вопрос, они должны взвесить все обстоятельства, уменьшающие виновность, с таким же вниманием, как если бы признали подсудимого виновным в оконченной краже. Таким образом, в общей сложности наказание от нормального размера может быть понижено на шесть степеней. При обвинении в простом грабеже на улице это обозначает переход от трехлетнего заключения в арест. отд. к заключению в тюрьме на два или четыре месяца.

Мне пришлось на днях прослушать дело об одной девушке, преданной суду по 9 и 1 ч. 1655 ст. улож. Сторож задержал ее в ту минуту, когда она засунула руку в карман другой женщины, сядившейся на конку; та, которую обвинитель называл потерпевшей,

заявила, что у нее в кармане ничего не было. Ни прокуратура, ни судебная палата, ни председатель не заметили того маленького обстоятельства, что из пустого кармана ничего украсть нельзя, а законное понятие покушения мыслимо только по отношению к преступлению, которое может быть совершено. Защитник мог бы сказать присяжным, что покушаться на кражу несуществующей вещи все равно, что стрелять в призрак или в куклу; прибавить, что единственный случай в общих преступлениях, где закон карает не совершившееся зло, а умысел, это — 1456 ст. ул., и, по выражению сената, «не подлежит сомнению, что правило, содержащееся в этой статье уложения, не может быть распространяемо на все прочие преступления», что, по разъяснению сената, покушение на убийство мертвого, на изгнание плода у женщины не беременной есть юридическая нелепость, «ибо не может быть начала приведения в исполнение того, что абсолютно невозможно исполнить». Я думаю, что самый решительный председатель затруднился бы разбить такую защиту. Строго говоря, и прокурору следовало остановиться на юридической стороне дела, но он ограничился риторической фигурой о том, что потерпевшая поймала «злонамеренную» руку; защитник говорил обо всем, но о составе преступления не сказал ни слова.

Повторяю, однако, что всегда нужна разумная осторожность. С чисто юридической точки зрения приведенные соображения, безусловно, верны. Но так как не может быть сомнения, что подсудимая хотела обокрасть женщину, то присяжные могут обвинить ее по обывательскому соображению: воровка. Поэтому, прежде чем развивать юридические доводы, надо по возможности представить им и несколько житейских соображений.

2. ГРАБЕЖ И РАЗБОЙ

При обвинении по ст. 1643 улож., т.е. в грабеже без насилия, два обстоятельства, не имеющие решительного значения при краже, а именно ночное время и соучастие нескольких лиц, обязательно повышают наказание: первое — на две, а второе — на три степени; поэтому защитнику следует прежде всего опровергнуть эти признаки и после того уже просить снисхождения; если же

нельзя рассчитывать на то и на другое, надо вразумительно разъяснить присяжным, что для подсудимого лучше быть наказанным без снисхождения, но и без признака соучастия, чем с этим признаком при снисхождении.

Привожу дело, рассмотренное в нашем столичном суде 7 ноября 1907 года. Подсудимый сорвал часы с прохожего в три часа по полуночи в мае 1906 года. Его задержал городской; тут же было еще трое полицейских; задержанный ругался, кричал, ударил одного городского, с другого сорвал револьверную кобуру. На суде была оглашена справка о судимости: в 1891 г. он отбыл наказание за кражу. Защитник высказал присяжным, что, по его мнению, улики не убедительны, но если бы они тем не менее признали преступление доказанным, он просит о снисхождении к подсудимому. Выполнил ли он свою задачу? В три часа ночи на севере в конце мая светло, как днем. Защитник имел полное основание потребовать, чтобы из вопроса о виновности было исключено указание на ночное время; одно это понизило бы наказание на две степени: вместо ч. 3 — 1 ч. 1643 ст. улож. Предварив об этом присяжных, он мог сказать: я совершенно уверен, что, согласно разуму закона и моему ходатайству, суд заменит в предложенном вам вопросе слово «ночью» словом «утром»; поэтому я не стану задерживать вас на этих определениях времени. В деле есть более важное для защиты обстоятельство. Вы, конечно, обратили внимание на необыкновенное поведение Петра Бабурова: его схватили на месте преступления, он буйствует, ругается, дерется с городскими. Это или чрезвычайная наглость, или сильное опьянение. Что вероятнее? Он один, его задержали по подозрению в грабеже, и он лезет драться с четырьмя вооруженными полицейскими. Решайте сами. Он судился и отбыл наказание за кражу. Да, но это было семь лет тому назад, и с тех пор он жил честным трудом. Можно думать, что, если бы в это злосчастное утро он был трезв, он ни в каком случае не покусился бы на грабеж. Пьянство и прежнее хорошее поведение не оправдывают его, но, мне кажется, дают ему право на наше снисхождение.

Едва ли можно сомневаться, что присяжные отказали бы в этой скромной просьбе. Тогда суд мог бы перейти от 3 степ. к 5 степ. 31 ст., а понижение наказания на одну степень было бы обязательно. Таким образом, вместо наказания, угрожавшего подсудимому

по обвинительному акту, т.е. вместо арест. отд. на 3 или 3,5 года, он мог бы быть наказан не менее как на один год и не более как на 2,5 года. Но защитник, как я сказал, не воспользовался этими благоприятными подробностями дела. Значение ночного времени для ответственности подсудимого было разъяснено председательствующим, и присяжные ответили согласно с этим разъяснением, но снисхождения не дали.

Уложение о наказаниях различает, как известно, два вида грабежа: с насилием и без насилия. В обоих случаях решающее значение для состава преступления имеет корыстная цель. Отрицание присяжными этого признака, как видно из приведенного выше (стр. 16) примера, низводит преступление на степень обыкновенного проступка (ст. 38 уст.) и каторгу или арест. отд. заменяет арестом. Нельзя не сказать, что следователи, прокуратура и обвинительные камеры судебных палат относятся иногда с непростительным легкомыслием к делам этого рода: пьяный буян выхватил бутылку водки, сгреб с лотка несколько яблок, сорвал шапку, платок с головы — все эти проявления озорства облачаются то в ст. 1643, то в 1642 ст. улож. К сожалению, и защитники не всегда замечают эти грубые ошибки и возможность блестящей победы.

Есть еще средний путь, но только в том случае, если (см. стр. 65) подсудимый ранее не судился по 1-й или 2-й ч. 1655 ст. улож. Это — требование дополнительного вопроса о краже. По внешней обстановке грабеж иногда мало отличается от кражи, и в этих случаях судьи охотно соглашались на фикцию: подсудимый хотел совершить похищение тайно; он думал, что ни потерпевший, ни другие не видят его. Раз такая склонность существует в практике коронных судей, защита должна пользоваться ею. При этом можно указать присяжным, что в уголовном уложении разницы в наказуемости открытого и тайного похищения нет; грабеж и кража объединены в понятии воровства.

Конечно, переход к краже возможен не всегда. В обвинительном акте говорится: «14 июня 1906 г. в С.-Петербурге бывший студент горного института Александр Г., возвращаясь домой со смоленского кладбища и выпив по дороге в ресторане две «сотки» водки, немного охмелел и, сев на скамейку на бульваре по 7 линии Васильевского острова, задремал. Проснулся затем Г. лишь тогда, когда почувствовал, что с него кто-то снимает башмаки. Тогда Г.

стал кричать и звать на помощь. Подошедший городской Михаил Новосад, видевший, как с Г. были сняты башмаки, задержал на бульваре крестьянина Адама Л., который уже успел надеть на себя башмаки Г., а свои собственные снял и поставил под деревом. Свидетели Николай Головкин и Александр Тихомиров удостоверили, что Л. на их глазах снял башмаки с Г., который находился в состоянии опьянения».

Что это за преступление? По обвинительному акту Л. обвиняется в том, что открыто похитил у Г. принадлежавшие последнему башмаки, причем для совершения этого похищения силою стащил их с ног Г. Это преступление предусмотрено ст. 1642 ул. о нак. Как вести защиту? Спросите новичка. Он смело будет отстаивать, что потерпевший, вероятно, не кричал, а хотя бы и кричал, все-таки не признавал происходившего, и потому подсудимый может быть признан виновным только в краже. Но это болтовня, а не защита. На самом деле подсудимый совершил грабеж без насилия. Этим и надо ограничить защиту; тогда ее нельзя проиграть.

Возьмем другое дело.

Трое подсудимых преданы суду по 3 ч. 1643 ст. ул. о наказаниях. В обвинительном акте происшествие описывается следующим образом: «Когда Иванов проходил мимо дома № 15, то встретил на панели двух неизвестных молодых людей. Оба они неожиданно остановили его возгласом «стой!», причем один из них, оказавшийся Николаевым, добавил: «У тебя нож в кармане; ты у меня выиграл тужурку». Иванов возразил, что он их совсем не знает, но, несмотря на это, Николаев стал обшаривать карманы его штанов. В это время подошел третий неизвестный, оказавшийся Владимиром Первухиным. Обратившись к Первухину, Николаев сказал: «Вот и этот подтвердит, что ты у меня тужурку выиграл». На это Первухин, видя, что Николаев обыскивает Иванова, ответил: «Да, да; верно; это он выиграл». После этого Николаев вытащил руки из карманов Иванова, а Павлушкин, третий участник грабежа, замахнулся на последнего кулаком. Испуганный Иванов убежал и тотчас же, отбежав шагов десять, заметил, что из правого кармана штанов у него похищен кошелек с деньгами. Он стал кричать: «Держи! Обокрали!» Все трое похитителей бросились бежать; Иванов пустился за ними. Злоумышленники были задержаны; у Павлушкина за поясом оказался похищенный у Иванова кошелек.

Вот случай, когда самый правоверный законник согласится, что происшествие не менее походит на кражу, чем на грабеж. Здесь, несомненно, есть основание спорить против правильности определения о предавании суду: Иванов не заметил, как у него вытащили кошелек. Однако и переход от грабежа к краже не всегда бывает выгоден для защиты.

Извозчик вез пьяного купца; на повороте пьяный вывалился из саней; подсудимый подошел к нему и, делая вид, что помогает ему подняться, сорвал с него часы; купец не заметил этого, но извозчик видел и схватил похитителя за шиворот; тот бросил часы на снег и кричал, что ни в чем не виноват. Он был предан суду по 1643 ст. ул. и на суде признал себя виновным в краже. Защитник спросил извозчика, видел ли подсудимый, что он следил за ним. Свидетель ответил: «Нет, не видал». — «Он пытался взять часы незаметным образом?» — «Да». Основываясь на этом показании, прокурор отказался от обвинения в грабеже и обвинял подсудимого в краже. Защитник присоединился к мнению обвинителя и просил поставить дополнительный вопрос о совершении кражи по крайности. Суд удовлетворил это ходатайство. Присяжные признали подсудимого виновным в краже, совершенной по крайности, и заслуживающим снисхождения. Защитник думал, что блистательно выполнил свою задачу и оказал подсудимому немалую услугу. В действительности он ничего не сделал. Он забыл, что подсудимый уже был осужден за четвертую кражу. Суд на основании 828 ст. у. у. с. и 1663 ст. улож. понизил наказание на три степени и, перейдя от 1 степ. 31 ст. к 4 степ. 31 ст., приговорил подсудимого в арест. отдел. на полтора года. За грабеж, учиненный на улице, подсудимому на основании 2 ч. 1643 ст. ул., угрожало наказание по 2 ч. 31 ст., а с понижением его на две степени вследствие снисхождения — по той же 4 степ. 31 ст., которая была применена к осужденному за кражу. Если бы вместо того, чтобы соглашаться с прокурором, защитник выяснил это присяжным и просил бы о постановке вопроса о покушении на грабеж или на кражу, то наказание могло бы быть понижено еще на две или три степени по 114 ст. улож. Прокурор едва ли стал бы возражать против такого ходатайства: оно вполне соответствовало обстановке происшествия.

Разбой отличается от грабежа признаком явной опасности насилия для жизни, здоровья или свободы потерпевшего. Нередки

случаи, когда по обстановке происшествия защитник имеет основание оспаривать наличность такой опасности; но не следует упускать из виду, что вооруженный грабеж, не только без насилия, но даже без угроз, наказуется по 1641 ст. ул. той же каторгой, на одну только степень ниже наказания по 1631 ст. То же наказание может по 1642 ст. быть назначено и за грабеж без оружия, соединенный с насилием, но при возможности выбора судьи обыкновенно переходят к арест. отделениям. Итак, спор против опасности для жизни и здоровья жертвы почти не имеет цели; спор против наличности оружия имеет большое значение. Но, во всяком случае, спор должен сообразоваться с обстоятельствами дела, а не идти наперекор здравому смыслу.

Трое крестьян пришли на пустую фабрику, напали на сторожа, приставив ему ружье к груди и угрожая пешней, связали его и унесли с фабрики приводный ремень ценою в 270 рублей. Пешня — это большой нож на длинной рукояти, употребляемый ледоколами. Подсудимые утверждали, что ружье не было заряжено. Защитники доказывали, что нападение не было разбоем. «Подсудимые, — говорил один, — совершили самую обыкновенную кражу. Эта пешня и это ружье не должны смущать присяжных, ибо подсудимые взяли их на случай погони, чтобы запугать преследователей». Второй защитник развивал ту же мысль. «Между подсудимыми был уговор только на кражу. В происшествии нет признаков разбоя с житейской точки зрения, т.к. ружье, без сомнения, заряжено не было; насилия никакого не совершилось: они пальцем не тронули сторожа. Это были не лиходеи, не разбойники, а несчастные люди, которые случайно пошли на кражу». Оба защитника, как видно, не затруднились даже тем, что кражей может быть только тайное похищение.

3. ТЕЛЕСНЫЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ И НЕНАМЕРЕННОЕ ЛИШЕНИЕ ЖИЗНИ

Эти дела представляют самую благодарную почву для защиты; надо только действовать расчетливым образом. Всякий студент-первокурсник знает, что по этим делам наказание может быть сведено на *minimum*, если присяжные признают, что увечья или

раны причинены во время драки или ссоры (ст. 1485), а при смертельном исходе — если лишение жизни произошло в драке (ст. 1465) или когда оно было последствием насилий, причиненных намеренно, но без умысла на убийство (ст. 1464). Это так же хорошо знает и каждый начинающий помощник присяжного поверенного; но некоторые из наших защитников упускают из виду, что именно в этом краеугольный камень и венец их труда, и повторяют одну и ту же ошибку. Они берут за исходную точку заключительный пункт обвинительного акта, т.е. принимают обвинение в самой тяжелой для подсудимого форме и затем, разбирая его отдельные законные признаки, постепенно переходят к менее наказуемым видам преступления; этим медленным и последовательным течением речи они в конце концов доходят и до наиболее выгодной формулы — до ран или убийства в драке. Они, по-видимому, думают, что таким образом не только разбили главное обвинение, но и открыли самый широкий простор для снисхождения присяжных к подсудимому. В действительности они только показывают этим, что сами не знают, чего хотят: предумышленного убийства не было, но могло быть все другое; может быть, даже, что было убийство в драке.

Если подсудимый — несовершеннолетний, то разница наказаний между 2 ч. 1484 ст. и 1 ч. 1465 ст. улож. не слишком велика. При снисхождении присяжных нормальное наказание по 2 ч. 1484 ст. уст., т.е. 2 степ. 31 ст., должно быть понижено не менее как на две степени — по 828 ст. у. у. с. и 140 ст. улож. — и может быть понижено на четыре степени с переходом ко 2 степ. 33 ст. В первом случае наказание — тюремное заключение без ограничения прав вместо арестантского отделения должно быть назначено на срок от полутора до двух с половиной лет, во втором — на срок от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев, т.е. на срок помального наказания за убийство в драке. Очевидно, что при известных условиях, например если подсудимый внушает сочувствие, если указания на драку сомнительны, защите выгоднее сосредоточить свои усилия на обстоятельствах, уменьшающих вину, и стараться расположить присяжных и судей к снисходительному отношению к подсудимому, чем рисковать отказом суда в постановке дополнительного вопроса по 1465 ст. ул. Само собой разумеется, что, когда со стороны прокуратуры дело поставлено прочно, защита должна быть

крайне осмотрительна; в таких делах необходима медленная и постепенная — «минная» — работа, чтобы расшатать и опрокинуть обвинение. Но если только обстановка происшествия допускает предположение о драке или ссоре, например если нет прямых указаний на мотив убийства или если раны были нанесены пьяным трезвому или трезвым пьяному, защитник должен сдержанно и спокойно убедить присяжных, что это именно предположение представляется наиболее правдоподобным объяснением преступления. При удачной речи возможно, что прокурор и не станет возражать, чувствуя, что ответ присяжных уже готов; если же он и будет оспаривать оратора, защита ничего не потеряет, ибо уступка в силу необходимости к меньшему обвинению от самого меньшего будет все-таки выигрышем для подсудимого. Другая столь же обыкновенная ошибка заключается, как и в делах о кражах, в том, что защитник атакует прокурора сразу по всей линии, вместо того чтобы сосредоточить свои силы на ключе его позиции, т.е. на самом грозном признаке преступления.

В списках дел на уездных сессиях неизбежно повторяются по несколько раз 1489 и 2 ч. 1490 ст. улож. Они предусматривают нанесение тяжких, подвергающих жизнь опасности побоев или иных повреждений, последствием коих была смерть. Судьи ненавидят эти статьи, потому что они неминуемо ведут к каторге; но обвинительная власть часто применяет их, так как под них подходит обычное явление в наших деревнях: смертельное избиение одного или двух человек пятью, шестью и более обезумевшими от водки людьми с поленьями и кольями в руках. Просить о снисхождении в этих делах совершенно бесцельно. Не все ли равно, по пятой или по шестой степени 19 ст. улож. будет назначена каторга? Защитник должен взвесить, насколько опасными представляются отдельные повреждения, сколько их было всего и сколько смертельных, и выдвинуть перед присяжными несоответствие между внешними действиями каждого отдельного подсудимого (каждый из них, может быть, нанес не более одного или двух ударов, а виновник смертельного удара неизвестен) и грозным их заключением; смотря по обстановке происшествия, возможен переход ко 2 ч. 1484, 1464 и часто к 1465 ст. улож.

В числе подсудимых по этим делам бывает много молодых людей. Защитники не всегда помнят, что несовершеннолетние,

достигшие 17-ти лет, не освобождаются ни от каторги, ни от лишения всех прав состояния: на основании 139 ст. улож. им только сокращается на одну треть срок работ. Это обстоятельство не имеет значения в глазах присяжных-крестьян, но более образованные присяжные придают ему большое значение.

2 ч. 1455 ст. предоставляет суду выбор между каторгой и арестантским отделением, а по 2 ч. 1490 ст. может быть назначена только каторга; поэтому для подсудимого, вопреки здравому смыслу, выгоднее быть признанным виновным в намеренном лишении жизни (при известных условиях), чем в ненамеренном. Это надо знать и помнить, а молодые защитники забывают об этом. Не всегда помнят и старшие: на днях в нашем суде при обвинении в умышленном убийстве защитник, известный и немолодой уже адвокат, просил суд поставить два дополнительных вопроса: по 2 ч. 1455 ст. и по 1489 и 2 ч. 1490 ст.; удовлетворение этого последнего ходатайства отравило бы подсудимого на каторгу.

Сколь сурово наказание, установленное 2 ч. 1490 ст., столь же во многих случаях легко спасти от него подсудимого. Считаю поэтому полезным подробнее остановиться здесь. Статья эта сплошь и рядом применяется в таких случаях, когда должна была бы применяться 2 ч. 1484 ст. Между тем карательные последствия того и другого закона весьма различны: в одном случае снисходительны и расширяемы, в другом — суровы и стеснительны. По 2 ч. 1484 ст. *высшая* мера наказания ограничивается отдачей в исправительное арестантское отделение на три с половиной года с ограничением в правах, а по 2 ч. 1490 ст. наименьшее наказание составляет каторга на четыре года с полным лишением прав.

Обвиняемый, находясь в состоянии запальчивости или раздражения, нанес пострадавшему несколько ударов по голове и раздробил ему череп; пострадавший умер. Судебный следователь совершенно свободен в выборе статьи закона. Если он предъявит виновному обвинение в том, что он нанес умершему тяжкие, подвергающие жизнь опасности побои, *выйдет* 2 ч. 1490 ст.; если спросить, признает ли он себя виновным в том, что в запальчивости или раздражении, но умышленно причинил пострадавшему повреждения здоровья, повлекшие за собою смерть, *выйдет* 2 ч. 1484 ст. Если следователь изберет более строгую статью, товарищ прокурора может заменить ее менее строгой, или наобо-

рот; то же может сделать прокурор суда и прокуратура судебной палаты с обвинительным актом, а палата с такой же легкостью может восстановить или упразднить любую из предыдущих квалификаций. Руководящих разъяснений сената по этому предмету не имеется; практика, однако, установила свое правило, которое можно выразить так: всякие повреждения, причиненные ударами тупого орудия, подводятся под 1489 ст.; огнестрельные раны и раны, нанесенные режущим орудием, под 1484 ст. Рассмотрим несколько примеров. Иванов выстрелил в Петрова три раза из револьвера; две пули попали в плечо, одна — в сердце; Петров тут же умер; предварительным следствием установлено с несомненностью, что Иванов не имел умысла на лишение жизни противника, а хотел лишь ранить его. Сидоров ударил Карпова три раза по голове поленом; один удар незначительно повредил ухо, два других разбили кости черепа; Карпов умер; следствием установлено, что Сидоров не имел умысла на убийство, а хотел лишь поколотить Карпова. Иванов и Сидоров признаны виновными без снисхождения. Если суд не воспользуется своим правом понизить наказание по 134 и 135 ст. улож. о наказаниях, Иванов будет заключен в исправительные арестантские отделения на три с половиной года, а Сидоров будет сослан в каторгу на десять лет. Если обоим дано снисхождение, Иванов может быть заключен в арестантские отделения на полтора года, а Сидоров сослан в каторгу на четыре года. Белый ударил Черного несколько раз топором, и Черный умер. Если удары пришлись обухом топора, Белого присудят к каторге, если лезвием — к арестантским отделениям.

Нет сомнений, что в приведенных выше примерах Иванов, нанесший Петрову две или три смертельных *раны*, и Сидоров, причинивший Карпову два или три смертельных *повреждения* черепа, совершили одинаково тяжкие преступления и что если первый наказан по 2 ч. 1484 ст., то и второй должен быть наказан так же. Но в законе есть ст. 1490, и Сидоров, убивший Карпова поленом, а не ножом и не выстрелом из ружья, а также Белый, убивший Черного обухом, а не лезвием топора, предаются суду и наказываются по 2 ч. 1490 ст.: они нанесли пострадавшим удары, а удары суть побои, а побои подходят под эту статью, а не под ст. 1484.

Слово «побои» значит «несколько ударов». Один удар никак нельзя назвать побоями. Поэтому нанесение одного удара,

повлекшего за собой смертельные телесные повреждения, подходит под 2 ч. 1484 ст., а не 1490 ст. улож. Но по небрежности наших экспертов и нашей собственной в действительности часто делается наоборот. Голев и Евдокимов были преданы суду по 1489 и 2 ч. 1490 ст. На трупе пострадавшего Филаретова оказалась одна ссадина на левом теменном бугре и несколько ссадин на пальцах правой руки. При вскрытии на черепе была найдена сквозная трещина, размер которой в акте не был указан, и кровоизлияние в мягкую мозговую оболочку. В заключении врача было сказано: «Нахождение подкожного кровоизлияния в области левого темени и присутствие кожной ссадины указывают, что в данном месте был нанесен удар по голове каким-нибудь твердым и тупым телом. Сквозная трещина и кровоизлияние на мягкой мозговой оболочке с образованием большого кровяного сгустка дают основание к предположению, что предмет, которым был нанесен удар по голове, был тяжелый, что сила удара была значительной и что удар вызвал сотрясение мозга. Смерть последовала от удара по голове. Ссадины на пальцах правой руки могли быть получены как во время обороны, так равно и при падении, и по характеру относятся к легким повреждениям». Таково содержание заключения до двух последних строк перед подписью врача. В этих двух последних строках сказано: «Судя по величине трещины, ударов по голове могло быть несколько». Легкие ссадины на руке не могли причинить смерти. Следовательно, по заключению эксперта, смерть Филаретова произошла от одного или нескольких ударов по голове. При допросе в качестве обвиняемых по 1489 и 2 ч. 1490 ст. Голев и Евдокимов признали себя виновными. Но значит ли это, что они понимали, в чем их обвиняют? Голев показал: «Филаретов выдвинулся вперед, расстегнул пиджак, вынул оттуда нож и после этого бросился к нам. Наша партия бросилась в рассыпную. Я тоже побежал и добежал до какой-то изгороди, выломал из нее кол с целью оборонить себя от Филаретова. В это же время Иван Евдокимов тоже выломал кол и ударил им Филаретова по голове. Филаретов стал валиться от его удара. Тогда я сам ударил его, падавшего, моим колом по голове, после чего Филаретов упал». Евдокимов показал: «Я вырвал из изгороди кол и ударил колом по голове Филаретова. Ударив его, я сразу побежал домой. Кто после меня бил Филаретова, я не видал. Я ударил Филаретова потому,

что он сам лез на меня с ножом и я боялся, как бы он меня не зарезал». Очевидцы подтвердили, что каждый из обвиняемых ударил Филаретова один раз.

Ясно, что врач, видевший на голове покойного одну ссадину, пришел к убеждению, что смерть последовала от одного удара, а следователь, зная, что каждый из заподозренных ударил Филаретова колом по голове, не знал, чей удар разбил ему голову, т.е. виноват ли один по ч. 2 ст. 1484, а другой по 2 ч. 1483 ст., или оба виноваты по 2 ч. 1484 ст., и, чтобы легче было закончить дело, обратился к спасительной (для плохого следователя) 2 ч. 1490 ст. Он спросил врача, могло ли повреждение черепа произойти также от *нескольких* ударов. Врач забыл, что снаружи была лишь одна ссадина, и ответил, что могло быть несколько ударов. Очень просто, не правда ли? А следствие — каторга для двух человек, подлежащих по закону только тюремному заключению (оба были несовершеннолетние). Если бы защитник отнесся с большею вдумчивостью к делу и разъяснил присяжным различие 2 ч. 1484 и 2 ч. 1490 ст., указав и на то, что второе преступление считается по закону несравненно более тяжким¹, он мог бы исправить преступную небрежность в привлечении обвиняемых и предавании их суду и спасти их от каторги. Судьи, единогласно признавая, что деяние подсудимых подходит под 2 ч. 1484 ст., поставили дополнительный вопрос, но присяжные, к сожалению, признали их виновными по основному. Защитник обжаловал неверное предание суду, но сенат, вопреки многократным своим разъяснениям, оставил жалобу без последствий. 4 июня 1907 года на Петергофской сессии нашего суда разбиралось дело о кр. Алексее Николаеве. После продолжительной праздничной попойки он безо всякого основания нанес несколько ударов колом или поленом одному из оснований товарищей; тот умер. Перед этим была пустая ссора, взаимные угрозы, но никакой вражды между ними не было. Подсудимый признал себя виновным, сказав только (и, как думали судьи, вполне искренно), что не помнит, как бил покойного; свидетели удостоверили, что Николаев был хороший работник, не драчун и не задира; он не судился раньше ни за кражи, ни за убийство. В об-

¹ Это дело слушалось до закона 2 марта 1910 г., и защитник не имел права говорить более определенно о наказании.

винительном акте стояла 2 ч. 1490 ст. Судьи, с согласия обвинителя, заранее решили удовлетворить предполагаемое ходатайство защитника о дополнительном вопросе по 2 ч. 1484 ст.. Но защитник, совершенно неопытный и, вероятно, несведущий человек, ограничился просьбою к присяжным о снисхождении. Судьи, ошибочно не признавая за собою права поставить дополнительный вопрос по собственному усмотрению, ограничились одним вопросом по признакам 1490 ст. Присяжные признали Николаева заслуживающим снисхождения, и суд, назначив наказание в низшей мере, приговорил его к каторге на четыре года.

Остановитесь и подумайте об этом, читатель.

14 июня на сессии в Ямбурге слушалось дело об Иване Иванове, обвинявшемся по той же 1490 ст., при той же обстановке, как и в деле Николаева. Два обстоятельства еще более смягчали вину подсудимого: он был несовершеннолетний, и в свидетельских показаниях промелькнуло предположение, что он бросился на убитого, чтобы предупредить нападение его на своего отца. Защитник говорил с необыкновенной страстностью и самоуверенностью. Речь прокурора представлялась ему сплошным недоразумением, обвинение по 2 ч. 1490 ст. было бы явным беззаконием; признание невиновности даже в убийстве в драке было бы глубокой несправедливостью со стороны присяжных; самое предание суду было непростительной и жестокой ошибкой судебной власти, и единственный ответ, возможный в настоящем возмутительном деле, это «Нет, не виновен». Так приблизительно говорил защитник; он потребовал дополнительного вопроса не только по 2 ч. 1484, но и по 1465 или 1464 ст., и председателю стоило немало труда разъяснить ему настоящий смысл этих законов. Суд предложил присяжным три вопроса: по 2 ч. 1490, по 2 ч. 1484 и по 1465 ст. ул., но никто, кроме защитника, уже не сомневался в исходе дела. Присяжные ответили на первый вопрос: да, виновен, и не дали снисхождения. Судьи от себя понизили наказание на две степени и ввиду несовершеннолетия подсудимого приговорили его к каторге на 2 года 8 мес.

Кто виноват?

Для законного состава 2 ч. 1490 и 1489 ст., на которую ссылается первая, нужны три условия: а) должны быть нанесены побои, б) эти побои должны быть тяжкими и в) их последствием должна

быть смерть; этот третий признак покрывает условие, указанное в 1489 ст., — «подвергающие жизнь опасности», ибо от ударов, не опасных для жизни, люди не умирают. Выражение «с умыслом» есть общее условие вменяемости и, как правильно разъяснил сенат, не имеет существенного значения. При наличии указанных условий 1489 и 2 ч. 1490 ст. применимы к действиям виновного независимо от свойства умысла, т.е. действовал ли он с заранее обдуманном намерением, с умыслом внезапным или в запальчивости или раздражении. 2 ч. 1484 ст. предусматривает нанесение в запальчивости или раздражении ран или увечий, последствием которых была смерть; из сопоставления ее с ч. 1 той же статьи видно, что вся статья распространяется и на «иное повреждение здоровья»; это также признано сенатом в реш. 1874 г. № 68. Таким образом, во 2 ч. 1484 ст. также заключаются три условия, а именно а) должны быть нанесены увечья, раны или иное повреждение здоровья, б) они должны иметь последствием смерть и в) виновный должен находиться в состоянии запальчивости или раздражения. Кроме этих трех условий, здесь подразумевается четвертое: повреждение должно быть тяжким, ибо смерть от незначительного повреждения, как и смерть от таких побоев, подходит под 1464 ст. улож. (решение 1874 г. № 453, 1873 г. № 520 и др.).

Итак, 2 ч. 1484 ст. предусматривает всякое тяжкое повреждение здоровья, повлекшее за собою смерть и причиненное в состоянии запальчивости или раздражения; 2 ч. 1490 ст. карает тяжкие побои, имевшие последствием смерть и причиненные во всяком вменяемом душевном состоянии виновного, в том числе и в запальчивости или раздражении. Существенное различие обеих статей должно, по-видимому, заключаться в свойстве насилия: в одном случае побои, в другом — повреждение здоровья. Но смерть не может произойти только от побоев, хотя бы и тяжких; смерть наступает от кровоизлияния в мозг, от шока и т. п., т.е. всегда от некоторого повреждения здоровья, произведенного побоями. Из этого с необходимостью вытекает вывод, что внешние свойства этого повреждения не могут служить признаками различия между 1484 и 1490 ст. С другой стороны, нельзя допустить, что одно и то же преступление предусмотрено в двух разных статьях закона с совершенно различными наказаниями. Это рассуждение приводит к заключению, прямо противоположному разъяснениям сената

к 1489 ст., но вполне согласному с буквальным смыслом закона и с требованиями справедливости, а именно — 2 ч. 1490 ст. может быть применяема только к таким тяжким побоям, которые сопровождались особой жестокостью или особыми страданиями жертвы, т.е. могут быть приравнены к истязаниям или мучениям; во всех других случаях наказание за тяжкие побои, нанесенные в запальчивости или раздражении и повлекшие смерть, должно быть назначаемо по 2 ч. 1484 ст. Простыми словами можно сказать, что если человек заколотил другого до смерти нещадным битьем, то он заслуживает каторги, а если пострадавший умер от двух-трех ударов, то виновный подвергается лишь исправительному наказанию; за такие удары нельзя наказывать так, как справедливо наказывать человека, сжегшего другого живьем или уморившего его голодом (истязание).

Если прокурор возразит защитнику, что такое толкование закона противоречит сенатским разъяснениям, ему можно доказать, что он ошибается. В решении 1876 г. № 69 по делу Константинова сенат признал, что «нанесение в запальчивости и раздражении, но однако умышленно, поленом или другим подобным орудием нескольких ударов по голове, раздробивших череп и производших кровоизлияние в мозг, последствием чего была смерть побитого, подходит под 2 ч. 1484 ст.». Никто не станет утверждать, что «несколько ударов» поленом по голове не суть побои; эти удары раздробили череп; никто не решится сказать, что они не были тяжкими, когда они имели последствием смерть. Почему же сенат признал, что деяние Константинова подходило под 1484, а не 1490 ст.? Только потому, что в вопросе присяжным было сказано «удары», а не «побои»? Если держаться взгляда, выраженного сенатом в этом деле, то, я думаю, не менее трети дел, направляемых теперь прокуратурой по 2 ч. 1490 ст., должны быть направляемы по 2 ч. 1484 ст. Решение по делу Константинова — очень старое, но нет никаких оснований назвать его устаревшим, ибо оно никогда не было и, как верное, никогда не может быть опровергнуто.

Указав на возможность разумного спора против законного состава разбираемого преступления, предоставляю читателю обсудить его уместность в следующем случае. На постоялом дворе был забит насмерть проезжий крестьянин. Акт вскрытия устанавливал

ужасающие по числу и по силе побои. Суду были преданы по 1489 и 2 ч. 1490 ст. ул. о нак. приказчик и двое половых. Двое последних были слегка ранены пострадавшим. Все трое подсудимых утверждали, что не били покойного, хотя обстоятельства дела изобличали их с очевидностью. Можно ли было спорить против состава преступления? Молодой защитник, забыв, что, по объяснению подсудимых, ни один из них ни разу не ударил пострадавшего, доказывал, что убийство произошло в драке и даже в состоянии необходимой обороны.

4. УБИЙСТВО

Из многочисленных видов умышленного и предумышленно-го убийства по уложению только случаи, указанные в 1453 ст., т.е. убийство посредством поджога, отравления, убийство с целью ограбления и т.п., не допускают перехода к убийству в запальчивости или раздражении, следовательно, от безусловной каторги к возможности выбора по 2 ч. 1455 ст. между каторгой и арест. отделениями. В большинстве случаев убийств, подводимых обвинительной властью под предумышленные, содержание умысла имеет двойственный характер: и обдуманное заранее намерение, выраженное, например, в заготовлении оружия, в непосредственных или заочных угрозах, и известная степень возбуждения, раздражения, предшествующая непосредственному нападению на жертву. Трудно утверждать, что, бросаясь с ножом на врага, человек может находиться в полном душевном равновесии; поэтому можно почти всегда отстаивать точку зрения, выгодную для защиты: «Подсудимый не раз высказал намерение разделаться с убитым, он писал ему угрожающие письма, носил револьвер, чтобы убить его при первой встрече. Но докажите мне, что это не была призрачная решимость, что злые силы не изменили бы ему в последнюю минуту, если бы не обидное слово, грубый жест убитого, неосторожный возглас с его стороны». Это сомнение имеет психологические основания и вполне доступно для присяжных; судьи редко отказывают в постановке дополнительного вопроса по 2 ч. 1455 ст., а если бы отказали, защитник имел бы в своем распоряжении верный повод к кассации.

2 ч. 1455 ст. улож., а также и ч. 1 его заслуживают внимания еще и по другой причине. По давно установившейся сенатской практике, выстрел в упор или удар ножом в грудь, повлекшие за собою смерть, признаются убийством независимо от того, установлен ли умысел виновного на лишение жизни. Напомню известные тезисы сената: «Существенный признак ст. 1455, отличающий ее от ст. 1484, состоит в сознании подсудимого, что он своими действиями посягает на жизнь другого, и умышленном совершении этих действий». «Ясное сознание подсудимыми последствий своего деяния дает полное право признать, что причиненное ими лишение жизни было прямым следствием их воли, а потому в убийстве этого рода вполне применима ст. 1455». «Статья 1484 не может быть применяема в тех случаях, когда подсудимый не только нанес умышленно раны, но и сознавал, что последствием их будет смерть, так как подобные случаи вполне подойдут под ст. 1455». (Реш. 1873 № 637, 1871 № 1310, 1872 № 1017). В уголовной литературе еще со времени Фейербаха много спорили по этому поводу, но сенатские разъяснения и сочинения криминалистов писаны для судей-юристов, а не для присяжных; защитнику нет необходимости вступать в долгие препирательства о составе преступления. Он может сказать присяжным, что носитель общепризнанного авторитета (надо только выразить это понятие простыми словами) Неклюдов находил эти толкование глубоко несправедливыми и научно несостоятельными: «Многие способы убийства одинаково пригодны и для лишения жизни, и для простого причинения ран, побоев, повреждения здоровья и т. п. В таких случаях, к сожалению, наша старая практика придерживалась всегда того начала, что переносила тяжесть доказательств на подсудимого и признавали его виновным в убийстве, коль скоро он не доказал наличности намерения причинить человеку только раны или увечья, между тем как уже из самого перечня способов убийства выступает рельефно необходимость намерения лишить жизни другого»¹.

Сославшись на громкое имя, защитник может обратиться просто к здравому смыслу присяжных и их практической роли в процессе. «Обвинитель заявил, что высокий сенат освободил его

¹ Руководство, т. II, стр. 267.

от обязанности доказывать вам умысел подсудимого на лишение жизни; а я утверждаю, что он не имеет права говорить об убийстве, если не доказал, что подсудимый хотел убить, и вы сами убедитесь, что прокурор не прав, когда взглянете на вопросный лист, который вручит вам председатель; там будет сказано: виновен ли в том, что с целью лишить жизни... Если прокурор так верит сенату, пусть попросит суд исключить эти слова — только четыре лишних, как он заявляет, совершенно лишних слова — и я отказываюсь от своей защитительной речи. Мы посмотрим, что скажут судьи». При этом надо иметь в виду еще одно важное соображение. Указанная защита основана на толковании закона; поэтому ограничительный ответ: виновен, но без намерения лишить жизни, должен быть представлен присяжным *не как милость, а как исправление ошибки* в формуле предания суду; надо разъяснить, что право подсудимого на снисхождение таким ответом отнюдь не будет удовлетворено. Если присяжные отвергнут умысел на убийство и признают подсудимого заслуживающим снисхождения, то наказание его вместо каторги от 4 до 12 лет или исправ. ар. отд. от 4 до 5 лет по 2 ч. 1455 ст. за убийство в запальчивости и раздражении может быть уменьшено до полутора лет арест. отд. по 2 ч. 1484 ст.; при первоначальном обвинении в умышленном убийстве по 1 ч. 1455 ст. то же незначительное наказание может заменить каторгу от 12 до 15 лет. Кр. Сецп нанес три удара ножом в живот своему односельцу Петрову, с которым жил у одного хозяина в Петербурге, и раненый умер через несколько дней. Было установлено, что за несколько месяцев перед тем Петров убил приемыша в семье Сецпа. Следствие об этом первом убийстве было окончено, но дело еще не было рассмотрено судом. Сецп был одним из свидетелей, уличавших Петрова в этом убийстве, и, озлобленный против него, он несколько раз грозился отомстить ему. Он сильно пьянствовал и был пьян в день убийства Петрова. По некоторым указаниям можно было думать, что Петров был убит сонным. Очевидцев происшествия не было, но Сецп не скрывал своего преступления. Он сейчас же рассказал нескольким товарищам, что «порезал Петрова». Узнав от околоточного надзирателя, что тот умер, он сказал, что очень этому рад, но прибавил: «Царство ему небесное!» На другое утро, отрезвев, он выразил сожаление об убитом. Околоточный надзиратель, удостоверяя это обстоя-

тельство, объяснил, что первые циничные слова Сецпа «не очень принял во внимание», так как тот был сильно пьян, а на другой день, трезвый, говорил совсем другое. Судебная палата утвердила обвинительный акт по 1454 ст., т.е. о преднамеренном убийстве. На суде Сецп утверждал, что заколол Петрова, потому что тот, проснувшись, ударил его кулаком по голове. Обвинитель указал присяжным, что повода к убийству не было, а причина к вражде Сецпа к Петрову существовала: тот сам убил человека, близкого подсудимому; из этого товарищ прокурора выводил, что Сецп воспользовался сном Петрова, чтобы выполнить давно задуманную месть; его опьянение было поэтому случайным обстоятельством и вины его несколько не уменьшало.

Защитник выставил следующие доводы: 1. Если бы Сецп хотел отомстить Петрову, он мог бы погубить его, не рискуя собственной шкурой: ему надо было только исполнить свои свидетельские обязанности на предстоявшем процессе об убийстве, совершенном Петровым. 2. Сецп был два года на Дальнем Востоке; он не мог оправиться от нервных потрясений, испытанных им на войне; к этому присоединилось продолжительное пьянство, и сознание подсудимого было в помраченном состоянии. 3. Убийство, как объяснил подсудимый, было совершено в драке.

Из этих трех воображений, конечно, только первое могло иметь известное значение для дела; два других были без труда разбиты обвинителем. А в деле были два очень значительных в глазах присяжных соображения в пользу подсудимого. 1. Околоточный надзиратель сказал на суде, что не придавал значения тем словам, в коих Сецп выражал свое удовлетворение по поводу смерти Петрова, потому что Сецп был сильно пьян, а, протрезвившись, сожалел о происшедшем. Защитник как будто и не слышал показаний этого свидетеля. 2. О самом убийстве защитник мог сказать присяжным: мы не видели роковой сцены. Если, как объясняет подсудимый, проснувшийся Петров, почему-либо, хотя бы вследствие ругательства или толчка со стороны Сецпа, действительно бросился на него с кулаками, то преступление представится нам совсем не так, как понимает его прокурор. Сецп видел перед собой не безобидного товарища, а опасного преступника, убившего близкого ему человека. Перед ним, может быть, мелькнула сцена того убийства, и, схватившись за нож, он не столько напал, сколько защищался.

ГЛАВА III. ПРИЕМЫ ЗАЩИТЫ ПО... ОТДЕЛЬНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Обычным приемом защиты по делам об убийствах являются уверения, что лишение жизни произошло в драке. Конечно, переход от каторги или арест. отделений к недолгому тюремному заключению составляет блестящую победу для защиты. Но следует и в этом случае, как всегда, сообразовать свою цель с разумной возможностью.

Подсудимый обвинялся в убийстве в состоянии раздражения. Защитник доказывал, что убийство произошло в драке. Но какими доводами? Он изобразил в живых красках схватку между деревенскими парнями, показал, что подсудимому грозила опасность от нескольких нападавших на него человек: «Явилась надобность защищаться, его могли убить; он был безоружен; он побежал домой, достал нож и вернулся на место драки...» Что же было дальше? Вернувшись, он подошел к мужику, спокойно сидевшему в телеге и не участвовавшему в предыдущей драке, и ударил его в спину с такой силой, что пробил ему легкое на полтора вершка в глубину и перерезал легочную артерию. Естественно, что чем больше говорил защитник о драке, тем яснее становилось, что между подсудимым и убитым драки не было.

ГЛАВА IV. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ

На основании ст. 681 у.у.с. суду предоставлено право не производить судебного следствия, если признание подсудимого не возбуждает сомнений. Председательствующие и обвинители часто бывают склонны пользоваться этим правом в делах маловажных. В виде общего правила можно сказать, что отказ от судебного следствия представляет выгоду для подсудимого: присяжные не услышат ни потерпевшего, вызывающего их сочувствие, ни свидетелей, оживляющих событие наглядными подробностями, не увидят вещественных доказательств, не почувствуют борьбы между обществом и подсудимым. Поэтому само преступление будет представляться им в отвлеченном виде, без плоти и крови, если можно так выразиться. Подсудимый, напротив, уже вызывает в них сочувствие и отбытым предварительным заключением, и грозящим ему наказанием, и признанием своей вины. Из этого следует, что в большинстве случаев защитнику не следует настаивать на проверке доказательств в случае признания подсудимого. Чем моложе защитник, тем чаще он нарушает это правило.

Подсудимый, мальчишка 19 лет, предан суду за четыре кражи, все со взломом, из обитаемых помещений. Он признается во всем. Товарищ прокурора отказывается от допроса свидетелей. Защитник требует допроса потерпевших. Перед судом проходят четыре женщины. Каждую из них защитник спрашивает, известно ли им, кто совершил у них кражу; каждая отвечает отрицательно; этим ограничивается допрос. Общее недоумение. Присяжные признали, что три кражи с чердака были совершены из необитаемого помещения; четвертая была совершена из квартиры, и признак обитаемости остался не отвергнутым; снисхождения они не дали и на вопрос о крайности ответили отрицательно. Как было не догадаться молодому защитнику, что одно появление каждой женщины перед присяжными было лишним ударом подсудимому?

Крестьянин Касаткин обвинялся в нанесении тяжкой раны крестьянину Данилову; на вопрос председателя он сказал, что виновен, но хотел ударить не Данилова, а Федотова, который бил его сына, в Данилова же попал нечаянно. Прокурор отказался от свидетелей, но защитник потребовал их допроса. На предварительном следствии раненый Данилов показал следующее: «Лишь только я вышел из дома Самуйлова, ко мне подбежал Касаткин и, ничего мне не сказав, ударил меня чем-то в живот». Свидетель Федотов дал такое показание: «Я видел, что Касаткин вышел из своего дома и скоро-скоро пошел по улице; меня заинтересовало, куда так торопится Касаткин, и я стал следить за ним; он подошел к кучке пьяных односельчан, возвращавшихся с попойки, и, шел к кучке пьяных односельчан, возвращавшихся с попойки, и, приблизившись к Егору Данилову, ударил его в живот». Вследствие требования защитника Данилов и Федотов были допрошены судом и повторили то, что показывали на предварительном следствии. Вместо нанесения раны в ссоре или драке подсудимый был изобличен в умышленном деянии. Кто изобличил его?

Еще пример.

Жиденский мальчишка обвиняется по 9 и 1647 ст. улож.; он сломал два замка на чердаке; на вопрос председателя со слезами говорит, что пошел на кражу с голоду. О чем тут спрашивать свидетелей? О грошовых замках, которые и без ломки еле держатся на чердачных дверях? Товарищ прокурора отказывается от судебного следствия; председатель произносить суд переходит к судебным прениям, но молодой защитник с жаром останавливает его:

— Я прошу предъявить присяжным заседателям вещественные доказательства!

Перед присяжными появляются два исполинских замка с вывороченными дужками и новехонькое долото превосходного изделия.

— Откуда у вас это долото? — спрашивает председатель.

Подсудимый всхлипывает:

— Купил.

— Каким образом? Ведь вы сами сказали, что у вас денег не было?

Подсудимый рыдает:

— Последнюю рубаху заложил!

Нельзя сказать, чтобы положение обвиняемого стало лучше. Но впереди еще речь. Защитник сумеет исправить свою ошибку. Послушаем.

«Не лучшее ли это доказательство его действительной крайности? — восклицает находчивый оратор. — Он вынужден был заложить свою последнюю рубаху, чтобы купить долото, вам предъявленное!»¹.

Разберем этот случай серьезно. Положение подсудимого, как перед преступлением, так и на суде, — *трагическое*. В семнадцать лет он — опасный громила. На свободе он — враг общества; его травят, как волка; на суде — тот же волк, только затравленный; убить его нельзя; приходится приструнить. Все это ясно и неизбежно. Все это понимают, но никому и в голову не придет смеяться. Все чувствуют, что при всей ясности и неизбежности в этом есть что-то неладное; что, как бы ни был виновен вор, здесь есть еще чья-то другая вина. Если на смену этому настроению у судей и у присяжных явилась игривая оживленность и ироническое отношение к подсудимому, это сделал только защитник; и если с их стороны была невольная насмешка, то с его стороны — хотя и не намеренное, но, скажу, преступное издевательство над тем, кого он призван был защищать.

Другая обычная ошибка неопытных защитников состоит в том, что они настаивают на допросе свидетелей, от которых отказался прокурор.

¹ Заседание 1 отделения С.-Петербургского окружного суда 16 сентября 1910 г.

Подсудимый, семнадцатилетний подросток, обвинялся по 1647 ст. улож. Он признал себя виновным в краже, но отрицал взлом. Товарищ прокурора просил о допросе только потерпевшего; защитнику надо было присоединиться к этому; вместо того он потребовал допроса отца и матери подсудимого. Родители, скромные, но почтенные люди, подтвердили показания, данные ими на предварительном следствии; вот что было записано в протоколе допроса матери: «Сын мой Василий Решетов не живет в нашей семье уже три года; домой он совершенно не показывается... Учился Василий в школе, но убежал оттуда и затем недели три пропадал; явился он к нам немытый и раздетый, прожил у нас некоторое время и убежал, украв рубашку у отца. Теперь он ничем не занимается и „хулиганит“. Что касается того, сознательно ли относится Василий к своим поступкам, то я думаю, что вполне сознательно, так как он мальчуган вполне разумный. Муж мой зарабатывает 60—70 рублей в месяц, так что в средствах семья особенно не нуждается и Василию ни в чем не отказывали».

Два брата обвинялись в краже с фабрики нескольких медных валов. Валы эти весили около четырех пудов каждый, в длину имели около четырех аршин. На другой день после кражи валы были найдены на гумне подсудимых и возвращены на фабрику. Старший брат признался в краже и объяснял на суде, что младший не участвовал в ней, а лишь помог ему перенести привезенные домой валы из избы на гумно. Младший брат признал себя виновным в укрывательстве. Товарищ прокурора отказался от допроса свидетелей, за исключением одного полицейского урядника; защитник потребовал допроса всех свидетелей. К чему должно было это привести? Урядник рассказал, что в лесу близ фабрики был след саней и двух человек. Владелец фабрики объяснил, что, если бы кража удалась, пришлось бы остановить работу на несколько месяцев; это лишило бы местных крестьян заработка на то же время. Один свидетель показал, что видел, как оба брата складывали что-то со своих саней у себя на дворе. Старший сказал ему: «Ты видел, что мы привезли с фабрики,— так ты молчи». Другой крестьянин показал, что видел, как старший брат вдвоем с другим мужиком ехал на санях с тяжелой кладью от фабрики к деревне.

— А кто был этот другой? Вы его не узнали? — спросил защитник.

— Как же, узнал.

— Кто же это был?

— А вот этот, — сказал свидетель и указал на младшего брата.

Когда можно, не требуйте производства судебного следствия; когда можно, отказывайтесь от проверки отдельных доказательств. Во всяком случае, прежде чем требовать допроса свидетеля, от которого отказался обвинитель, сравните возможную пользу его показания с возможным вредом для подсудимого.

Защите часто приходится предъявлять суду такие требования, удовлетворение коих зависит от усмотрения председателя или от согласия прокурора. Защитник считает нужным установить то или иное обстоятельство и просит огласить акт, не вполне удовлетворяющий условиям ст. 687 уст., например сообщение частной лечебницы, письмо, приложенное к делу без протокольной отметки и не осмотренное следователем, или просит о допросе приведенных в суд свидетелей, в вызове коих было отказано по 557 ст. уст. По смыслу закона это требование должно быть высказано так, чтобы в нем не было указаний на существо тех обстоятельств, удостоверение коих нужно защите; но оно может быть высказано и так, чтобы присяжные догадались о нем. В значительном большинстве случаев защитники обращаются к суду в таких выражениях, что содержание показаний или актов сразу становится известным. Например, ходатайствую о допущении к допросу жены и брата подсудимого; я не имею права оглашать те обстоятельства, которые они имеют удостоверить, но суду известно, что подсудимый отрицает свою виновность, а при таких условиях выяснения фактов, которые могут фактически установить... Это уже незаконие. Внимательный председатель уже может и, строго говоря, обязан остановить защитника; вместе с тем этого достаточно для того, чтобы задеть прокурора. Спокойствие нарушено; происходит быстрый обмен замечаниями, заявлениями, объяснениями, в заключение коих по большей части для присяжных делается очевидным, что свидетели должны удостоверить алиби (или, может быть, душевную болезнь) подсудимого. Суд в виду возражения прокурора отказывает в допросе. Есть ли выгода на стороне защиты? Несомненно, есть. Эта выгода стоит столько, сколько пушинка на базарных весах. Прокурор скажет, и председатель подтвердит, что свидетели перед судом не были и неизвестно, что именно

они сказали бы, а затем — если бы мать и брат видали подсудимого дома при начале пожара у соседа, то он указал бы на них при первых распросах урядника, не говоря уже о предварительном следствии; между тем, как оказывается, он вспомнил о них через год. При вручении обвинительного акта ему было разъяснено, что в течение семи дней он имеет право требовать вызова свидетелей в свое оправдание и суд обязан вызвать их, если их показания могут иметь значение. Таких свидетелей не оказалось. А потом, когда он успел посоветоваться с опытными законоведами (я разумею, конечно, его товарищей по заключению, а не *кого-либо другого*, многозначительно прибавляет председатель), тогда в последнюю минуту перед нами являются свидетели. Притом кто эти свидетели? Родная мать, родной брат. Такие свидетели при таких условиях не разъясняют дела, а могут только запутать его.

Но предположим, что защитник сумел удержаться в строгих границах закона. Он сказал: свидетели могут удостоверить обстоятельства, имеющие прямое отношение к *вопросу* о совершении преступления подсудимым; сказал это спокойно, уверенно и внушительно. Суд отказал. Присяжные не узнали, в чем дело; но им кажется, что председатель и прокурор сочли нужным скрыть от них что-то; это «что-то», может быть, имело значение; оно, несомненно, казалось важным защитнику, вероятно, было опасно для обвинителя. Что такое этот X? Пушинка или гиря? Коль скоро перед ними возник этот вопрос, пушинка уже обратилась в гирю; весы наклонились. Если прокурор попытается разубедить их в этом, гиря станет тяжелее. Но при одном условии: если защитник сам не испортит того, что сумел сделать. Его искусство состоит в том, чтобы, ни разу не высказав сожаления об утрате доказательства в пользу подсудимого, несколько раз вызвать воспоминания о ней у присяжных. Если на судебном следствии улики окажутся сильными, гиря вновь обратится в пушинку; но если они пострадают, если явится хотя незначительная вероятность невиновности подсудимого, присяжные уже сами по себе пожалеют о недопрошенных свидетелях. Это будет уже настоящий козырь в руках защитника.

Закон дал подсудимым самые широкие права защиты, но они редко умеют ими пользоваться; поэтому защитнику часто приходится вызывать их на те или иные заявления или объяснения по обстоятельствам судебного следствия. В большинстве случаев это

проще всего сделать прямым вопросом, обращенным к подсудимому; но этот прямой путь не всегда оказывается открытым для защиты. Перед присяжными происходит словесная перестрелка между защитником и председателем. Например.

Защитник: Позвольте мне предложить несколько вопросов подсудимому...

Председатель: Нет, г. защитник; закон не разрешает допроса подсудимого.

Защитник (смущенно): Я хотел этими вопросами выяснить через подсудимого некоторые обстоятельства.

Председатель (раздраженно): Нет, г. защитник, я уже сказал вам, что закон не дает вам права на такие допросы.

Защитник (растерянно): В таком случае, я прошу вас, г. председатель, спросить подсудимого.

Председатель (победоносно): Я разъяснил вам дважды, г. защитник, что это незаконно. Я не могу в угоду вам нарушать закон. Подсудимый имеет право давать объяснение, если пожелает...

Но подсудимый не знает, какие именно объяснения нужны в эту минуту, и молчит. Победа на стороне председателя. Она не служит к его чести, но присяжные не знают этого. Они, может быть, даже восхищаются его уважением к закону и беспристрастием к подсудимому.

Защитник посрамлен. Между тем нет никакого сомнения, что требование его было вполне законно. Гарантии, установленные ст. 683—685 у.у.с, установлены в пользу, а не во вред подсудимому. Закон ограждает его от домогательства ответов со стороны суда, но законодатель, конечно, никогда не помышлял о том, чтобы лишить защитника возможности помочь подсудимому сказать что-либо в свою пользу (не подсказывая ему, что именно выгодно сказать). Председатель просто придирается к словам, иначе говоря, крючкотворствует. Но у него власть, и он может издеваться над защитником безнаказанно. Неужели нельзя уберечь себя от этого? Конечно, можно. Повремените, и в большинстве случаев вас выручит противник. Ему тоже надо спросить кое о чем подсудимого, и председатель не помешает ему. А после этого вы можете сказать: г. прокурором было задано несколько вопросов подсудимому; на основании ст. 612 и 630 прошу разрешить мне также предложить ему вопрос.

Если прокурор не станет спрашивать подсудимого, скажите:

— Г. председатель, на основании 612 и 683 ст. у.у.с. прошу вас спросить подсудимого, не желает ли он представить объяснение по поводу такого-то обстоятельства.

Будьте уверены, что, услышав о статьях закона, председатель подчинится вам со всей кротостью.

В кассационной жалобе по делу Ревзановых (1875 г. № 220) защитник жаловался на то, что вопреки 684 ст. прокурор предлагал подсудимому вопросы, на которые последний обязан был отвечать, опасаясь молчанием своим вредно подействовать на присяжных. Сенат разъяснил: «Товарищ прокурора предложил подсудимому вопрос через председателя, т.е. в той форме, какая допускается по закону, разъясненному в этом смысле реш. У. К. Деп. 1870 г. № 645 и воспреещающему предложению прокурором вопросов подсудимому непосредственно, помимо председателя». Несколько иначе высказался Сенат по делу Никольского и Розенберга (1871 г. № 1248). В жалобе подсудимых было указано, что после допроса подсудимого Козлова председателем товарищ прокурора просил его разъяснить некоторые предметы предложением Козлову еще нескольких вопросов, причем изложил как сущность своих недоразумений, так и нужные для их разъяснения вопросы. Сенат нашел, что «стороны (следователь и лицо прокурорского надзора) могут обращаться к председателю с просьбой о разъяснении посредством вопроса подсудимого того или другого обстоятельства дела, причем удовлетворение такого ходатайства зависит, однако, от усмотрения председателя; следовательно, указание прокурором тех обстоятельств, которые он желал выяснить допросом подсудимого Козлова, не составляет нарушения ст. 684». Из этого решения следует, что председатель может устранить вопрос стороны к подсудимому, но для этого должен признать вопрос не относящимся к делу или не имеющим значения. Это распоряжение может быть правильным или неправильным, но в последнем случае защитник ничего не потеряет, потому что присяжные не упустят из вида пристрастие председателя.

Противоположный взгляд основан на решении 1872 г. № 1020 по делу Федорова и Михина. В кассационной жалобе осужденных по этому делу было указано, что председатель, вопреки ст. 680 у.у.с., не дозволил их защитнику предложить им вопрос о крайней их бедности. Сенат высказал, что «председательствующий совершенно правильно не дозволил защитнику подсудимых задавать им вопросы по делу, так как вопросы подсудимым могут быть

предлагаемы сторонами и судьями, а не защитником их, который всегда имеет возможность сам объяснить за них то, что он считает необходимым, или дать им наставление высказать суду то, что он считает полезным для их защиты». Чтобы судить о законности этого разъяснения, достаточно принять во внимание, что в нем защитник не признается стороной.

Имейте в виду, что суд может отказать и в законном требовании защиты. Это не исключительное, а обыкновенное явление: загляните в сенатские сборники. Примите также во внимание, что нарушение, явно не существенное по закону, может столь же для всех явно оказать решающее влияние на присяжных. Таким может оказаться, например, дискреционное распоряжение председателя об устранении известного обстоятельства из предметов расследования. Поэтому надо научиться так обращаться к суду, чтобы, ни в чем не нарушая закона, само ходатайство и при отказе суда уже было некоторой победой. Одно из первых условий для этого состоит в том, чтобы каждое ходатайство начиналось со ссылки на статью устава.

Предположим, что в деревне убит местный вор. Убийство совершено во время ссоры; виновный — хороший крестьянин. Вы не можете вызвать свидетелей в подтверждение дурного поведения убитого. Предположим, что за несколько времени до происшествия крестьяне постановили незаконный приговор об исключении его из общества и о высылке его в Сибирь. Если бы вы просили об истребовании этого приговора и приложении его к делу в порядке 547 ст. у.у.с., суд отказал бы вам, признав, что этот приговор не имеет значения для разрешения вопроса о виновности подсудимого. Можете ли вы представить его суду по 687 ст. у.у.с.? Нет, по тому же соображению. Между тем нет сомнения, что для уездных присяжных убийство местного хулигана и убийство честного домохозяина — разные вещи, а из дела не видно, что за человек был убитый. Как же быть? Если вы вчитаетесь в сенатскую практику, то убедитесь, что можете вызвать, например, сельского старосту в удостоверение хорошего поведения подсудимого. На суде вы можете спросить его и о потерпевшем. Если вы сумеете спросить его, как надо, он и без прямого о том вопроса с вашей стороны скажет о приговоре своих односельчан. Если бы вам не удалось этого сделать, вам поможет подсудимый. До заключения следствия он имеет право давать объяснение суду и может сказать,

что убитый был не безупречного поведения, что общество составило приговор о высылке его. Староста подтвердит это. Если после этого вы, с копией этого приговора в руках, потребуете приложения его к делу на основании 629 ст. уст., вы уже достигли цели, хотя бы суд и не удовлетворил вашего ходатайства.

Процессуальные требования принято подкреплять ссылками на сенатские разрешения. Но надо быть очень недоверчивым к тезисам сената. Некоторые из них разрешают действия незаконные, и, понадеявшись на такой тезис, защитник может поставить себя в неприятное положение. Поэтому, найдя благоприятное для вас положение в сборнике, просмотрите внимательно другие решения, чтобы убедиться, нет ли и тезисов, прямо противоположных. Во многих случаях так и окажется.

При всяком ходатайстве к суду имейте всегда в виду два особых условия: присяжные должны слышать в ваших словах, во-первых, что вы убеждены в законности вашего требования, и, во-вторых, что вы *предвидите* возможность отказа со стороны суда. Это можно выразить некоторым значительным бесстрашием в голосе. При этих условиях вы всегда останетесь в выигрыше; в случае отказа у присяжных останется впечатление, что защите было воспрещено выяснить обстоятельство, на установление которого подсудимый имел некоторое право. Если же вы не предкажете возможность отказа и суд откажет, впечатление будет, что вы не знали закона или хотели обойти его. Излишняя самонадеянность есть такая же ошибка, как и явная неуверенность.

Молодые защитники бывают очень склонны возражать против процессуальных требований обвинителя. В виде общего правила можно сказать: чем чаще защитник заявляет, что никаких возражений не имеет, тем лучше для подсудимого. Да и самые возражения в большинстве случаев оказываются для суда не убедительными.

Если в деле имеются какие-нибудь бумаги, важные по своему содержанию, то одного оглашения их недостаточно. Надо показать их присяжным, чтобы они запомнили их не только памятью, но и глазами. Они всегда с охотой рассматривают пустяки, тешащие любопытство: всякие рисунки, портреты, оружие, бумаги, в коих предполагается подделка. Но рукопись, не вызывающая сомнений, не полагается подделка. Это надо знать. С другой стороны, кажется им стоящей внимания. Это надо знать. С другой стороны, надо помнить, что в большинстве случаев предъявление вещественных доказательств полезно для обвинения, а не для защиты.

ГЛАВА V. ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Допрос свидетелей обыкновенно производится у нас по вдохновению минуты, с великим многословием, но безо всякого толку. Так называемые *questionnaires*, т.е. заранее составленные списки вопросов, почти не применяются. Иногда, конечно, при находчивости или счастливой нечаянности можно поймать недобросовестного свидетеля; но изобличить его наверняка можно, только заранее раскинув незаметную для него сеть. Ряд обдуманных и расчетливо перемешанных вопросов может вынудить свидетеля признать то, что он хотел бы утаить. Так действовал Сократ, изобличая софистов; так же действуют французские и английские адвокаты. В процессе Дрейфуса одним из самых убедительных доказательств в пользу подсудимого оказался допрос генерала Гонза, почти ничего не сказавшего на вопросы защиты. Лабори громко и ясно предлагал вопрос; председатель спокойно и отчетливо возглашал: *cette question ne sera pas posee!* Генерал смотрел в упор на председателя и молчал; но по смыслу каждого вопроса было очевидно, что, если бы предста-

витель главного штаба мог опровергнуть защитника, он крикнул бы «нет», не дожидаясь разрешения председателя; его молчание лучше всяких слов и клятв подтверждало то, чего он не решался отрицать.

В чем же должна заключаться подготовка к допросу свидетелей? Работа эта обыкновенно ограничивается у нас заготовлением копий их показаний у следователя. Вызывается свидетель, товарищ прокурора начинает допрос, защитник торопливо перелистывает свои копии, а когда наступает его черед, иной раз не знает, с чего начать. Плохая тактика!

Остановимся сначала на свидетелях, допрошенных на предварительном следствии. В протоколе допроса заключается более или менее связное изложение известных свидетелю обстоятельств. В иде общего правила я сказал бы: не заботьтесь о том, что он сказал следователю. Это и без вас выяснит прокурор. Постарайтесь найти ряд таких отрывочных вопросов, которые могли бы уничтожить или изменить значение всего показания или его отдельных частей. В большинстве случаев в показании свидетеля — оно записано следователем — не видно противоречий, не всегда заметны и пропуски обстоятельств, могущих иметь значение. Но, зная дело с двух сторон, по актам предварительного следствия и по объяснениям подсудимого, защитник, при внимании и настойчивости, может уловить уязвимые части показания. От подсудимого он может узнать, а собственной проницательностью может угадать, что в одном месте свидетель утверждал то, что мог только предполагать, а в другом следователь не отметил подробность, которая могла изменить значение показания и т.п. По этим направлениям и следует наметить вопросы, не говоря уже об обстоятельствах, вовсе не затронутых следователем. Предположим далее, что свидетель удостоверяет ряд губительных для вас обстоятельств, которые вам кажутся сомнительными. Если вам удастся придумать два-три таких побочных вопроса, которые поставят его в тупик хотя бы по незначительным обстоятельствам, вы этим ослабите доверие присяжных и к другим, существенным частям его показаний. Нельзя быть уверенным, что все эти возможные разветвления допроса окажутся нужными на судебном следствии, но заготовить их необходимо.

Все это нелегко и дается не сразу. Но не забывайте, что даром дается только то, что ничего не стоит. Потрудившись, вы в боль-

шинстве случаев найдете несколько полезных вопросов. Заведите несколько конвертов по числу свидетелей и разложите в них соответствующие вопросы. На второй или на третий день, поработав над другими частями дела, пересмотрите первоначальные заметки. Вы, может быть, припишете несколько новых вопросов, вероятно, зачеркнете один или два, потому что сопоставление с другими данными дела убедило вас, что намеченный вопрос разъяснен документом или что он может навести обвинителя на выяснение какого-нибудь обстоятельства, для вас неблагоприятного. Почти наверное вы найдете полезным изменить форму некоторых вопросов. Чем чаще вы будете пересматривать эти заметки, тем лучше. Вы скоро убедитесь, как это полезно для дела. Ко времени заседания для каждого свидетеля должен быть заготовлен список вопросов. Если вы отнесетесь к этой работе с надлежащим вниманием, список будет составлен так, как должно. Это значит, что все полезные вопросы будут налицо; не будет ни одного лишнего и ни одного опасного; каждый вопрос будет изложен в наиболее целесообразной форме, т.е. будет наиболее способствовать желательному ответу; все вопросы будут расположены в такой последовательности, чтобы свидетель с готовностью отвечал на них; если неизбежен вопрос, неприятный для свидетеля, он будет помещен в наиболее выгодном месте, вероятно, в самом конце; логическая связь между отдельными вопросами останется до поры до времени скрытой от окружающих.

Не подумайте, читатель, что все это чересчур хитроумные указания. Готовясь к защите по одному большому и сложному делу, я заметил, что чем больше думал о допросах, тем более отдалялся в сторону от протоколов следователя и тем ближе подходил к целям защиты. В своем законченном виде списки вопросов совсем не походили на первоначальные черновики, а на судебном следствии во многих случаях приходилось вновь приспособливать их к изменившимся обстоятельствам дела.

В списке не должно быть лишних вопросов, но это не значит, что каждый вопрос должен иметь непосредственное отношение к существу дела. Я сказал бы, что первый вопрос к свидетелю, а иногда первые два-три должны касаться обстоятельств простых и несущественных. Их назначение — расположить его к доверию и облегчить последующие ответы. Свидетели обвинения часто бы-

вают склонны к подозрительности и даже враждебности по отношению к защитнику. Если такому свидетелю будет легко ответить на первые вопросы, то он и к последующим отнесется с большей готовностью. Мне кажется поэтому полезным, чтобы в длинном допросе такие незначительные, но приятные для свидетеля вопросы чередовались с важными вопросами. Такими могут быть, смотря по обстоятельствам, вопросы о членах семьи потерпевшего, подсудимого или самого свидетеля, о расположении комнат в квартире, о времени знакомства свидетеля с участниками процесса и т.п., т.е. вопросы о простых и свидетелю хорошо известных фактах. Переходя к существенным частям допроса, необходимо помнить основное правило: *избегать прямого вопроса о том обстоятельстве, которое нужно установить*. Этот вопрос должен быть заменен несколькими другими, косвенными, с таким расчетом, чтобы существенное обстоятельство вытекало само собой из полученных на них ответов.

Предположим, что двое или несколько свидетелей вызваны в подтверждение одного и того же обстоятельства. Надо сделать так, чтобы показание каждого из них казалось новым, не похожим на предыдущие. Если каждому из них будут предложены одни и те же вопросы, то показания их станут простым повторением, которое иногда может показаться заученным. Очевидно, что для каждого надо приготовить разные вопросы об одних и тех же обстоятельствах.

По отношению к свидетелям не допрошенным нужна большая осторожность. При требованиях о вызове свидетелей по 573 ст. уст. товарищи прокурора, пользуясь недомолвкой закона, обыкновенно не указывают обстоятельств, о которых имеет показать свидетель. Следовательно, трудно угадать, о чем можно будет его спрашивать. Если эти обстоятельства, как бывает большею частью, окажутся несущественными, можно вовсе не допрашивать его; в противном случае, конечно, следует попытаться ослабить его показания. Но не следует наводить его на новые факты; это область неизвестного, следовательно, опасного. Иногда бывает полезно коснуться его занятий или отношений к участникам процесса.

Еще большей осмотрительности требуют не допрошенные свидетели со стороны подсудимого в тех случаях, когда защитнику не пришлось предварительно ознакомиться с ними. Такие случаи, к

сожалению, не редки, хотя нельзя не признать, что в этом заключается непростительная небрежность со стороны адвоката. Но это может случиться и помимо воли защитника. Во всяком случае, необходимо до начала заседания узнать хотя бы от подсудимого, кто таков свидетель, какое отношение имеет к участникам процесса и для чего вызван. Подсудимый обвинялся по 1609 ст. ул.; в суд было доставлено десять не допрошенных свидетелей. Защитник просил допустить их к допросу, ничем не подтверждая этого ходатайства. Председатель, принимая на себя его обязанности, спросил, что могут удостоверить свидетели. Защитник ответил: алиби и отношение подсудимого к потерпевшему. Председатель просил указать, кто из них удостоверяет одно, кто — другое. Защитник забормотал что-то несвязное и затем наклонился к подсудимому. Между ними произошло шепотом короткое совещание, и защитник заявил, что желает допроса только двух свидетелей, а от прочих восьми отказывается. Это значит, что он не имел никакого представления об этих свидетелях и не потрудился справиться о них у подсудимого. И это при обвинении в поджоге.

Когда дошла очередь допроса этих двух свидетелей, председатель спросил их, видали ли они подсудимого в день и в самое время пожара; оба свидетеля — девочка и ее отец — ответили отрицательно. Председатель предоставил допрос защитникам. Их было двое, хотя судился один крестьянин. Они заявили, что вопросов не имеют. Председатель собирался закончить следствие, когда один из членов суда спросил подсудимого, зачем он вызвал этих свидетелей. Подсудимый живо ответил, что девочка слышала, как жена потерпевшего говорила, что он напрасно сидит в тюрьме и что сгоревшая рига была затоплена на ночь. На дальнейшие расспросы девочка и отец ее самым решительным образом подтвердили это обстоятельство. Это существенное показание, явившееся единственным доказательством в пользу подсудимого, осталось бы неизвестным для присяжных, если бы и на этот раз обязанности защиты не взял на себя один из судей.

Если допрос незнакомого свидетеля не представляется необходимым для определенной цели, благоразумнее обойтись без него. При всем желании помочь подсудимому он может оказаться врагом его, иногда по избытку усердия, иногда просто по глупости. Еще опаснее, конечно, свидетели недобросовестные. Каждый та-

кой свидетель подсудимого представляет из себя известный шанс в пользу обвинения; а так как эти свидетели по большей части столь же дики и ограничены, как и сам подсудимый, то обыкновенно они выдают себя, не выжидая даже перекрестного допроса со стороны товарища прокурора.

«— Что-ж, г. прокуроры, — обращается в перерыве к обвинителю председательствующий, — дело ваше плохо; улики слабоваты.

— Так-то так, — отвечает опытный товарищ прокурора, — но вы упускаете из виду, что у меня еще в запасе три свидетеля защиты!»

Судьи одобрительно покачивают головой.

Запомните это, читатель.

Письменное заготовление вопросов также необходимо по отношению к новым свидетелям, как и к допрошенным на предварительной следствии.

2. ПРИМЕРНЫЕ ДОПРОСЫ

Предположим такие обстоятельства. Анна Иванова имела связь с Андреем Петровым. Тот скоро бросил ее, и она обвиняет его по 1525 и 1528 ст. ул. о нак., утверждая, что до связи с ним была невинна и 1 июля такого-то года подверглась с его стороны изнасилованию, а затем продолжала с ним связь, потому что он обещал жениться на ней. Петров не отрицает своей связи с Ивановой, но утверждает, что она не была девушкой, когда они познакомились. Мать Ивановой говорит, что та рассказала ей о совершенном над ней насилии на другой же день. Петров объясняет своему защитнику, что Иванова была обольщена Василием Григорьевым, который бросил ее, чтобы жениться на Василие Кузнецовой. Соседка Кузнецовых Елизавета Кудряшова говорила сестре подсудимого Ольге Петровой, что Анна Иванова (потерпевшая) после своего разрыва с Петровым сказала ей, Кудряшовой: «Этот не Васька (Григорьев), не уйдет». Но при допросе на предварительном следствии Кудряшова отрицала это обстоятельство. Василий Григорьев показал, что был знаком с Анной Ивановой, но в связи с нею не состоял; его жена Василиса утверждала, что ничего об этой связи не знает. По прокурорскому списку в качестве свидетелей вызва-

ны: потерпевшая (я сохраняю это выражение для краткости, но мы не знаем, есть ли Анна Иванова жертва или лжесвидетельница), ее мать и два свидетеля, удостоверившие на предварительном следствии, что знают Анну Иванову как девушку правдивую и хорошего поведения. Со стороны защиты вызваны супруги Василий и Василиса Григорьевы, Елизавета Кудряшова, Ольга Петрова и два свидетеля, давшие у следователя хорошие отзывы о подсудимом. Мимоходом прошу читателя заметить, что свидетели защиты вызваны в определенном, при данных обстоятельствах наиболее целесообразном порядке: было бы большой ошибкой поместить Ольгу Петрову во главе списка. Происходит допрос свидетелей на суде; все они производят благоприятное впечатление. Обвинитель ведет допрос с надлежащим умением. Предположим теперь на месте защиты одного из тех злосчастных людей, которые никогда не ошибаются, — разумею, в их собственных глазах. Допрашивается Анна Иванова. Я опускаю почти неизбежные вопросы о том, почему она не рассказала об ее изнасиловании своему отцу, отчего ему боялась сказать, а матери не боялась, почему не заявила жалобы тотчас после события, как могла продолжать связь с изнасилователем и тому подобное пустословие, и перехожу к вопросам по существенным обстоятельствам. Защитник спрашивает:

— Скажите, свидетельница, вы были знакомы с неким Василием Григорьевым?

— Да, была знакома.

— Давно это было до вашего знакомства с подсудимым?

— Нет, не очень давно.

— Это было близкое знакомство?

— То есть как «близкое»? Я не знаю...

— Я выражусь определеннее. Вы не были с ним в связи?

— Нет.

В таком же направлении допрашивается и трое других свидетелей обвинения. Вызываются свидетели со стороны подсудимого.

Василий Григорьев.

— Скажите, свидетель, вы были знакомы с Анной Петровой?

— Да.

— Не были ли вы с нею в любовной связи?

— Нет.

— Нет. А не считала ли она вас своим женихом?

— Нет.

— Вы это наверное знаете?

— Наверное.

— Никогда не слыхали, чтобы она кому-нибудь это высказывала?

— Нет.

Василиса Григорьева.

— Скажите, свидетельница, что вам известно об отношениях вашего мужа с Анной Ивановой.

С Анной Ивановой? Ничего не известно.

— Ничего не известно? Вы ведь знаете Анну Иванову?

— Нет, не знаю.

— То есть как не знаете? Она была с вами в свидетельской комнате?

— Ну да.

— Так как же вы говорите, что вы ее не знаете. Вы хотите сказать, что вы с нею не знакомы?

— Ну да.

— Ну, да. А вы не знаете, ваш муж до знакомства с вами не был знаком с Ивановой?

— Не знаю.

— Он вам не говорил, что бывал у нее в доме?

— Нет, не говорил.

Елизавета Кудряшова.

— Не помните ли вы, свидетельница, одного вашего разговора с Анной Ивановой в августе 190* года?

— Какого разговора? Не помню.

— Как же вы говорите «не помню», когда сами не знаете, о чем я спрашиваю? Я спрашиваю, не говорила ли вам Анна Иванова про подсудимого: «Этот — не Васька, не уйдет». Вы не помните этого?

— Нет, не помню.

— А не помните ли вы, что вы об этом говорили Ольге Петровой?

— Не помню.

— Не помните. Я пока не имею вопросов.

Ольга Петрова повторяет то, что показывала следователю. Защитник требует очной ставки ее с Елизаветой Кудряшовой. Обе свидетельницы настаивают на своих первоначальных объяснениях.

К чему сводятся данные защиты? Отрицание подсудимого, показание его сестры, бросающее тень на потерпевшую, но опровергаемое посторонней свидетельницей, и два свидетельства о его доброй славе. Трое свидетелей защиты, вызванные по наиболее существенному обстоятельству, не показали ничего; этим самым каждый из них стал свидетелем против подсудимого. Так как, согласно нашему предположению, потерпевшая внушает доверие, то шансы обвинения сильнее шансов защиты.

Предположим теперь, что допрос производится более опытным защитником.

К Анне Ивановой он не имеет вопросов. В глазах защиты она — лжесвидетельница: правды она не скажет, а толкать ее на новую ложь, если только защитник не сознает за собою исключительного искусства в перекрестном допросе, бесцельно. То же самое по отношению к ее матери. Следуют две свидетельницы доброй славы потерпевшей. Если по их ответам на вопросы обвинителя можно рассчитывать, что дальнейшие их распросы не представят каких-либо опасностей, им можно задать несколько вопросов. Сначала подготовительные: из одной ли они деревни с потерпевшей или из разных, как далеко живут от нее, отлучалась ли она из деревни в город, где работала и т. п. Далее:

— Не знаете ли, что было между Ивановой и Петровым?

Вопрос этот можно, конечно, задать только при уверенности, что свидетельница этого не знает.

— Не, не знаю.

— Может быть, кто-нибудь рассказывал вам об этом?

На этот вопрос могут быть только два ответа: или никто не рассказывал, или рассказывали Ивановы. Оба ответа выгодны для защиты, потому что подчеркивают, что единственным прямым доказательством против подсудимого служат показания свидетельницы, наиболее заинтересованной в деле.

Василий Григорьев.

— Чем вы занимаетесь, свидетель?

— Я извозчик.

— Работаете в Петербурге?

— Да.

— В деревне у себя бываете?

— Да.

— В какое время?

— В разное.

— На летние работы приезжаете?

— Бывает.

— Как далеко от вашей деревни до деревни, где живут Ивановы?

— Три версты.

— Ваши парни бывают там на беседах?

— Бывают.

— С которой стороны дороги живут Ивановы?

— С правой.

— Который дом?

— Третий.

— Скажите, до вашей свадьбы ваша жена не знала Анны Ивановой?

— Нет.

— А когда была свадьба?

— 7-го Октября.

— Что за человек ваш тесть? Каких правил?

— Он человек крепких правил.

— Насчет нравственности как? Строгий?

— Очень строгий.

Более вопросов к свидетелю не имеется, но защитник просит председателя установить, когда было сделано уряднику заявление об изнасиловании Ивановой. Председатель, заглянув в дело, говорит:

— Протокол составлен урядником восьмого октября.

Защитник просит присяжных запомнить, что, по удостоверению Василия Григорьева, его свадьба была седьмого октября. Он не прибавляет, что это было накануне составления протокола. Присяжные должны сами заметить это и, наверное, уже заметили.

Василиса Григорьева. После двух-трех вступительных вопросов защитник спрашивает:

— Сколько времени вы замужем?

— Около года.

— А знакомы вы были с мужем еще с детства?

— Да; мы одной деревни.

- Не помните ли, когда он посватался к вам?
- Не помню хорошо.
- Это было до Петрова дня или после?
- После.
- С месяц прошло?
- Да, пожалуй, с месяц.
- Вы сразу согласились?
- Сразу.
- А ваши родители?
- Родители?
- Да.
- Родители не сразу.
- А ваша семья богатая?
- Нет.
- Сколько у вас сестер?
- Три.
- Все замужем?
- Нет.
- В девках?
- В девках.
- У кого семья богаче, у вашего отца или у свекра?
- У свекра.
- Ваш муж хороший работник?
- Да, хороший.
- Не пьет?
- Нет.
- Свекор сразу позволил вашему мужу жениться?
- Сразу.
- А почему ваши родители не сразу согласились?
- Не знаю.
- Сколько лет вашему отцу?
- А я не знаю.
- Еще не старый?
- Как не старый? Старее его-то во всей деревне, пожалуй, нет.
- Дряхлый или нет?
- Нет, не дряхлый.
- Семью крепко держит?
- Крепко.

— После замужества бывал он у вас в доме?

— Нет.

— Но был на свадьбе?

— Нет.

— Не помните ли, ваш муж приезжал в деревню прошлым летом?

— Не помню.

— Постарайтесь припомнить. Не приезжал ли он на сенокос?

— Кажется, приезжал.

— В чьем доме справляли девишник?

— В нашем.

— Ваш отец был на девишнике?

— Нет.

— Где ж он был?

— Он уехавши был.

— Куда?

— В город.

— Был он на свадьбе?

— Нет.

Защитник имеет вопрос к матери потерпевшей. Он спрашивает.

— Вы, кажется, вдова?

— Вдова.

— Богато живете?

— Чего богато? Чего спрашиваешь? Нашел богатство у бобылки!

— Покровские Кузнецовы побогаче вас будут?

— Известно, богаче. Кузнецовы хорошо живут?

— А Григорьевы?

— А Григорьевы и того лучше.

Елизавета Кудряшова.

— Знаете вы семью Ивановых?

— Знаю.

— Где работает мать и где дочь?

— На фабрике.

— В одном корпусе?

— Нет, в разных,

— А вы?

— Тоже на фабрике.

- В каком корпусе?
- С дочерью вместе.
- И на работу вместе ходите?
- Бывает, и вместе.
- Знаете вы Ольгу Петрову?
- Знаю.
- С детства?
- Да.
- Что она за девушка?
- Хорошая девушка.

Следующий вопрос обойти нельзя, потому что в противном случае он будет задан прокурором. Но ответ будет неудовлетворительный.

— Не было ли у вас с нею какого-нибудь разговора про Анну Иванову и Василия Григорьева?

— Никакого такого разговора у нас не было.

Ольга Петрова.

На тот же вопрос свидетельница со слов Елизаветы Кудряшовой повторяет слова Анны Ивановой: «Этот — не Васька, не уйдет».

— Не знаете ли, как относились старики Кузнецовы к сватовству Василия Григорьева?

— Говорили, отец не хотел отдавать Василисы.

— Как вы думаете, почему?

— Мы так думали, что он не одобрял Василия.

— Вообще не одобрял или за кого-нибудь особо?

— Да *говорили*, за Анну.

Возможно, что председатель или обвинитель укажут, что этот ответ нарушает 718 ст. у.у.с. Придется подчиниться и прекратить вопросы в этом направлении. Остаются два свидетеля доброй славы подсудимого. Одного из них защитник спросит между прочим, что за девушка Ольга Петрова, правдивая или нет. Ответ:

— Правдивая.

Посмотрим, что имеют в своем распоряжении стороны. Обвинение имеет прямые показания потерпевшей и ее матери, т.е. лиц, в высшей степени заинтересованных. Но так как обе женщины внушают доверие и две свидетельницы удостоверили нравственную безупречность девушки, то положение подсудимого нельзя признать безопасным.

На стороне защиты имеется: а) отрицание подсудимого, б) хорошие отзывы о нем; то и другое почти не имеет значения; в) показание Ольги Петровой. Это важнейшее обстоятельство во всем судебном следствии. Решение присяжных будет зависеть от того, поверят они ей или нет. Елизавета Кудряшова теперь утверждает, что не слыхала от Анны Ивановой роковых слов: «Не Васька, не уйдет». Ясно, что она друг Ивановых; следовательно, невероятно, чтобы эти слова были ее вымыслом. Поэтому, если она передала их Ольге Петровой, они действительно были сказаны Анной Ивановой. Этот вывод не имеет логической достоверности: но противоположное предположение — о вымысле со стороны Кудряшовой — не имеет никакой опоры в деле, и благодаря этому приведенный вывод представляется в оценке присяжных несомненным. Это, вероятно, не сознается ими с полной отчетливостью, но подразумевается с достоверностью. Итак, вопрос в том, кто сказал правду: Ольга Петрова или Елизавета Кудряшова? Мы должны предположить, что обвинитель не упустил спросить кого-нибудь из свидетелей о Кудряшовой, и про нее, как про Ольгу Петрову, было сказано, что она не способна солгать. При равенстве прочих условий, конечно, пришлось бы поверить ей, а не Ольге Петровой, потому что последняя слишком близка к подсудимому. Но тут защитник может привести несколько соображений, взятых им не из головы, а из дела, соображений, уже промелькнувших в мозгу одного или нескольких присяжных во время судебного следствия.

1. Василий Григорьев и Анна Иванова были знакомы, и он, вероятно, бывал у нее; он приезжал в деревню за некоторое время до предполагаемого преступления.

2. Отец Василисы Кузнецовой, человек строгих правил, почему-то был против брака ее с Григорьевым, несмотря на явные выгоды этого брака для Кузнецовых. Чем объяснить это странное обстоятельство?

3. Согласившись на брак, он, однако, не захотел присутствовать ни на девишнике, ни на свадьбе дочери. Чем объяснить это странное обстоятельство?

4. Жалоба на подсудимого не была заявлена потерпевшей немедленно после предполагаемого насилия над ней. Ее объяснение, что она доверяла его обещанию жениться на нее, конечно, правдоподобно; но не странно ли, что жалоба была подана ей на другой

день после женитьбы Василия Григорьева, т.е. тотчас после того, как замужество с ним стало для нее невозможным. Как объяснить это странное обстоятельство?

5. Эти странные обстоятельства находят естественное объяснение в словах Анны Ивановой, передаваемых Ольгой Петровой: Васька ушел — пришлось ухватиться за Андрея. Отец Василисы Кузнецовой знал, что Василий Григорьев обольстил Анну Иванову; как человек твердых нравственных правил, он не мог примириться с браком дочери и не захотел освящать его своим присутствием.

Искусство, как видите, состоит в том, чтобы делать значительные выводы из незначительных обстоятельств.

К указанным соображениям, взятым из судебного следствия, защитник может присоединить еще одно, свое собственное: если бы Ольга Петрова лгала в своем показании, не проще ли было ей утверждать, что слова, приписываемые ей потерпевшей, были сказаны последней не Елизавете Кудряшовой, а самой свидетельнице? Если слова эти были вымышлены, свидетельница не могла рассчитывать, что расположенная к Ивановым Кудряшова подтвердит их. Напротив, относя их непосредственно к Анне Ивановой, Ольга Петрова придавала бы им больше убедительности, ибо возражать против них пришлось бы не свидетельнице, а самой потерпевшей.

Предоставляю читателю сравнить шансы подсудимого при этих двух защитах. Чем объяснить разницу? Во-первых, тем, что второй защитник старательно и подробно распросил подсудимого и благодаря этому узнал о многих обстоятельствах, не занесенных в протоколы следователя.

Во-вторых, тем, что он заранее знал ответ на каждый предложенный им вопрос.

В-третьих, тем, что он распределил весь допрос между свидетелями с таким расчетом, чтобы каждому пришлось отвечать на такие вопросы, на которые он мог отвечать без затруднения и без колебания, не видя, к чему клонится вопрос.

В-четвертых, тем, что по отношению к каждому свидетелю вопросы следовали в определенном порядке по тому же расчету.

Чтобы соблюсти все эти условия, конечно, надо было заблаговременно обдумать и составить список вопросов для каждого свидетеля.

Можно сказать, что мною преувеличены глупость первого и искусство второго защитника. Я этого не думаю, но спорить не стану. Мы знаем, что все дело вымышлено. Но сопоставление указывает, как велика постепенность между настоящей защитой и защитой, поддерживающей обвинение, а главное, поясняет, сколь многое зависит от характера и системы допроса.

3. ОБЫЧНЫЕ ОШИБКИ

Зайдите в суд, прислушайтесь к допросу свидетелей. Какая ремесленная работа! Спрашивающий придирается к каждому слову, накидывается на каждую обмолвку, поминутно вставляет собственные замечания, иногда делает произвольный, иногда явно неверный вывод, вызывающий протест со стороны самого свидетеля или председателя. В тоне спрашивающего звенит недоверие, насмешка, иногда прямое оскорбление. Надо иметь исключительное самообладание, чтобы выдержать это истязание. В большинстве случаев спрашивающему удастся добиться какой-нибудь победы над добросовестным свидетелем, завоевать вершок земли. Но это вершок болота, а не твердая почва. Допрос свидетелей составляет самую важную часть процесса и самую трудную из обязанностей сторон. Начинающие адвокаты не подозревают, как много надо уметь, чтобы, с одной стороны, не повредить своей задаче, с другой, достигнуть всего, что при данных обстоятельствах возможно. Немногим доступно высшее мастерство в этом уменьи, ибо оно требует редких качеств ума и воли. Искусство это с давних пор процветало в Англии, и один из талантливых адвокатов прошлого столетия, Р. Гаррис, посвятил ему большую часть своей известной книги «Школа адвокатуры», переведенной и на русский язык. Каждому судебному деятелю следует со вниманием изучить эти незаменимые страницы; к ним я и отсылаю читателя, но не могу обойти здесь некоторых элементарных прачитателя, без которых нельзя исполнить долг защитника сколько-нибудь удовлетворительно; в особенности считаю необходимым указать на обычные жестокие ошибки начинающих.

Прежде всего, когда вам представлен допрос, не заявляйте, что имеете ряд вопросов или «только один вопрос». Первый ответ свидетеля иногда покажет вам, что дальнейший допрос может

только повредить подсудимому, и вам придется отказаться от возведенного ряда; и наоборот, один ответ может столь же неожиданно вызвать необходимость многих вопросов. В обоих случаях вы окажетесь недальновидным.

С первых шагов следует приучить себя избегать ненужных вопросов. Не все это замечают, но опытные судьи знают, что более половины вопросов, задаваемых сторонами свидетелям в любом процессе, суть лишние вопросы. Это объясняется тем, что молодые товарищи прокурора и защитники не готовятся к допросу заблаговременно, а спрашивают по вдохновению минуты, да и это делают с большою небрежностью, не думая о том, нужен или не нужен вопрос, и не опасен ли он. В большинстве случаев праздные вопросы являются только потерей времени, но они часто приводят и к худшему. Приведу несколько примеров.

Пустословие безвредное. Околоточный надзиратель показывает: «Дворник сказал мне, что Никифоров был не крепко пьян, но здорово выпивши». Защитник спрашивает: «А дворник не пояснял вам более точно, что он понимает под этими словами?» Свидетель показывает, что подсудимый залез в карман к женщине, стоявшей с ним рядом. Защитник спрашивает: «Почему вы думаете, что он лез ей в карман?» — «Потому что я видел». — «То есть как это вы видели?» — «Как видел? Собственными глазами видел».

Пустословие опасное. Крестьяне Платонов и Нестеров обвиняются в поджоге усадьбы односельчанина их Юдина; все постройки усадьбы сгорели; в огне погибло несколько животных. Допрашивается местный сельский староста. Товарищ прокурора спрашивает:

— Скажите, с тех пор, как подсудимые были арестованы, у вас пожары прекратились?

— Да, пока пожаров не было.

Защитник спросил:

— Скажите, а до этого бывали пожары, кроме пожара у Юдина?

— Бывали; несколько раз бывали.

Старшина присяжных спросил:

— А это были случайные пожары или поджоги?

— Поджоги; так случайно не может гореть.

Далее свидетель показывает, что крестьяне составили приговор об удалении подсудимых из общества, но под ним подпи-

сались лишь десять или двенадцать человек, а остальные подписываться не стали. Защитник подхватил эти слова:

— Так что, этот приговор не имеет законной силы?

— Да, другие его не подписывали.

— А почему же они не подписывали его?

— А потому что подпишешь, так на завтрашний день у тебя ничего не будет; — свидетель берет за борт своей куртки. — Только это и останется.

Я назвал эти вопросы опасным пустословием. С точки зрения долга защиты их можно назвать не пустословием, а преступлением: вместо того чтобы поддерживать подсудимого, защитник топит его. Примите к сведению, читатель, что такие допросы повторяются в суде ежедневно.

Подсудимый обвиняется в краже из колониальной лавки; допрашивается приказчик. Защитник спрашивает:

— Что было найдено у подсудимого?

— Табак, колбаса, чай, окорок.

— Вы торгуете разными сортами чая?

— Да, разными.

— А кроме вашей, в Ямбурге есть другие лавки, где торгуют чаем, табаком, колбасой и ветчиной?

— Да, торгуют.

— Почему вы думаете, что это ваш товар?

— Потому что это такой самый, как у нас.

— Так что же? Почему вы утверждаете, что это ваша колбаса и окорок, а не чужие?

— А потому, что я очень хорошо узнал этот окорок; как он у нас накануне был обрезан, так он и был найден.

Перед уездными присяжными судится шайка конокрадов в одиннадцать человек. О настроении присяжных говорить нечего. Допрашивается бывший местный полицейский урядник; показание, естественно, губительное для подсудимых. Прокурор предлагает обычные вопросы.

— Гг. защитники?

Первый, второй, третий, четвертый отказываются от вопросов. Пятый спрашивает:

— Вы, кажется, сказали, что с тех пор, как участники шайки были арестованы, конокрадство в этой местности прекратилось?

— Да, это верно.

— Отчего же их раньше не арестовали?

— Да потому что не знали их. Когда узнали, тогда и переловили, а теперь и воровать некому.

Двое парней обвинялись в краже. Околоточный надзиратель окончил свое показание; прокурор не задает ему вопросов. Защитнику надо молчать; но он не знает этого и предлагает именно тот вопрос, который сознательно мог бы задать только враг подсудимых, вопрос, хуже которого нельзя придумать:

— Вы знаете подсудимых? Чем они занимаются?

— Как же не знать. Занимаются безработицей, пьянствуют, замечались в неблагонадежных поступках.

Кажется, это больше, чем нужно. Оказывается, мало. Защитник спрашивает:

— А вам приходилось когда-нибудь производить о них дознание?

— Как же не приходилось? Теперь в Кронштадте введено военное положение, так он нам в Ораниенбаум все свои помои выкидывает.

Подсудимый обвиняется в подстрекательстве к отравлению своего шурина. Отец отравленного дает безукоризненно беспристрастное показание. Один из защитников (присяжный поверенный) спрашивает:

— Не знаете ли вы, почему генерал Бутурлин не доверял своему зятю?

— Нет, не знаю. Он только сказал мне, что советовал своему покойному сыну не ходить с ним на охоту.

— Так что, это было бездоказательное заявление генерала Бутурлина?

— Я этого не знаю. У генерала могли быть основания, которых он мне не передавал.

— Во всяком случае, вам он этих оснований не сообщал?

— Нет, не сообщал.

Не ясно ли, что из всех этих вопросов и ответов присяжные запомнят только одно, действительно многозначительное обстоятельство: генерал Бутурлин считал, что ружье в руках его зятя могло быть опасным для его сына. Защитник продолжает:

— Вы раньше были уверены, что подсудимый не имел никакого отношения к отравлению вашего сына?

ГЛАВА V. ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ

— Да, был уверен.

— А впоследствии вы составили себе другое мнение по этому поводу?

— Да.

— Скажите, пожалуйста, какие соображения заставили вас переменить ваше мнение?

Вот замечательный случай. Вместо того чтобы воспользоваться правом допроса для того, чтобы создать какие-нибудь выгоды для защиты, защитник требует, чтобы человек, у которого предательски убили сына, который сумел говорить об этом с благородной сдержанностью, с бесстрашием и тем приобрел уже безусловное доверие присяжных, от этого человека защитник требует обвинительной речи против подсудимого; не предлагает, а требует, ибо свидетель обязан ответить на его вопрос. Нужно ли прибавлять, что с первых же слов свидетеля ошибка делается очевидной, и защитник спешит задать свидетелю новый вопрос, чтобы отвлечь его внимание от предыдущего? Но ошибка уже принесла свои горькие плоды.

Нетрудно заметить, что в приведенных выше случаях свидетелям предлагались вопросы, без которых можно было обойтись. Несомненно также, что, если бы, прежде чем спрашивать, защитники взвешивали вероятные ответы, каждый из них сказал бы себе, что таких именно вопросов и надо избегать. Любой из них может склонить колеблющихся присяжных — конечно, в сторону обвинения. Остановитесь на этом, читатель. Вникните в опасность ошибки. Один неловкий вопрос может из защитника подсудимого сделать вас его врагом. Подумайте о своей нравственной ответственности и скажите себе, что в устах настоящего защитника не должно быть неудачных вопросов.

Вдумайтесь в слова Антония у Цицерона (*De oratore*, II, LXXIV). *Saepe aliquis testis aut non laedit aut minus laedit, nisi lacesatur; orat reus; urgent advocati ut invehamur, ut male dicamus, denique ut interrogemus. Non moveor, non satisfacio, neque tamen ullam adsequor laudem. Homines enim imperiti facilius quod stulte dixeris, quam quod sapienter tacueris, laudare possunt.* — Бывает, что показание свидетеля или совсем безвредно для меня, или по крайней мере не слишком опасно. Его и надо оставить в покое. Подсудимый и его друзья пристают ко мне, умоляют, требуют, чтобы я набросился

на этого свидетеля, старался опорочить его в глазах судей, сбил его перекрестным допросом. Я молчу, как рыба. Меня бранят; я не удивляюсь: браниться умеет всякий, а чтобы оценить расчетливое молчание, надо знать и понимать дело защиты.

«Странное впечатление осталось у меня от наших заседаний, — сказал мне один из присяжных заседателей на сессии в уездном городе. — Иногда кажется, что защитник стоит на месте прокурора, а обвинитель — на месте защитника».

Если эти слова свидетельствуют о беспристрастии товарища прокурора, то что говорят они об умении защитников?

Запомните, читатель.

4. ТАКТИКА ДОПРОСА

Чем значительнее известное обстоятельство, тем старательнее следует избегать *прямого* вопроса о нем. Это важнейшее, коренное правило. Возьмем пример. Свидетель показывает, что из окна своей избы видел, как подсудимый выстрелил в потерпевшего. Защитник спрашивает другого свидетеля:

— Известно ли вам, кто стрелял в потерпевшего?

— Нет, неизвестно:

— Как? Разве Иванов (предыдущий свидетель) не говорил вам об этом?

— Говорил.

— Что же именно?

— Говорил, что видел, как подсудимый выстрелил.

— Значит, вы знаете, кто стрелял?

— Нет, не знаю.

— Почему же?

— Потому что Иванов и сам не видал.

— Как не видал, когда он вам сам говорил, что видел?

— Видел. А как он видел?

Свидетелю не полагается допрашивать защитника, но подсудимый не проиграет от этого нарушения порядка. Председатель разъясняет свидетелю, что Иванов смотрел из своего окна. Защитник:

— Значит, Иванов видел?

— Нет, не видал. Как он видал, когда его окна на улицу, а подсудимый в переулке стоял?

Вот когда свидетель ответил на *незаданный* ему вопрос: мог ли Иванов видеть, кто выстрелил?

Предположим прямой вопрос.

— Скажите, свидетель, мог ли Иванов видеть, что подсудимый стрелял в потерпевшего?

— Нет, не мог.

— Почему?

— Потому что из его избы не видно в переулок, а подсудимый был в переулке.

При равенстве прочих условий второе показание может казаться подозрительным как заранее известное защитнику; первое будет казаться заранее ему неизвестным и вполне правдивым.

Случается, однако, что надо волей-неволей задать вопрос непосредственно о существенном обстоятельстве. В этом случае, как я уже упоминал, следует занять внимание свидетеля одним или несколькими вопросами об обстоятельствах несущественных, прежде чем задать вопрос, нужный для дела. При этом никогда не следует предлагать наводящих вопросов. Если спрашивающий говорит: «Скажите, свидетель, не было ли так..?», это уже плохой вопрос.

В значительном большинстве случаев, как только свидетель дает не тот ответ, которого ждет спрашивающий, последний сердится.

По этому поводу можно сделать два замечания. Во-первых, надо задавать такие вопросы, на которые свидетель мог бы давать только желательные ответы; во-вторых, надо владеть собой и принимать неблагоприятные ответы с самым довольным видом.

Следует по возможности избегать общих вопросов о расстояниях и времени. Они редко достигают цели, потому что людские представления в этом отношении отличаются большой неточностью, а слова редко соответствуют и этим неверным представлениям.

Трое мальчишек ограбили пьяного во дворе большого дома. Присяжный заседатель спросил мальчика, следившего за грабителями:

— Долго ли они шарили у него в карманах?

— Не, недолго.

— Минут пять?

— Да.

Всякий понимает, что для этого нужно меньше минуты, что это делается почти мгновенно. Нелепый ответ был вызван неразумным вопросом. На вопрос, сколько времени длилась погоня за заподозренным, свидетели обыкновенно также определяют время минутами, но в большинстве случаев оказывается, что преследуемый успел пробежать два-три дома по улице или полтора квартала. Я помню вопрос: «В котором часу вы заснули?» и на ответ «Не знаю» — новый вопрос: «А сколько времени вы проспали?»

Столь же неудачны бывают в большинстве случаев и вопросы о расстояниях. На вопрос, далеко ли отбежал подсудимый, один свидетель говорит «шагов двадцать», другой — «саженей пятнадцать», третий — «шагов тридцать».

Ненужные вопросы часто переходят в непристойные. Допрашивается женщина. Ее спрашивают:

— Вы живете в одной квартире с подсудимым?

— Да.

— Постоянно живете?

— Да.

— В одной комнате?

— Да.

Этого достаточно. Но спрашивающий продолжает:

— В сожительстве?

Этот вопрос, не будучи необходимым, переходит в оскорбление.

Разбиралось дело о покушении на уличный грабеж. Вызвана была свидетельница, изобличавшая подсудимого. К решетке подошла девушка в плисовой шубке, с пухлым, слишком красным лицом; она смотрела вниз. После двух-трех вопросов защитник спросил:

— Чем вы занимаетесь?

Свидетельница сделала какое-то движение и после короткого молчания, потупившись, ответила:

— Вы сами знаете.

Надо заметить, что перед допросом свидетельницы подсудимый, сославшись на нее, упомянул, что она «гуляет». Следовательно, защитник знал о ее печальном промысле; по обстоятельствам происшествия оно не имело никакого значения. Я знаю, что вопрос этот объясняется неопытностью защитника и недостатком вдумчивости; но спрашиваю, как мог он, посвятивший себя заступничеству за обиженных судьбой, за угнетаемых людьми, как мог он не почувствовать, что последняя из падших имеет право на жалость, а право оскорблять ее не дано никому. Но разве легче ей было оттого, что защитник не хотел оскорбить ее? В разговоре со мною он сказал, что хотел было спросить девушку, отчего у нее хриплый голос. К счастью, его добрый гений удержал его.

Пока есть сомнение, возможен спор. Поэтому следует остерегаться вопросов о неизвестных обстоятельствах. Лучше оставить их под сомнением, чем разъяснить их в пользу обвинения. На вопрос: «Как могли вы разглядеть злоумышленника в темноте?» всегда возможен и часто встречается ответ: «В этом месте горит фонарь». Если подсудимый обвиняется в непредумышленном лишении жизни, молодой защитник неизменно спрашивает: «Скажите, Иванов вообще человек смирный?» Если прислуга обвиняется в краже, неизбежен вопрос к хозяину: «Вы раньше ничего не замечали за нею?»

Об этом ничего спрашивать, ибо это предполагается, пока не доказано противное. А между тем вопрос может вызвать самый неблагоприятный ответ. Сколько раз мне приходилось слышать: — Бывали мелкие пропажи, но жена не придавала им значения.

Еще важное соображение: следует всячески избегать поводов к вмешательству председателя в допрос. Некоторые председательствующие совершенно забывают, что, пока защитник не нарушает закона и пределов судебного исследования, он имеет право вести допрос так, как находит нужным, и спрашивать, о чем хочет. Они нередко позволяют себе заменять вопрос защитника своим собственным. Это иногда совершенно искажает законные старания защиты. Привожу два-три примера. Защитник спросил сестру подсудимого, вызванную для исследования его умственных способностей, в каком настроении бывал ее брат перед тем, как напивался допьяна, казался ли он грустным, угнетенным?

Председатель, прежде чем свидетель успел ответить, спросил:

— А может быть, веселый был?

Защитник спросил:

— Не произвел ли на вас подсудимый впечатление странного?

Председатель перебил ответ:

— Позвольте, свидетель; защита совершенно ясно спрашивает вас, показался ли он вам человеком душевнобольным, сумасшедшим?

Разбиралось дело о подлоге. Свидетель говорил:

— При общем числе накладных в несколько тысяч чрезвычайно трудно уследить за движением каждой накладной.

Защитник спросил:

— Почему же это так трудно, свидетель?

Председатель перебил и подсказал ответ:

— Около каждой накладной нельзя городского поставить?

— Вот именно, — сказал свидетель.

Во всех этих случаях вмешательство председателя было незаконно, а отчасти и непристойно. Но если бы сами защитники не задавали в первых двух случаях наводящих вопросов, а в последнем просто глупого вопроса, председатель не имел бы повода вмешиваться. Можно, конечно, занести в протокол такое нарушение прав защиты, но это не поможет делу, ибо не может быть признано существенным кассационным поводом и только вызовет усиленное раздражение председателя.

К сожалению, встречается вмешательство и безо всякого повода.

Защитник спросил:

— А там много бывает народу?

Председатель заявил:

— То, что бывает, г. защитник, не имеет значения, а то, что было, о том можете спросить.

Защитник спросил помощника пристава, известен ли ему циркуляр градоначальника о передаче всех дел о вооруженных разбоях... Председатель остановил его словами:

— Г. защитник, нам все циркуляры известны, полиции также... Это вопрос лишний.

Возможно, что вопрос был действительно лишний; об этом властен судить только председательствующий; но соображения его нельзя признать основательными.

На следующие примеры прошу читателя обратить особое внимание, потому что в нем указана не только болезнь, но и врачевание.

Свидетельница утверждала, что видела подсудимого выходящим из разгромленной квартиры. Со времени кражи прошло два года. Защитник спросил:

— Скажите, свидетельница, вы были у исповеди в этом году?

Вопрос, конечно, безукоризненно законный. Председатель резко остановил его. Защитник возразил, что, на основании 721 ст. уст. угол. суд., имеет право предлагать вопросы в доказательство того, что свидетель не может помнить того, что удостоверяет. Председатель все-таки устранил вопрос как не относящийся к делу; но торжество его было непродолжительно. Получив слово, защитник сказал: «Г. председатель признал, что вопрос, направленный к выяснению, насколько надежна память свидетельницы, не относится к делу. Но я все-таки утверждаю, что на память не следует слишком полагаться. И за примером недалеко ходить: вы сами видели, что и память образованного и талантливое человека, изучавшего дело, оказалась далеко не совершенной; уважаемый представитель обвинения называл Спицыну Синицыной, Шурупова Туруновым и Федорченко Федоренковым. Мне кажется поэтому, что я был не совсем неправ, когда меня остановил г. председатель».

Подсудимый обвинялся в преднамеренном убийстве. Защитник спросил:

— Не страдал ли подсудимый запоем?

Вопрос, без сомнения, вполне допустимый; но председатель не разрешил его:

— Г. защитник! Свидетель не эксперт; он может не знать значение слова «запой».

Спустя несколько минут, при допросе другого свидетеля председатель спросил:

— Он был пьян. Но признавал ли он, что делал?

— Признавал.

Защитник спросил:

— Почему вы заключаете, что он признавал, что делал?

Свидетель замялся. Защитник сказал:

— Я вас спрашиваю не как сведущего человека, а как свидетеля.

Этими словами он подчеркнул, что был неправильно остановлен председателем, и, кроме того, уличил последнего именно в той ошибке, в которой тот несправедливо упрекнул его. Из этих примеров видно, что можно и должно *пользоваться* неправильным вмешательством председателя, а не возражать ему. При возражении председатель всегда останется победителем.

Предположим, что вы задали вопрос в неудачной форме. Председатель остановил вас несправедливым замечанием: г. защитник, вы сбиваете с толку свидетеля. Что вы скажете на это? Не знаю. Но если вы заранее не подготовлены к возможности неуместной резкости со стороны председателя, вам едва ли удастся сразу найти удачный ответ. Будьте готовы заранее, и вы спокойно, отчетливо и *очень почтительно* скажете: «Имею честь заявить суду, что я никогда и ни в каком случае не позволил бы себе ничего нечестного на суде». Дальнейших замечаний со стороны председателя не будет.

Начинающие защитники часто забывают следить за допросом свидетелей со стороны обвинителя и вследствие этого повторяют вопросы о том, что уже сказано свидетелем. Ничто так не раздражает судей и присяжных. Но бывают исключительные случаи, когда без этого обойтись нельзя: надо переспросить свидетеля, чтобы проверить его ответ. Если бы в таком случае председатель хотел устранить повторение вопросов, следует почтительно поклониться суду и, не заглядывая в книжку, сказать: «Ст. 723 у.у.с. говорит, что каждая сторона может предложить свидетелю вторичные вопросы в разъяснение ответов, данных на вопросы противной стороны. Угодно г. председателю сохранить за мною это право?» Ответ председателя будет самый любезный.

Наши председательствующие часто останавливают защитников за мнимое нарушение 722 ст. у.у.с. Это делается иногда в виде негодующего окрика или с резким порицанием. Руководители заседания не замечают, что закон нарушается не защитой, а ими самими. Закон говорит, что свидетель не обязан отвечать на вопросы, уличающие его в каком бы то ни было преступлении. Многие из наших судей заключают из этого, что таких вопросов и предлагать нельзя. Логическая несостоятельность этого вывода очевидна, и судьи, воспреещающие эти вопросы, обнаруживают лишь свое невнимание к уставу и к сенатским разъяснениям.

В одном из этих разъяснений сказано: «Предложение вопросов, воспрещенных (следовало сказать: упомянутых) ст. 722, дает председателю право объяснить свидетелю, что он может не отвечать на такие вопросы; заявление же председателем стороне предложения не продолжать подобных бесполезных вопросов хотя и выходит из пределов ст. 722, не составляет существенного нарушения (1872 г. № 1487). Чтобы избежать обычного в этих случаях недоразумения, защитнику, прежде чем спрашивать, следует обратиться к председателю с таким ходатайством: на основании 722 ст. у.у.с. прошу г. председателя разъяснить свидетелю, что он имеет право не отвечать на мой следующий вопрос.

Чем короче вопрос, тем лучше, ибо тем проще и свободнее бывает ответ свидетеля. У нас иногда вопросу предшествует длинное вступление, излагающее ранее оглашенные на суде обстоятельства. Разбирается дело об убийстве восемнадцатилетнего юноши, ученика среднего учебного заведения. Один из свидетелей, товарищ покойного, дает благоприятную характеристику его. Защитник, умный, не лишенный таланта, очень популярный адвокат, обращается к свидетелю не с вопросом, а с небольшою речью: «Свидетель! На вопрос г. прокурора вы сейчас назвали покойного религиозным человеком. Вы удостоверили суду, что он любил ухаживать за барышнями, любил покутить с товарищами, пил вино и водку, не ходил в церковь и ездил в публичные дома. И вы на этом основании, — так ли я вас понял? — считаете его религиозным человеком?»

Такие приемы, несомненно, производят известный эффект, но защитник, уважающий свое призвание, не должен пользоваться ими. И в этом отношении, как во многих других, лучше учиться у людей старой школы, чем у модных адвокатов. «Какого мнения у людей старой школы, чем у модных адвокатов. «Она кабыли вы об убитой женщине?» — спрашивает прокурор. «Она казалась мне, — отвечает свидетель, — в высшей степени правдивой, честной, умной и скромной». Нетрудно представить себе, что сделал бы с этим свидетелем иной защитник. Истинный мастер как будто и не заметил губительного для подсудимого показания. А в своей речи, рисуя характеристику убитой, он сказал: «Генерал атестует покойную с наилучшей стороны: „правдивая, честная, умная, скромная...“ Так ли это? „Правдивая?“ — Она ему солгала, что была замужем. — „Честная?“ — Она еще в 1903 г., живя в довольстве, взяла

от него, Бог весть за что, 50 тыс. рублей. — „Умная?“ — В практическом смысле, да, она была не промах. Но в смысле развития она была пуста и мелочно тщеславна. Наконец, „скромная“... Об этой скромности генерал может теперь судить по рассказам инженера Фанталова... Дело ясно: генерал был очень влюблен и потому слеп».

Сравните это с предыдущим примером. Что изящнее и что убедительнее?

Обычная ошибка сторон на судебном следствии — это жестокое насилие над свидетелями. Если свидетель действительно вызывает сомнения в искренности, с ним стесняться нечего. Но когда это сомнение, когда неблагоприятное показание можно объяснить не ложью, а простым заблуждением, тогда приставать к нему не только бесполезно, но вредно для подсудимого. Получается впечатление, что у защитника нет надежных средств борьбы, если он вынужден прибегать к столь сомнительному приему. Защитники бывают особенно жестоки по отношению к чинам полиции. Перед судьями — обычная фигура городского. Он показывает: я видел, как подсудимый подошел к дремавшему извозчику и засунул руку ему за пазуху... Судьи уже заранее знают вопросы защитника.

— Скажите, свидетель, как далеко от вашего поста до того места, где стоял извозчик?

— Вы уверены, что двадцать сажений, не больше?

— Вы говорите, что может быть и больше. Скажите, в каком часу это было?

— Вы говорите — в пять часов. А может быть, немного раньше?

— Вы говорите, что может быть немного раньше. Значит, было еще совсем темно?

— Вы говорите, светало. Что же, было уже совсем светло?...

Наконец, следует и единственный существенный вопрос: «Уверены ли вы, что подсудимый — тот самый человек, который обобрал извозчика?» Городовой отвечает решительно, но допрос далеко еще не окончен.

— Вы говорите, что уверены. Но ведь вы сами сказали, что было довольно темно. А скажите, за двадцать сажений можно разглядеть лицо незнакомого человека? и т. д., без конца. Случается, что после продолжительной пытки полицейский уступает и говорит, что мог ошибиться; но это — победа Пирра.

В большинстве случаев все усилия защиты остаются тщетными просто потому, что показания свидетелей добросовестны, а обстановка происшествия так проста, что ошибки не может быть.

Бывалые подсудимые часто заявляют на суде, что сознались, потому что их били в участке. Прямой расчет защиты — оставить присяжных под сомнением о достоверности признания, сделанного под влиянием насилия, ибо они очень хорошо знают, что такие побои — обыкновенная вещь. Вместо этого повторяется тот же неизменный допрос с пристрастием.

— Уверены ли вы, свидетель, что вы не ударили подсудимого?

— Уверены ли вы, что его не бил кто-нибудь другой после того, как вы вышли из участка? и т. д. После долгих вариаций на эту тему прокурор просит председателя спросить подсудимого, отчего он подтвердил свое сознание в камере судебного следователя. На это подсудимому возразить нечего; он молчит или отвечает нелепостью вроде того, что боялся. Сомнения присяжных разлетаются, как дым.

Столь же обыкновенная ошибка — это насилие над экспертами в делах о телесных повреждениях. Потерпевший ранен налетом в живот; пуля пробила грудо-брюшную преграду, брюшину, печень, но раненый выздоровел. Врач, приглашенный в качестве эксперта, сделал описание раны и назвал ее тяжелой; больше по существу дела ничего от него не требуется, и следует отпустить его. Однако прокурор предлагает ему длинный ряд вопросов, которые якобы служат к укреплению экспертизы, а в действительности вносят в нее путаницу. Защитнику следовало бы бережно сохранить эту путаницу и спросить только об одном: какие последствия раны сохранились в настоящее время? Получив ответ: никаких, надо заявить суду, что других вопросов не имеется. Вместо того защитник изобличает несостоятельность экспертизы. Следуют новые вопросы не по науке, а по предполагаемому здравому смыслу: можно ли безусловно утверждать, что это была тяжелая рана? то обстоятельство, что мы теперь видим раненого вполне здоровым, не указывает ли, что в конечном исходе повреждение оказалось легким? и т. п. Непривычный или небрежный эксперт иногда поддается на эти вопросы; с одной стороны, нельзя не сказать, что рана была по своему характеру безусловно тяжелая, но, с другой

стороны, благополучный исход... За этим следует несколько неопределенных выражений. Защитник думает, что сбил обвинителя с позиции. На самом деле он только убедил присяжных, что так же мало понимает в медицине, как и прокурор. В речи ему придется опровергать последнего и при этом опираться на экспертизу, в которой нет твердой опоры. Если бы он ограничился приведенным выше единственным вопросом, он мог бы сказать присяжным, что эксперт был вполне прав в своем заключении как врач, и вся цель защиты в том, чтобы они были так же бесспорно правы, как судьи, в своем решении.

— По медицине это, конечно, было тяжкое ранение, но вы ведь судите не ради теории; вы знаете, что раненый лечился и выздоровел; и сам он, и эксперт заявляют вам, что он совершенно здоров: судите сами.

Когда молодой защитник слушает свидетелей обвинения, каждое слово их против подсудимого кажется ему сомнительным. На самом деле в значительном большинстве случаев свидетели несколько не заинтересованы в обвинительном приговоре, а происшествие так просто, что им и ошибаться не приходится. Все окружающие видят, что они говорят то, что было. Только один защитник не сознает этого. В каждом его вопросе слышится предубежденное недоверие к свидетелям, и каждый их ответ подтверждает их правдивость.

Допустим, однако, что свидетели на самом деле ошибаются. Единственное средство расположить присяжных к изобличению этой ошибки состоит в том, чтобы внушить им, что и защитник не ожидал ее.

Надо уметь расположить свидетелей в свою пользу.

Перед судом старик генерал-адъютант. Председатель и прочие участники процесса называют его «свидетель». Один из защитников обратился к нему со словами: «Скажите пожалуйста, ваше высокопревосходительство, ...»

Спросите себя, как должен был быть настроен свидетель к этому защитнику? Как вы думаете, труднее или легче было последнему получить благоприятный ответ по сравнению с обвинителем и другими защитниками?

Не спорьте со свидетелем. Не старайтесь разуверить его; покажите присяжным, что он может ошибаться. Получив неудовлетворитель-

ный ответ, не говорите: «Я иначе поставлю вопрос». Напротив, спросите о том же так, чтобы свидетель не заметил этого.

Не отчеканивайте слов при допросе. Старайтесь получать ответы как бы нечаянно: спрашивая об одном, узнавайте другое: ответ, кажущийся для вас неожиданным, несравненно убедительнее для присяжных, чем ответ, вами подсказанный.

Искусство заключается в том, чтобы свидетелю казалось, что вы ждете от него как раз противоположное тому, что вам на самом деле нужно. Если он дает показания добросовестно, он скажет правду по долгу присяги. Если он лжец — солжет в расчете повредить вам. В обоих случаях вы достигли цели.

Если в письменном показании свидетеля есть невыгодная подробность, забытая им и упущенная прокурором, защитнику, казалось бы, не следует напоминать о ней. Но это оказывается ясным не для всех. Обвинение по 2 ч. 1484 ст. ул. У пострадавшего была рана в живот с выпадением кишок. Допрашивается очевидец происшествия; защитник спрашивает:

— Скажите, вы не слышали, чтобы Иванов говорил: «Всему архиповскому поколению кишки выпущу?»

Свидетель:

— Слышал.

Дальше защитник не спрашивает. Он выяснил, что подсудимый хулиган или головорез, и, по-видимому, считает, что сделал свое дело.

Эта ошибка повторяется нередко в другом виде. Начинающие защитники, узнав о существовании ст. 627 у.у.с, считают полезным прибегать к ней как можно чаще, не считаясь с возможностью усилить обвинение оглашением письменных показаний свидетелей. Например, дворник, задержавший карманного вора, показывает, что по пути в участок подсудимый «ничего не говорил». Противоречие, очевидное для тех, кто знает протокол допроса этого свидетеля. Защитник читал дело и спешил разоблачить «противоречие».

— Вы утверждаете, что задержанный ничего не говорил?

— Ничего не говорил.

— Вы это наверное помните?

— Очень хорошо помню.

Защитник с торжествующим видом обращается к суду.

— На основании ст. 627 у.у.с. прошу огласить показание, данное свидетелем на предварительном следствии.

Председатель читает: «Когда мы вели задержанного в участок, мой подручный сказал ему: эх ты, по карману слесарь! а тот ответил: да, этот номер не прошел... »

— Вот вы что показывали у следователя, свидетель, — продолжает председатель, — было это или не было?

— Как же не было? Так он и сказал.

Свидетель изобличен в противоречии, а подсудимый — в краже. Убедительно советую молодым людям запомнить этот случай и не подражать таким допросам.

Требую на основании ст. 627 оглашения свидетельских показаний, молодые товарищи прокурора часто заранее говорят то, что еще не известно и подлежит оглашению не прежде разрешения суда. Эту ошибку делают и защитники с той разницей, что в большинстве случаев она проходит безнаказанно для обвинителя и вызывает резкую остановку со стороны председателя по отношению к защите. Я слышал удачное замечание по этому поводу со стороны одного адвоката. Товарищ прокурора просил суд огласить, что при допросе у следователя свидетель показал то-то и то-то. Защитник, предупреждая суд, заявил, что такое оглашение представляется лишним, так как эти обстоятельства уже оглашены обвинителем. Председатель подтвердил неправильный прием товарища прокурора, последний извинился, и неправильные заявления уже не повторялись.

Вообще, не следует злоупотреблять требованиями об оглашении письменных показаний присутствующих свидетелей. Защитникам следовало бы твердо помнить то, что они хорошо знают, — что судебные следователи часто искажают объяснения свидетелей в своих актах. Это происходит вследствие того, что они завалены непомерной работой, или по небрежности, по неумению, когда протокол пишет неопытный кандидат. Протокол прочитывается свидетелю с быстротой тысячи слов в минуту, и он подписывает его, повинувшись только одному слову: скорей! Можно негодовать на это, но нельзя пользоваться этим, чтобы уличать свидетеля во лжи и сбивать с толку присяжных.

По общему правилу, к свидетельским показаниям следует относиться с большой осторожностью. Но своим обращением надо

внушать окружающим, и в особенности самим допрашиваемым, что у вас нет сомнений в их правдивости.

Не увлекайтесь несущественными противоречиями. Один свидетель говорит, что было темно; другой — было светло. Явное противоречие! И явно правильные показания. Были сумерки; следовательно, было светлее, чем ночью, и темнее, чем днем. Но пылкий защитник не видит этого простого объяснения и требует очной ставки.

Настоящая ценность заключается не в том, что сказал свидетель, а в том, что естественно следует из его слов. То, что он невольно выразил, а иногда и выдал, надежнее того, что он намеренно показал. Обычная ошибка заключается в том, что допрашивающий добивается, чтобы свидетель сделал вывод. Искусство заключается в том, чтобы его сделали судьи.

На суде возникло сомнение в состоятельности одного свидетеля. Одна свидетельница утверждала, что он не мог отдать ей долга в 200 рублей. Идут длинные бесплодные расспросы. В пылу этих пререканий эта же свидетельница, очень враждебно настроенная к своему (мнимому) должнику, неожиданно говорит: я знала, что доктор Г. дает деньги взаймы. Ростовщик, который не может отдать долга в 200 рублей! Сомнительное ростовщичество или сомнительный долг.

Известный вопрос может быть существенным для решения присяжных, хотя бы непосредственно и не касался существенного обстоятельства. По отношению к таким вопросам надо помнить два важных правила.

Во-первых, существенные вопросы следует предлагать таким тоном, как будто бы спрашивающий не придавал им никакого значения, а спросил потому, что к слову пришлось. Не подозревая важности своего ответа, свидетель ответит откровенно. Неопытные люди поступают как раз наоборот, по правилам риторической градации. Чем ближе к цели, тем торжественнее звучат вопросы, и последний — решительный — произносится уже громовым голосом или трагическим шепотом. Этим допросом защитник отдает себя и судьбу подсудимого на прихоть свидетеля. Последний мог не знать, что нужно защитить; теперь знает превосходно и, если хочет, может сказать прямо противоположное. Старые полицейские говорили про одного английского адвоката: он умеет вести допрос; никогда не угадаешь, куда он гнет.

Во-вторых, получив желательный ответ, не следует выдавать своей удачи. Прокурор может задать несколько новых вопросов и уничтожить ваш успехи сам свидетель может прибавить несколько слов и совершенно изменить не только значение, но и смысл сказанного ранее. Поэтому, получив удачный ответ, надо тотчас же перейти к другим обстоятельствам, чтобы отвлечь и обвинителя, и свидетеля в сторону.

Судебное следствие иногда дает сторонам случай задать такой вопрос, что всякий ответ свидетеля окажется выгодным для спрашивающего. Надо совершенствоваться в умении находить такие вопросы. Подсудимый обвинялся в подлом убийстве. Свидетель сказал суду, что знал его с детства как высоконравственного человека. Один из судей спросил:

— А вы никогда не ошибались в людях?

Свидетель ответил: «Никогда!» — и похоронил подсудимого. Если бы он сказал правду: «Приходилось!», то в этом случае ответ в значительной степени подрывал бы его пристрастное показание.

В виде общего правила защиты можно сказать, что потерпевшего следует спрашивать как можно меньше. В особенности следует избегать вопросов, которые могли бы дать ему повод говорить о сделанном ему зле. Трое молодых парней обвиняются по 1630 и 1632 ст. ул. о нак. Потерпевшая, хрупкая девушка 17 лет, показывает: «Я шла со стороны ст. Обуховки (Петерб. уезда) домой в восьмом часу вечера. Передо мною шли трое молодых людей; я нагнала их; они обернулись, один из них навел на меня револьвер (пистолет), приставив его почти к самому лбу, и сказал: «Руки вверх, ни с места; давайте деньги!» При этом они окружили меня. Я испугалась и просила, чтобы они не трогали меня, обещала отдать им все, что у меня было. Они согласились, прибавив: «Нас, барышня, нужда заставляет. Я достала кошелек и отдала им 5 р. 30 к. Они все расспрашивали, нет ли у меня еще денег; один из них взял кошелек, осмотрел его и, увидав, что он пустой, возвратил его мне. Потом они увидали у меня кольца и сказали: «Дайте кольца!» Я отдала, но потом упросила их, сказав, что кольца медные; они поверили мне и отдали их. Потом они опять спросили: «Больше у вас ничего нет?» и отпустили меня». Девушка говорила с некоторым волнением, не громко, но отчетливо и очень живо.

Впечатление присяжных понятно само собою. Только одно обстоятельство несколько смягчало наглый разбой — возвращенные кольца. С другой стороны, денежная потеря девушки была не слишком велика. Как воспользовался этим защитник? Он начал с того, что изобличил потерпевшую *в обмане*.

— Ваши кольца были золотые?

— Нет: одно золотое, другое серебряное.

— Почему же вы сказали, что они не были золотые?

— Я хотела обмануть их. Я должна же была защититься от них. Иначе бы они не отдали мне колец.

— Так что вы считали себя вправе обмануть их?

— Да как же мне быть? Их трое, у них револьвер; они могут меня убить. Я должна же была защищать свои вещи.

Получив столь удачный ответ, защитник продолжал допрос в другом направлении.

— Вы сказали, что напавшие все расспрашивали вас. Скажите, о чем они вас расспрашивали?

— Они спрашивали, есть ли у меня еще что-нибудь.

— А вы не *расспрашивали* их, почему они пошли на это преступление?

Замечательный вопрос!

— Я их ни о чем не спрашивала.

— Почему же вы не спрашивали их?

— Да я была очень испугана; я и теперь очень расстроена.

Кажется, ясно, что надо прекратить допрос. Защитник этого не сознает.

— В чем же заключается ваше расстройство?

— Я стала очень нервная, постоянно просыпаюсь ночью; мне кажется, что кто-то стоит у моей постели. Я не могу работать аккуратно и потеряла место.

Вот к чему приводит неумелый допрос потерпевших.

***

Можно ли изобличить недобросовестного свидетеля? Повторяю, изучайте Гарриса. Чтобы справиться с ловким лжецом, надо обладать и проницательностью, и находчивостью. Этому научить нельзя. Но существует прием, нередко достигающий цели и при некотором навыке доступный всякому. Свидетель

удостоверяет известное событие. Ряд быстрых вопросов о месте, времени и участниках происшествия не могут затруднить его, если он показывал о том, что было. Но если он лгал, ему придется измышлять ответ на все новые вопросы; а при этом условии немногие сумеют уберечься от противоречия. Он понимает, что ему нельзя останавливаться, чтобы сообразить, не окажется ли его ответ несогласным с тем, что им сказано ранее, и это сознание может выдать его. «Предположим, — говорит английский адвокат Кокс, — что свидетель показал, что в такой-то день он имел такой-то разговор с известным лицом. Вы не можете опровергнуть этот факт непосредственно; ему стоит только настаивать на своем заявлении, и сколько бы ни продолжался допрос, он ни к чему не приведет. Но трудно предположить, чтобы такой свидетель сумел предусмотреть все возможные подробности события. Спросите его, где происходил разговор? в котором часу? кто еще присутствовал при свидании? Сидели или стояли разговаривавшие? Откуда пришел свидетель к месту встречи? кого встретил по пути? во что был одет? во что был одет его собеседник? громко или тихо шел разговор? ели, пили ли собеседники, и что именно? Не входил ли кто-нибудь во время разговора? Сколько времени они провели вместе? в каком направлении разошлись? с кем встретился свидетель на обратном пути? когда пришел домой? и т. д., смотря по обстоятельствам. При этом следует по возможности спрашивать о таких подробностях, о коих уже упоминалось в других показаниях. Этим путем вам иногда удастся изобличить лжеца не только его собственным противоречием, но и устами других свидетелей. Когда такие вопросы сменяются с надлежащей быстротой, свидетель не имеет возможности приспособлять ответы к своему первоначальному рассказу. Вопросы не должны, конечно, следовать в естественном порядке обстоятельств места и времени: свидетель тогда будет лгать так же легко и быстро, как вы будете его спрашивать. Спрашивайте в разбивку, так, чтобы предыдущий вопрос отнюдь не намекал на последующий».

Эти указания, конечно, вполне применимы и у нас. Можно добавить, что в подобных случаях допустимы мимоходом и наводящие вопросы, если их разрешает председатель. Представим себе двух лжесвидетелей в таком же положении, как изображено выше.

Доведите свидетеля до непринужденной, пожалуй, дружеской беседы с вами и спросите:

— Ну что ж? Немножко закусывали при разговоре?

— Как же, закусывали, — почти всегда ответит свидетель.

— А что кушали?

— То и то.

— Немножко и водки было?

Вероятно, окажется и водка. Дальше будет легко спрашивать: откуда была водка? кто принес? где купили? кто подавал? сколько выпили? сколько заплатили? и т. д. Приведите и другого собеседника в столь же благодушное состояние и спросите:

— Что ж? Разговор без всякого угощения был или самовар поставили?

Или свидетель запнется, или на столе окажется самовар.

— А не было ли водки?

Этот вопрос надо задать таким тоном, по указанному выше общему правилу, чтобы свидетелю показалось, что водка для защитника нужна. Тогда ответ будет:

— Водки не было.

Если ответ будет более удачный (для свидетеля), те же вопросы о том, кто пришел? откуда? и проч. наверное приведут к противоречию между свидетелями. Не следует только начинать вопросов со слов: «Не помните ли, свидетель?», как принято у нас. Свидетель, разумеется, говорит: «Не помню». В книге Гарриса подробно разобран и тот случай, когда вымышленное обстоятельство вплетено по уговору свидетелей в ряд действительных событий.

Общие указания, сделанные мной относительно допроса свидетелей, применимы и к экспертам. Но с недобросовестным экспертом труднее бороться, чем с недобросовестным свидетелем. Даже будучи очень невежественным человеком, он в большинстве случаев знает больше, чем мы, а звание сведущего лица и общественное положение придают его словам внушительность, хотя бы ее и не заслуживали его знания. Предусмотрительный защитник должен, во-первых, озаботиться вызовом в суд со стороны подсудимого добросовестного и действительно сведущего эксперта и, во-вторых, сам по мере возможности вооружиться знанием, т.е. ознакомиться с научными основаниями выводов, составляющих предмет спора.

ГЛАВА VI. ПОДСУДИМЫЙ

Подсудимый может сказать всю правду, может молчать, может лгать. Что для него лучше?

Возьмем несколько типичных случаев.

Подсудимый судится за третью или четвертую кражу; на самом деле судился за кражи шесть или семь раз; иногда, кроме того, отбыл наказание за грабеж или за нанесение раны; задержан на чужом чердаке или выбросил украденный кошелек в ту минуту, когда потерпевший схватил его за руку, и т. п. Он не многоречив; на первый вопрос председателя отвечает: «Никак нет», а в последнем слове произносит почти сакраментальную формулу: «Господа судьи, господа присяжные заседатели, как перед Богом, так перед вами клянусь, что я в первый и в последний раз на подсудимой скамейке».

Другой тип. Обвинение такое же, но подсудимый признает себя виновным. Его последнее слово: «Господа судьи, господа присяжные заседатели. Будучи выслан из города Петербурга в город Режицу, я, как не мог найти там работы, узнал, что у меня в Петербурге заболела сестра; тогда я решил пойти в Петербург, так как я маляр, чтобы заработать себе на пропитание и повидать боль-

ную сестру; прибывши в город Петербург, так как я не имел документа, узнавши я, что мать моя находится в больнице....»

— Позвольте, подсудимый, вы ведь сказали, что у вас заболела сестра?

— Так точно; только в городе Петербурге я узнал, что у меня заболела мать; так что я...

— Ну, хорошо; заболела мать. А почему же вы, если вы маляр, надеялись найти работу в Петербурге? Ведь малярные работы бывают летом, а вы приехали в Петербург в середине февраля?

— Так точно, в середине февраля; так как я был без работы в городе Режице....

— Ну, хорошо. Имеете еще что-нибудь сказать?

— Никак нет.

Третий пример; подсудимый сознается в краже со взломом.

— Расскажите, как это было, — говорит председатель, — и что вас побудило пойти на кражу.

— Так как, ваше превосходительство, будучи выслан из города Петербурга в город Вязьму, не мог найти там работы, то исправник мне сказал, что он меня арестует; я отправился оттуда в г. Рославль; а там что? У нас, говорят, своих довольно. Тогда я решился вернуться в город Санкт-Петербург, чтобы не умереть с голоду. Встретил там знакомого товарища, он мне предложил пойти с ним на работу. Я, как не имел себе пропитание, то я решил пойти с ним...

— А по дороге в трактир зашли?

— Так точно.

— Как же вы пошли в трактир, когда у вас денег не было?

— Он меня позвал, товарищ; из трактира мы пошли к этому дому; он меня оставил на дворе, а сам пошел наверх и вернулся с узлом, дал мне подержать; в это время дворник...

— Позвольте, подсудимый, вы, значит, на чердаке не были и вы не знали, что вещи краденые?

— Так точно.

— Так в чем же вы сознаетесь? В том, что вам дали подержать вещи? В этом нет никакого преступления. Г. приставь, пригласите свидетелей.

Городовой и дворник показывают, что, будучи задержан, подсудимый сказал: не впервой; этот номер не прошел. Околоточный надзиратель объясняет, что в участке подсудимый сразу сознался

в покушении на кражу. Председатель спрашивает подсудимого, не имеет ли он каких-нибудь возражений против слов свидетелей; тот объявляет, что боялся побоев.

— Боялись побоев. А у следователя тоже боялись побоев?

— Так точно, — никак нет, — я, то есть...

— Вот в обвинительном акте сказано: мы пошли туда, чтобы совершить кражу?

По поводу этого последнего случая следует заметить, что в отношении председателя к подсудимому нет каких-либо особых ухищрений и злонамеренности; он видит, что подсудимый лжет, знает заранее все пни и кочки, на которые тот натолкнется, и предоставляет ему самому натолкнуться на них. Но по привычке он задает свои вопросы в определенном порядке, наиболее приспособленном к тому, чтобы на каждом шагу изобличать подсудимого во лжи.

Подсудимый признает себя виновным в покушении на кражу со взломом, совершенном по крайности, и на все вопросы отвечает с добродушной откровенностью. Председатель задает ему два вопроса:

— Скажите, подсудимый, перед тем как идти на кражу, вы зашли в чайную и выпили там водки?

— Так точно.

— А долото у вас откуда?

— Купил.

Председатель больше не спрашивает, но товарищ прокурора объясняет присяжным: одно из двух — или подсудимый принес с собою водку в чайную, или заплатил вдвое за незаконную ее продажу, причем тут крайность, если, как он сам говорит, у него были деньги и на водку, и на долото?

Чтобы судить, насколько явной бывает для присяжных ложь в этих случаях, надо принять во внимание то, что нельзя выразить чернилами, — тон подсудимого. Окружающие слышат, что он не только не верит в свои слова, но и не думает о том, что другие могли бы поверить ему. Он по привычке держится системы не быть «в сознании». Он понимает, что изобличен и почти ничем не рискует: при признании у него девяносто шансов на сто за обвинение, при отрицании вины — девяносто пять. Разница в последствиях — не больше года исправительных арестантских отделений. Я пони-

маю, что для безнадежного рецидивиста такая разница не имеет значения; понимаю поэтому и его бесцельную ложь. Но неужели и для защитника безразлично, удастся ли ему сократить срок наказания, удастся ли спасти подсудимого от лишения прав (это возможно при покушениях на третью кражу, а при условии крайности — и при покушении на кражу со взломом)? «Признав его виновным, г.г. присяжные заседатели, вы тем самым лишаете его возможности вернуться к честной жизни», — говорит молодой человек. Не вы ли сами, г. защитник, закрыли ему эту дорогу тем, что не предостерегли его от безудержного лганья? Правда, явная ложь не всегда мешает присяжным оправдать изобличенного человека, но она, конечно, не располагает коронных судей к применению в полной мере их права на понижение наказания. Я не берусь судить о том, сколько вреда приносят подсудимым эти нелепые отрицания; но если все мы знаем, что в подавляющем большинстве случаев они не приносят ему никакой пользы, а в значительном большинстве все-таки отягчают его участь, то не обязан ли защитник подсудимого сказать ему: «Если можешь не лгать, не лги.»? А затем, неужели не считается защитник со своим сооственным положением перед присяжными? Не угодно ли познакомиться с их впечатлениями из первоисточника?

Года два тому назад, после продолжительной и тяжелой сессии в Петербурге, мне пришлось случайно встретиться с одним из наших присяжных заседателей. Мы разговорились, он поведал мне о своих впечатлениях, а затем, вследствие настоятельной просьбы с моей стороны, прислал мне рукопись, в которой описывает двухнедельную работу судей, прокуроров, защитников и самих присяжных, какой она представляется в глазах этого многоголового, столь нам близкого и столь мало нами изучаемого сфинкса. Замечание эти написаны человеком очень наблюдательным и впечатлительным; по некоторым приведенным ниже отрывкам читатель увидят, как много в них поучительного. Я, со своей стороны, должен принести своему сотруднику искреннюю признательность за его подарок и уступаю ему слово. Он пишет:

«Перед нами два мальчика, преданные суду за покушение на кражу со взломом из оставленной хозяевами временно квартиры; не прожгли туда потому, что были замечены дворниками на лестнице во время работы над входною дверью, обысканы, представлены в сыскное

отделение с орудиями преступления, какими-то стамесками; однако не сознаются, „запираются”. По спискам судимости один из них отбывал, и не раз, наказание за кражи по приговорам мировых судей; другой — многообещающий новичок; оба хилые и сгорбленные, со впалыми грудными клетками, большими головами и жесткими, торчащими вкось и вкривь волосами. На судебном следствии молчат. Свидетели дают ясные, точные, согласные между собою и с обвинительным актом показания; не противоречит им и показание, данное отцом одного из подсудимых — новичка: „Совсем от рук отбился парнишка; во на какие дела пошел”. Несмотря на все это, защитник не унывает; он притворяется не понимающим, как можно сломать дверь около замка; всех свидетелей старается сбить с толку, допрашивая о таких мелких подробностях, каких никто на свете не запоминает, и приписывая им такие показания, какие ни один из них не давал... В последнем слове подсудимые солгали — конечно, с целью разжалобить нас, — что их били в сыскном отделении».

Это дело, как и приведенные выше случаи, представляется вполне типичным. Таких процессов с мертвыми уликами, бессмысленным запирательством подсудимых и явно нелепыми доводами защиты в нашем суде бесчисленное множество. Из приведенного мною отрывка ясно, что присяжные отлично видят ложь и понимают нелепость, а из их ответов: «Да, виновен», — для рецидивиста и «Да, виновен, но заслуживает снисхождения», — для случайного преступника, ясно и то, что они умеют оберечь себя как от обмана, так иногда и от раздражения против явной лжи.

Если я до сих пор говорил исключительно о кражах, то только потому, что в этих обыденных делах типичные стороны разбираемого нами явления выступают в наиболее простом и наглядном виде. По существу, как убедится ниже читатель, это ничуть не изменяет общей оценки явления.

Простейшая форма лжи подсудимых — это простое отрицание виновности: знать не знаю, ведать не ведаю. Это даже при слабых уликах только ухудшает положение подсудимого; при сильных уликах смешное отрицание ставит его в положение волка на травле: обвинитель, председатель, судьи, присяжные, очередные и запасные свидетели — все становятся противниками подсудимого. Если защитник неопытен, то и он попадает в травлю, не в качестве охотника и не в виде волка, а в виде случайно поднятого другого зве-

ря. Это — вернейший путь к решению «Виновен и не заслуживает снисхождения».

К этой системе защиты подходит другая: подсудимый не отрицает своей виновности, но заявляет, что во время происшествия был настолько пьян, что ничего не помнит. Это блестящий способ вооружить против себя присяжных. Они, естественно, видят в пьянстве признак распущенности и тунеядства; позднее, когда судебное следствие докажет, что подсудимый действовал вполне сознательно и сам передавал свидетелям подробности события, они поставят ему на счет ложь и, вероятно, не скинут со счетов пьянства. Защитник обыкновенно разъясняет им, что, хотя по нашему закону опьянение не смягчает вины, тем не менее оно указывает на известное потемнение сознания и дает присяжным основание... и проч., и проч. Присяжные однако, как я сказал, редко принимают это даяние.

Вечером 9 мая 1909 г. в дер. Андреевщине Ямбургского уезда на проходившего по огороду крестьянина Павлова напали его однодеревенцы, молодые парни Никитин и Исаев; первый схватил его за грудь, второй стал бить его по голове железной палкой; Павлов упал, но Исаев продолжал наносить ему удары; через несколько дней Павлов умер. Никитин и Исаев были преданы суду по 1489 и 2 ч. 1490 ст. улож. о нак.; оба они были вполне изобличены на судебном следствии; сомнения в личности виновных не могло быть; но было также установлено, что между ними и Павловым *вражды не было*, и не было указаний на ближайший повод к нападению их на него; по некоторым намекам можно было догадываться, что они приняты Павлова за другого крестьянина, с которым находились в давней вражде. На вопрос о виновности оба подсудимые ответили, что были совершенно пьяны и происшедшего не помнят. Судили дело крестьяне. Обвинитель сказал им, что в деревне житья нет, что каждый праздник празднуется повальным пьянством и побоищами; что если они хотят порядка и спокойствия, то должны наказывать безобразников, чтобы прекратить эти бессмысленные смертоубийства. Что мог возразить на это защитник? Конечно, положение подсудимых при зверском преступлении и подавляющих уликах было безнадежное. Но зачем было им ухудшать его? Неужели проиграли бы они, сказав, что сознают свою вину и жалеют о смерти односельчанина? Ведь эта была несомненная правда. Ведь

как бы распущенны и грубы ни были эти несчастные люди, нет сомнения, что и сознание вины, и сожаление о погибшем не были чужды им. Если бы присяжные услышали от них это сожаление, они по крайней мере увидали бы, что судят людей; а после бессмысленного отрицания «Не помним» и тупого молчания подсудимых во все время следствия они судили — скажу прямо — зверей.

Мне кажется, что в устах бывалых тюремных сидельцев слова «был пьян, ничего не помню», так же как «знать не знаю, ведать не ведаю», часто являются просто спортом. Благодаря своему судебному опыту подсудимый знает, что улики сильны; успел узнать, что присяжные строги; терять нечего; можно доставить себе развлечение — послушать свидетелей. В большинстве случаев защитник перед таким знатоком процесса — сущий младенец. Но если подсудимый случайный преступник, советы защитника могут предостеречь его от бесцельной лжи.

Молодой парень обвинялся в покушении на изнасилование семидесятилетней старухи. Она рассказала о происшествии немедленно и в тот же день указала на железнодорожного стрелочника как на виновника, прибавив, что узнала бы его из тысячи; при дознании подсудимый сознался жандармскому унтер-офицеру, что напал на старуху, но без намерения посягнуть на ее честь. Перед началом заседания я спросил защитника, думал ли он о том, как вести защиту.

— Да, — сказал он; — мне кажется, виновность совсем не установлена.

— Подумали ли вы о том, какой смысл этой старухе позорить себя перед людьми, если ничего не было?

— Нет...

— Как вы думаете, могут ли присяжные не верить ей, если ее показания ничем не опровергнуты? Единственное, что может сколько-нибудь помочь подсудимому, это полное признание и покаяние перед судом. Вы виделись с ним вчера? Говорили?

— Нет...

Подсудимый не признал себя виновным: был пьян, ничего не помню. Впечатление, произведенное показанием старухи, было потрясающее. Подсудимый продолжал утверждать, что ничего не помнит. В своей речи защитник не сделал грубых ошибок, говорил пристойно, разумно. Но что мог он сделать с очевидностью? При-

сяжные после продолжительного совещания дали подсудимому снисхождение.

Ясно, что он ничего не потерял бы при сознании. А между тем публичное покаяние перед оскорбленной старухой могло бы решить дело иначе: преступление не было окончено, и старуха могла бы сказать, что прощает его. Разве с точки зрения защитника это не лучше бессмысленного отрицания? Вся трудность дела перешла бы на сторону обвинителя.

Третий обычный прием подсудимых состоит в том, что они на первый вопрос признают себя виновными, но затем вместо откровенного рассказа о событии лгут без всякого толка, не упуская случая сказать и явную нелепость. Признание вызывает сочувствие судей и присяжных, но последующая ложь быстро сметает это первое движение.

Несколько деревенских парней сидели в избе за водкой; один из них, Матвеев, подошел к другому, Александрову, и шепнул ему несколько слов на ухо; оба вышли в сени, заперев за собою дверь; через несколько минут Александров вернулся, держась рукою за грудь, упал и тут же умер; за ним вернулся Матвеев и, обращаясь к товарищам, сказал:

«— Что ж? Давайте водку пить».

— Какая тут водка? Смотри, никак Дмитрий зарезан, — возразил один из присутствующих.

— Ничего; он притворяется, — ответил Матвеев».

У убитого оказалось три глубоких раны — одна в грудь, две в спину. Было установлено, что Матвеев имел злобу против Александрова, угрожал ему и однажды напал на него с ножом; при дознании он признался полицейскому уряднику, что зарезал Александрова из мести. При таких уликах Матвеев был предан суду по 1 ч. 1455 ст. улож. о нак. Следовательно, ему как несовершеннолетнему предстояла каторга до десяти лет. Возможно, что он действительно совершил умышленное убийство; но нельзя было не заметить одного обстоятельства, вызывавшего основательное сомнение в этом: трудно допустить, чтобы, сознавая в себе убийцу, Матвеев решился вернуться к товарищам вслед за раненым Александровым. Если он нанес раны покойному безо всякого ближайшего повода, он и без умысла на лишение жизни подлежал каторге по 1 ч. 1484 ст. Но, если между ними была ссора, он мог бы сказать правду и спасти

себя от каторги. Суд не отказал бы в постановке вопроса по 2 ч. 1484 ст. улож., и защитник без труда объяснил бы присяжным, что умысел на убийство не установлен.

На вопрос председателя Матвеев сказал, что признает себя виновным в убийстве в драке. Свидетели повторили показания, данные ими на предварительном следствии; председатель предложил подсудимому дать свои объяснения; Матвеев заговорил. Из слов его выходило, что он ни в чем не виноват; что драка произошла не в сенях, а в избе; на Александрова набросился Валентинов (один из парней, бывших в избе); Матвеев хотел ударить Валентинова, чтобы заступиться за Александрова, но промахнулся и попал ножом в того, за которого заступался. О двух других ранах, нанесенных покойному, подсудимый ничего не сказал. Какое впечатление могла вызвать у присяжных эта явная ложь? Защитник настаивал на убийстве в драке; присяжные признали Матвеева виновным в умышленном убийстве и не дали снисхождения. Предположим, что преступление было на самом деле предумышленное. Я спрашиваю, что потерял бы подсудимый от правды, от чистосердечного или хотя бы бессердечного признания?

Надо сказать, что ложь подсудимых, следующая за признанием виновности, редко остается только ложью: она почти всегда переходит в клевету. Это видно уже из предыдущего случая. Привожу еще несколько примеров.

Судится молоденькая, очень хорошенькая крестьянская девушка; живя в Петербурге, она служила прислугой в трех различных местах, обокрала каждого из своих хозяев, а последнего кроме того подожгла; пожар был потушен в самом начале. Она сознается во всем. Настроение, вызванное чтением обвинительного акта, на мгновение ослабевает; но она продолжает свои объяснения: она крада по подговору другой девушки, подруги; у нее был жених, требовавший приданого в 300—400 рублей. Председатель спрашивает, почему на дознании и на предварительном следствии она не упоминала ни о подруге, ни о женихе; она произносит несколько бессвязных слов. Нужно ли говорить о том, какое чувство испытывают судьи и присяжные?

Я упомянул выше о том, что ложь подсудимых не обманывает. Что она не обманывает судей, это скажет всякий: они слишком много слышали, чтобы поддаваться ей. Не имеет ли, однако, ложь

успеха у присяжных? Напоминаю уже сказанное моим сотрудником и вновь уступаю ему перо.

«На второй или третий день сессии судили, без моего участия, какого-то Павлушку Барана за нанесение в запальчивости и раздражении своему приятелю раны, от которой тот умер. Павлушка Баран сознался, но рассказать подробности своего преступления отказался, ссылаясь на опьянение и беспамятство. Свидетели выяснили только внешнюю сторону происшествия. Поблизости Финляндского вокзала проходила подвыпившая компания рабочих с Павлушкой во главе. Безо всякого видимого повода он остановил своего приятеля и сказал ему: „Кажись, я тебе дам“. Тот ответил: „Что ж, дай“, и в ту же минуту получил удар финским ножом в живот, свалился на землю и потерял сознание. Шум, крик, свистки городского, арест Павлушки Барана, шествие в участок, отправка зарезанного в больницу на извозчике и смерть его от потери крови.

Павлушка Баран пытается опорочить свидетеля-рабочего; заявляет, что отбил у него любовницу и тот мстит за нее лжесвидетельством. Защитник говорит на редкость пустую, вымученную речь и в изнеможении опускается на свое место.

— Подсудимый, вам принадлежит последнее слово, — обращается к Павлушке Барану председатель.

Павлушка Баран произносит целую речь, очевидно, давно составленную, „с любовью“ разработанную до мельчайших подробностей; говорит с уверенностью в победе над судом и присяжными заседателями: все будут потрясены его трагизмом, поражены его развитием и постигнуть, что с такою тонкой, чуткой душой, в такой мрачной среде ничего иного, кроме того, что случилось, и быть не могло... Литературная обработка речи поразительная; ни одного простого выражения, все с самыми литературными переходами:

«— Пойдем, — сказал я ему. — Пойдем, — ответил он. — Что ж дальше будет? — спросил я. — А вот увидишь, — ответил он, мрачно взглянув на меня исподлобья. — Посмотрим, — повторил я и в ту же минуту увидал, что у него в руке блеснуло что-то. — Нож! — мелькнуло у меня в голове, и в ту же минуту со мной случилось что-то странное, непонятное»...

Павлушка Баран вдруг запнулся, уставился в одну точку, потрогал себе голову, кончил отрывистой фразой: „Я не помню, что

было дальше”, и, совсем как его защитник, бессильно опустился на скамью. Присяжные совещались недолго, признали его виновным и не дали снисхождения. Проходя мимо нас под конвоем, он ухарски проводил рукой по своим длинным волосам и улыбался».

На другой день в том же отделении суда разбиралось второе такое же дело (2 ч. 1484 ст. или 2 ч. 1455 ст. ул.). Мой драгоценный сотрудник пишет:

«Когда секретарь прочел обвинительный акт и председатель спросил, признает ли себя подсудимый виновным, он ответил твердым и ясным голосом: “Да, признаю”.

Должно быть, у Ч. председательская строгость напускная или выработавшаяся помимо него самого. Никто из виденных мною председателей не воспринимал сознание подсудимого с такою удивительною душевною мягкостью, как Ч. И спрашивает он о виновности великолепно, как будто хочет сказать: „Если виноват, то — чего там? — лучше кайся; хуже не будет”. Ч. облегчает подсудимому сознание, не выманивая его и не суля за него ничего; он видимо старается поддержать в нем решимость на откровенность, словно видит в нем трудный перевал от преступного прошлого к искупительному будущему; но не к обелению виновного, а к самостоятельному его возрождению: поворот опасный, когда подсудимого надо поддержать, как малого ребенка, чтобы не дать ему ослабеть перед страхом ответственности, не дать опуститься в омут естественных спутников преступления, в омут трусости и лжи.

Когда на вопрос председателя о виновности подсудимый ответил утвердительно, все присутствующие встретили его сознание непродолжительным, но глубоким молчанием. Я вижу в этом естественную, невольную дань уважения, если не к личности подсудимого, всегда несколько подозрительной на этой скамье, то к его личной драме, выразившейся в одном из величайших движений человеческого духа — в раскаянии и всенародном покаянии, в том самом покаянии, которым, по словам Писания, один грешник доставляет небесам больше радости, чем жизнь и подвиги десяти праведников.

— В таком случае, — произнес председатель, — расскажите нам, как все было, и мы перейдем к судебным прениям.

Увы! подсудимый не устоял: отзывается опьянением и запамтованием.

— Тогда приступим к судебному следствию. Г. судебный пристав, пригласите свидетелей.

В этом возгласе председателя мне слышится заглушенная нотка не то досады, не то сожаления; может быть, того и другого: не хочешь сознаваться — и не надо; все равно выведем тебя, голубчика, на чистую воду.

Мне нечего говорить о том, как верно это замечание.

Свидетели и на этот раз дали чисто внешнюю, как в деле Павлушки Барана, картину преступления. Около Сестрорецкого вокзала шли вместе или встретились подвыпившие рабочие. Вдруг ни с того ни с сего один набрасывается на другого и наносит ему рану в висок; тот падает, обливаясь кровью; крови вышло много, „целая лужа”; раненого везут в ближайшую больницу, кое-как делают перевязку и отправляют его домой; по дороге или дома он умирает.

Подсудимый слушает судебное *следствие* с удивительным спокойствием, словно речь не о нем. С особенным хладнокровием, как бы предвкушая заранее подготовленное для присяжных впечатление, слушает он показание свидетельницы со стороны защиты — матери убитого, еще не старой женщины. Она показывает, что между подсудимым и ее сыном ни раньше, ни перед самым происшествием никаких особых неприятностей не было; на похоронах убитого подсудимый каялся, и она, свидетельница, простила его.

Председатель освобождает свидетельницу; она заявляет желание получить вознаграждение за явку и в сиянии христианского всепрощающего смирения садится „послушать”; присяжные заседатели провожают ее взглядами, сдерживая свою веселость.

Можно ли провести присяжных заседателей этой недостойной комедией? Бесподобно было христианское смирение свидетельницы-матери. Она простила подсудимого за убийство сына, старалась не помнить причиненного ей горя, но ни на минуту не забыла казенной трешницы¹; не хуже этого и рассказ ее о публичном покаянии подсудимого перед гробом своей жертвы, доведенном до сведения „господ присяжных заседателей” устами чадолюбивой матери-свидетельницы со стороны защиты. Беспоч-

¹ Свидетельница была вызвана из Петербурга и не имела права на вознаграждение за явку в суд; но она не знала этого, и замечания присяжного заседателя остаются психологически верными.

добен был и устремленный на свидетельницу подсудимым взгляд холодных серых глаз.

Я не заметил в нем и следа волнения, которого подсудимый не мог не испытать при напоминании об этом покаянии, если бы в нем была хоть росинка искреннего раскаяния. Нет! Это было раскаяние бутафорское, приутовленное защитником для „господ присяжных заседателей“, рассчитанное на их впечатлительность. С другой стороны, у подсудимого не было и той поразительной беспечности, с какою зарезал приятеля Павлушка Баран. Тот совсем безнадежен; его сердце не знает ни добра, ни зла, не умеет отличить одного от другого. Но „этот уж не тот“. У этого сердце знает и различает прекрасно; смывленности у него — хоть отбавляй; так и хочет, кажется, сказать: „Ниже перед Господом Богом, а перед людьми и подавно, в дураках быть не желаю“. Ни за что ни про что, как Павлушка Баран, этот никому не „даст“ ножом: арестантскими ротами рисковать не стоит: если „дал“, то, может быть, и сгоряча, но во всяком случае с полным сознанием, за что: если не говорить, за что, то с выбором из двух зол меньшего. Расчет нехитрый, ясный; чем черт не шутит, когда Бог спит! Кто их там разберет, присяжных? За простое „нанесение“, может быть, закатают, может быть, дадут снисхождение, может быть, — и оправдают. Если же сказать, за что . . . нет, лучше помолчать. А для размягчения присяжных отчего не покривляться перед гробом убитого, отчего не смазать его маменьки казенной трешницей? Отчего не признать себя виновным? Отвертеться — ау, брат, нельзя!.. На другого свалить — и думать не моги... Куда лучше в сознании, с забытием остального прочего от пьянства...»

Как полезно было бы молодым нашим обвинителям и защитникам запомнить эти замечания присяжного заседателя. Они по большей части обращаются с присяжными как с взрослыми младенцами. Не ясно ли из этих немногих строк, во-первых, что присяжные не так просты, как нам кажется, а во-вторых... во-вторых, не бывают ли они умнее нас с вами, друзья мои? Но, может быть, мой сотрудник, хотя и умный, но вместе с тем исключительно желчный, озлобленный человек, зараженный предвзятым недоверием к подсудимому, способный видеть в нем только виновного, в себе — только карателя во что бы то ни стало, где только есть преступление? Напротив. Это именно настоящий присяжный заседатель, т.е. че-

человек без предвзятых взглядов, не расслабленный и не зачерствевший, всегда готовый на невменение по нравственным основаниям при совершенной доказанности преступления. Подтверждаю это его собственными словами. Он говорит: «Да простит мне председатель, но за все преступления, вымученные страстью, отчаянием, „позором мелочных обид“, я ни за что не осужу, если суд не докажет мне с положительной несомненностью, что в них заключается нравственная низость, о которой в уложении ничего не говорится. Напротив, обыкновенно молчаливый зритель и слушатель всего происходящего в суде, я забросал бы его назойливыми, мелочными, придирчивыми вопросами, зоговорил бы других присяжных до одурения, лишь бы грехом не осудить человека, доведенного до преступления отчаянием, не одержавшего над собою победы в борьбе с соблазном самосуда». Это — судья по совести, перед которым настоящий защитник всегда достигнет разумно рассчитанной цели.

Заметили ли вы одно жестокое и притом несправедливое слово в рассуждениях этого присяжного заседателя? Он говорит: «Это было раскаяние бутафорское, приуготовленное *защитником...*» Я совершенно уверен, что это неверно. Комедия была подготовлена подсудимым и его друзьями без ведома адвоката. А у присяжного заседателя, наблюдательного и умного, следовательно, при желании, влиятельного в совещательной комнате, создалось убеждение, что этот недостойный, грубый обман, мало того, это лжесвидетельство были последствием подстрекательства со стороны защитника! Отложите книгу, читатель, и подумайте об этом.

В подавляющем большинстве случаев, за самыми редкими, единичными исключениями, подсудимые — это мало развитые, совершенно невежественные, грубые люди; так называемые остроумные юристы не лучше других в этом отношении, что бы ни говорили мы про них; их юридические познания ограничиваются только карательной лестницей по своей специальности и точным вычислением срока «решения столицы»; о правилах судопроизводства, о психологии судей и присяжных они знают столько же, сколько иной товарищ прокурора, только что выпущенный на боевую линию из канцелярии Сената, или молодой помощник, вчерашний вступивший на поприще будущих подвигов. Правда, подсудимый сам читал дело в канцелярии суда, правда, у него в руках список обвинительного акта, в котором сказано, что «при производстве

дознания он признал себя виновным, подтвердив описанные выше обстоятельства», а «допрошенный в качестве обвиняемого, подтверждая свое первоначальное признание, утверждал, что напал на потерпевшего без обдуманного заранее намерения, вследствие происшедшей между ними ссоры, но в подтверждение сего последнего обстоятельства никаких доказательств не представил». Он должен, конечно, понимать, что ему заранее отрезан путь отрицания, что он уже изобличен в противоречии с самим собою, и все-таки девять раз из десяти или еще чаще он не видит этого или не думает об этом, а лжет так же легко и бессмысленно, как лгут дети или сумасшедшие.

Подсудимому 18 лет; на вид он мальчик, судится за покушение на третью кражу; в обвинительном акте сказано, что он не признал себя виновным, объяснив, что в день события, *получив заработанные им 3 р. 75 к., пил водку и пиво* в ресторане и пивной, гулял с проституткой на вокзале, потом в поле пил водку с рабочими местного завода, игравшими в карты, а на возвратном пути, встретившись с той же женщиной, пробыл некоторое время с нею и после этого был по недоразумению задержан. На суде он заявляет, что, *выйдя из тюрьмы без денег, он в течение нескольких дней бродил в Петербурге, не мог найти работы* и с голоду пошел на кражу.

В известном смысле можно сказать, если хотите, что эта ложь удобна для обвинителя, для председателя и для присяжных: она упрощает дело в двояком отношении: во-первых, сразу видно, что действительного возражения против обвинения у подсудимого нет; следовательно, нет разумного основания сомневаться в его виновности, и, во-вторых, вместо раскаяния он проявляет упорное запертость — следовательно, и вопрос о снисхождении и о мере наказания разрешается просто; с другой стороны, подсудимый дает объяснение суду; это его право; стеснять его в приемах защиты было бы нарушением гарантий, предоставленных ему гуманным законом, и проч. Под влиянием тех или других причин подсудимому предоставляется невозбранно лгать, как ему угодно, поносить кого угодно и сколько ему нравится, что, по личному моему убеждению, нельзя не признать совсем не соответствующим ни истинным задачам правосудия, ни его достоинству. Я понимаю, что обвинитель и присяжные совершенно бессильны в этом случае. Они не могут сказать подсудимому: не лги; ты только вредишь себе этим, а дело

и так ясно. Но мне кажется, что председатель, отступив немного от формального бесстрастие, мог бы предупредить или по крайней мере остановить ложь подсудимого. Мне припоминается недавний случай, когда бывалый громила, начавший с самой развязной наглостью лжи и упорно державшийся ее до середины, почти до конца процесса, вдруг под влиянием одного прямого и по своей простоте убедительного вопроса председателя запнулся, замолчал и вдруг, видимо решившись, брякнул: «Признаюсь во всем!» Само собой разумеется, что он ничего не потерял от этого признания.

Ложь и клевета в устах подсудимых столь обычны, что всякий начинающий адвокат — если только он знает, что учиться надо на тех процессах, в которых он лично не участвует, — всякий такой защитник не раз имел случай наблюдать их. Если он сколько-нибудь чуткий человек, он не мог не угадать острого неприязненного чувства, мгновенно создающегося против подсудимого за судейским столом и на креслах присяжных после этой явной лжи и клеветы. Если он внимательно относится к своему призванию, он уже сказал себе, что это не случайность, а заурядная вещь; что ложь зудит язык подсудимого, и он, неразвитый, легкомысленный, неспособный к оценке ее очевидности и неизбежных последствий, не умеет устоять перед нелепым искушением. Что же мешает защитнику сказать подсудимому, что правда лучше лжи, а ложь хуже простого молчания? Допустим даже, что подсудимый — окончательно павший человек, что он заслуживает беспощадного возмездия, что в его устах клевета не случайность, а естественное проявление низкой натуры; я спрашиваю, что может остановить защитника от попытки разъяснить ему бесполезность и опасность лжи? И я утверждаю, что если даже такой человек лжет, то доля ответственности за эту ложь лежит на защитнике.

Разумный защитник должен считаться с тем, что, коль скоро подсудимый признался в преступлении на предварительном следствии и в деле нет основательных сомнений в его виновности, отрицание в устах его перед судьями и присяжными бесполезно, ибо решением сената от 1 февраля 1911 г. № 2 по делу Лицкевича признано, что закон не воспрещает прочтение показаний обвиняемых, данных на предварительном следствии, при условиях ст. 627 уст. Это решение более чем сомнительное, но оно разослано судебным местам для руководства, и показания подсудимых в насто-

ящее время могут быть оглашаемы без их согласия, как требовалось раньше.

Женщина судится за четвертую кражу; она признается, что украла часы, отрицает, что украла вместе с тем штаны у рабочего; плачет и рассказывает, что у нее умерло двое детей, а муж убит во время забастовки. Свидетельница изобличает ее в краже обеих вещей, председатель оглашает справки: при допросе у следователя подсудимая сама говорила, что муж ее жив, и указала его адрес; это подтверждается семейным списком; детей у нее нет. Вместо «несчастливая» хочется сказать «лгунья». Я думаю, что защитник не менее самой подсудимой виноват в естественном раздражении присяжных.

Молодая девушка судилась по 9 и 2 ч. 1451 ст. ул. о нак. Она жила в прислугах в Лесном, скрывая беременность; чувствуя приближение родов, она зашла во двор пустой дачи и, разрешившись от бремени, оторвала пуповину, не перевязав ее, и спрятала ребенка в куче сухих листьев. К счастью, за нею следил дворник соседней дачи; когда она вышла на улицу, он подобрал ребенка; его спасли, а через несколько времени разыскали преступную мать. На судебном следствии эта женщина отрицала свою виновность и, утверждая, что рожала в первый раз, объяснила, что, оторвав пуповину, она вовсе не думала бросить ребенка; напротив, она пошла к себе за бельем для него; а прикрыла его листьями для того, чтобы его не нашли собаки. Когда судебное следствие было закончено и спокойные показания свидетелей с очевидностью показали присяжным, что объяснения подсудимой были сплошной ложью, председатель обратился к ней с вопросом: «В обвинительном акте записано с ваших слов, и здесь вы подтвердили, что это были ваши первые роды. Правда ли это?»

— Правда.

Председатель открыл дело и прочитал приговор другого суда, которым подсудимая была осуждена по 2 ч. 1460 ст. улож., т.е. за сокрытие трупа внебрачного ребенка.

Девушка совершила жестокое преступление. Может быть, она не разу не слыхала слова искреннего укора. И в первый, и во второй раз преступница видела кругом себя доносчиков, преследователей, изобличителей, карателей; сочувствия она и не могла вызвать, по крайней мере, во втором случае. Но кто знает? Несколько простых,

сердечных слов, сказанных человеком, пришедшим помочь ей, могли бы раскрыть ей глаза и смягчить сердце; она принесла бы на суд самое драгоценное, что может дать от себя грешник, — раскаяние. Но вместо сожаления, вместо покаяния она лжет. Неизбежное последствие — вместо сочувствия и желания облегчить ее наказание у судей и у присяжных поднимается раздражение. Она изобличена в покушении на жизнь своего ребенка и не кается, не плачет, а лжет.

Подсудимая сама виновата, конечно. Но я утверждаю, что больше виноват ее защитник: он не сделал и попытки убедить ее, что ее погубит ложь. Он не мог не видеть, что заpiresательство не имеет смысла, что присяжным не придется сомневаться о том, был ли у подсудимой умысел лишить жизни ребенка, и что спор может быть только о вменении преступления в вину. А затем он знал не только то, что подсудимая утверждала, будто рожала впервые и что это записано в обвинительном акте, но знал также, что это ложь и что ложь эта уже опровергнута приложенным к делу судебным приговором. Он должен был предвидеть, что подсудимая повторит и эту заранее изобличенную ложь перед судьями и присяжными, и он не предостерег от нее подсудимую.

Как бы ни было велико преступление, как бы ни были сильны улики, закон не вынуждает признание у подсудимого; он может отказаться от всяких объяснений; обвинитель должен изобличить его. Но не ясно ли, что и в этом случае ложь и клевета могут только повредить ему?

Муж обвиняется в убийстве жены. Подавляющие улики говорят, что он убил ее, чтобы жениться на другой женщине, но он отрицает свою виновность. Первая свидетельница — домовладелица, у которой служила покойная, показывает, что она была работавшая женщина безукоризненного поведения. Председатель предлагает подсудимому дать объяснение по поводу этого показания; он говорит, что, живя отдельно от жены, слышал от посторонних о ее изменах и два раза заставлял ее «на месте преступления» (слова подсудимого) с другими мужчинами. Ряд последующих свидетелей подтверждает, что покойная была безупречной женой. Для судей и для присяжных ясно, что подсудимый клеветает на мертвую. Могут ли они удержаться от движения негодования в душе? Подсудимый несколько раз повторял эту клевету; председатель, обязанный предоставить ему все законные средства к оправданию, не считал

себя в праве остановить его, и присутствовавшие несколько раз вынуждены были испытать стесненное сознание своего бессилия перед поношением убитой женщины ее убийцей. Мне кажется, в этом была ошибка председателя. Эта клевета была не защитой, а ненужным, бессознательным самообличением подсудимого; ее можно и должно было остановить. Конечно, об этом можно спорить; многие, пожалуй, скажут, что это было не ошибкой председателя, а исполнением закона. Но разве нельзя было *предотвратить* эту отвратительную клевету? Я утверждаю, что опытный адвокат, приглядевшись к грубой натуре подсудимого, заранее сказал бы себе, что он способен на подлость и не способен понять, что может только повредить себе подлостью; настоящий защитник угадал бы, что он будет лгать и что ложь будет именно клеветой на покойную: это слишком обычная черта уголовной психологии. Я утверждаю, что эта предусмотрительность была прямой обязанностью защитника. И если бы подсудимый по своей нравственной тупости сказал ему, что видит в этой клевете единственную возможность смягчить свою кару, защитник обязан был бы разъяснить ему, что, если бы присяжные поверили этой лжи, она была бы только лишней уликой против него, в измене лишний повод к озлоблению подсудимого против покойной.

Нужно ли говорить о последствиях? Присяжные заседатели не дали подсудимому снисхождения, и суд приговорил его к бессрочной каторге.

Нельзя не заметить, что в этом возмутительном деле со стороны подсудимого была возможна вполне целесообразная ложь; такая ложь могла бы сделать его почти недостижимым для возмездия за действительно им совершенное злодеяние. Его жена жила в работницах на Охте; он посещал ее изредка; 26 июня 1907 года он неожиданно потребовал, чтобы она ехала с ним в деревню; она собрала свои вещи, и они ушли вдвоем; после этого она не возвратилась; через три дня в Новой Деревне, на пустыре был обнаружен сильно разложившийся труп женщины; полицейский врач по наружному осмотру признал, что она умерла от апоплексии вследствие опьянения; личность покойной осталась неустановленной, и труп был предан земле. Спустя некоторое время Василий Л. женился, а через год по доносу кого-то из близких его или его

первой жены против него было возбуждено обвинение в двоеженстве. Начатое предварительное следствие выяснило, что первая жена его пропала без вести и что близкие люди подозревали его в убийстве ее; по указаниям дальнейшего расследования был вырыт из могилы труп женщины, найденной мертвой в Новой Деревне. Платье, юбка, рубаха и одна серьга сохранились вполне; сохранились и волосы, а знакомые Евдокии Л. удостоверили, что, уходя с мужем из усадьбы на Охте, она надела те самые вещи, которые оказались на мертвой. Вскрытие трупа не дало никаких указаний на причину смерти.

На предварительном следствии и на суде Василий Л. утверждал, что не заходил за женою на Охту 26 июня 1907 г. Эта ложь и была основной уликой против него; судебное следствие установило с полной достоверностью, что он был на Охте в этот день и ушел от туда вместе с женой. Но если бы вместо того, чтобы бессмысленно лгать, подсудимый признал этот несомненный факт и затем заявил, что, дойдя до Новой Деревни, убил жену ненамеренно, что между ними произошла ссора и после нескольких ударов кулаком по голове он бросил ее на месте ссоры в бесчувственном состоянии, не зная, не подозревая даже, что удары были смертельные, — конечно, такая ложь была бы спасением убийцы. Его защитник указал бы присяжным на два обстоятельства: во-первых, причина смерти не установлена; во-вторых, признание подсудимого в ненамеренном убийстве на самом деле устанавливало только нанесение им жене побоев неопределенного свойства; может быть, тяжких, может быть, не тяжких; и у судей, и у присяжных осталось бы сильное подозрение, что подсудимый убил жену, чтобы жениться на любовнице, но признать убийство доказанным никто бы не мог.

Да, если бы убийца сумел солгать, он ушел бы от возмездия. И конечно, это не единственное в своем роде дело; но я не думаю, чтобы таких дел было много, и, во всяком случае, с возможностью такой лжи надо считаться как с действительно неизбежным злом; против нее должна быть направлена умелая борьба следователя и прокурора. А если бы Василий Л. принес повинную, и особенно если бы судьи заметили в нем раскаяние или хотя бы сожаление о своем преступлении, они, вероятно, нашли бы возможным и справедливым уменьшить в некоторой мере его наказание.

В очень многих случаях, как это видно и из некоторых уже приведенных мной примеров, не требуется даже никакой прозорливости от защитника; требуется только внимание к обвинительному акту и к заявлению подсудимого, что он не признает себя виновным. Привожу еще один, особенно убедительный пример.

Подсудимый, крестьянин 20 лет, обвинялся по 9, 1525 и 1641 ст. улож. о нак. На предварительном следствии он, не признавая себя виновным, показал следующее. Он был пьян; ему встретились две незнакомых девушки; одну из них он в шутку обнял. Девушки закричали и разбежались в разные стороны, причем у одной из них подле кладбища вывалились из рук на землю *два платка*; на крики девушек стал сбегаться народ; он испугался и побежал к ограде, причем на ходу *неумышленно зацепил ногой потерянные одной из девушек платки и случайно протащил их с собою на кладбище*, где они и остались, когда он перелез ограду и побежал далее.

Потерпевшая на предварительном следствии показала: «Когда мы вместе с Анной дошли до кладбища, нас догнал молодой человек; он схватил меня сзади и стал валить, но я не поддаюсь и стала кричать о помощи; он ударил меня кулаком по шее; я все-таки устояла на ногах; тогда он опять ударил меня; я свалилась на землю; я кричала, он грозил мне ножом. Анна побежала к селу за народом. Тогда он зажал мне рот рукою и вытащил из кармана платок с десятью рублями, сорвал с головы шерстяной платок и убежал через кладбище». Подруга потерпевшей осталась неразысканной и не была допрошена; но в суд, кроме потерпевшей, был вызван урядник, производивший дознание; он успел опросить ее, и девушка вполне точно рассказала то же, что и ее спутница. Потерпевшая и урядник были вызваны в судебное заседание. Можно ли было рассчитывать, что присяжные поверят удивительным прыжкам этих двух платков? Можно ли было допустить подсудимого до повторения этой нелепой басни? Оказалось, вполне возможно: подсудимый твердил что-то несвязное, но и тут выходило, что не девушки спасались от него, а платки их гнались за ним по пятам.

В приведенных выше примерах ложь подсудимых изобличается частью явной нелепостью их объяснений, частью противоречиями в их словах; другим обычным средством изобличения подсудимых служат свидетельские показания. Конечно, правда не всегда бывает сильнее лжи, но мне кажется, нельзя не признать, что на

суде несравненно труднее лгать, чем говорить правду. Самый ловкий лжец может быть изобличен самым простодушным правдивым человеком.

Подсудимый, рецидивист, обвинялся в грабеже кошелька с насилием в соучастии с другим грабителем. Он признал себя виновным в краже и объяснил, что не мог грабить, потому что правая рука у него изувечена. Рука его действительно была искалечена. Один из присяжных спросил, какою рукою он украл кошелек. «Левою», — ответил подсудимый. «А из какого кармана?» — спросил другой присяжный. «Из левого». Председатель спросил потерпевшего:

«Не помните ли, из какого кармана у вас вытащили кошелек?»

Потерпевший шумно усмехнулся:

«Так что, извините, у нас штаны самодельные; левого кармана мы вовсе не делаем; из правого вытащил, даже пуговка отлетела».

Мещанин Сергеев обвинялся в грабеже. На предварительном следствии он не признал себя виновным и объяснил, что, проходя по Невскому проспекту, он нечаянно задел пуговицей своего верхнего платья за цепочку проходившей мимо него женщины; она остановила его и он позволил ей отцепить цепочку от пуговицы, как вдруг из-под бурнуса этой женщины упали на панель часы.

В показании потерпевшей на предварительном следствии было записано следующее: «Лишь только я успела поравняться с домом № 68 по Невскому проспекту, как близко ко мне подошедший человек выше среднего роста, блондин, ухватившись быстрым движением руки за золотую шейную цепочку, висевшую у меня поверх бурнуса, отделил от нее мои золотые часы и хотел бежать. Я побежала за грабителем, держа его за платье и крича: "Постойте, постойте, молодой человек!" Когда он остановился и я стала уличать его в похищении часов, он ответил градом площадныхругательств; в это время я заметила на панели около себя мои часы, которые он, по всей вероятности, подбросил. Я положительно утверждаю и видела, как он оборвал мои часы от цепочки».

Подсудимый, кроме грабежа, обвинялся еще в третьей краже, причем два раза был осужден за кражу часов. Кто заслуживает доверия: свидетельница, ничего не потерявшая от попытки подсыдимого, или он, рецидивист, со своей пуговицей? Кажется, ясно.

И несмотря на это подсудимый на глазах защитника повторил слово в слово свой нелепый вымысел!

Правда слышится в показании добросовестного свидетеля также ясно, как ложь в словах подсудимого. На обычный вопрос председателя по поводу решительных показаний свидетеля подсудимые сплошь и рядом говорят, что свидетель «нахально врет». Это также грубость столь обычная, что защитники могли бы отучить от нее подсудимых, если бы внимательнее относились к своим обязанностям. Как только на суде рецидивист и грубый человек, отрицающий свою виновность, то оскорбление свидетеля уже возможно и до некоторой степени вероятно. Отчего не предотвратить его?

А между тем как могущественны иногда бывают правдивые слова подсудимых. Я не говорю о тех громких процессах, где убийство из ревности заранее оправдано общественным настроением и знаменитый адвокат развивает перед присяжными блестящие страницы сочиненного им романа; я говорю о скромной, неумелой, робкой правде, о самой простой, серенькой правде, которая в двух-трех искренних словах разбивает самое твердое обвинение.

Молодой крестьянин обвинялся в краже 420 рублей у родственника, приютившего его в своей квартире в Петербурге. Уехав в деревню после пропажи денег, он рассказал одному из своих односельчанцев, что обокрал дядю, прибавив: у него взять не грешно; наживает не своим трудом; затем в присутствии урядника он признался дяде в краже и просил прощения, но денег не возвратил. На предварительном следствии он отрицал свою виновность, утверждая, что дядя — ростовщик, оклеветавший его, а урядник — взяточник, который «за деньги всякого вора прикроет». На судебном следствии он сказал, что денег не брал, и опровергал свидетелей, его уличавших. Всем было ясно, что он лжет; присяжные были очень строги; нет сомнения, что ответ о виновности был готов еще до прений. Но во время речи прокурора было заметно, что защитник несколько раз обращался к подсудимому с каким-то настойчивым требованием; это продолжалось, пока, наконец, подсудимый не кивнул ему утвердительно головой. Когда обвинитель кончил, защитник просил возобновить следствие, объяснив, что подсудимый имеет сделать существенно важное заявление суду. Председатель предоставил ему слово. Подсудимый встал и с видимым усилием над собою сказал: я украл, простите. На дальнейшие

вопросы он объяснил, что пришел в суд с намерением покаяться в своей вине, но не мог этого сделать: боялся. Что оставалось сделать обвинителю? Он сказал, что, если покаяние искренно, виновный имеет право на снисхождение; защитник говорил недолго, а мог бы и совсем не говорить: он свое дело уже сделал. В последнем слове подсудимый прибавил, что он работает в деревне на жену и ребенка; это была правда. Присяжные подумали, подумали и решили, что можно простить.

В высшей степени поучительным представляется мне следующее дело. Происшествие обыкновенное, но надо помнить, что назидательное значение человеческих поступков зависит не от внешних их последствий, а от того, насколько выражаются в них общие свойства человеческой природы.

Крестьянин Хирулайне ехал в телеге к себе в деревню и дорогою задремал. Проснувшись, он увидел, что с его лошади снята седелка и чересседельник, а с телеги пропали 6 фунтов белого хлеба, булок на 25 коп., два фунта ветчины, пустой жестяной кувшин и пустая парусинная торба. Хирулайне погнал лошадь и в ближайшей деревне нагнал крестьянина Михаила Виролайне, а у него в телеге увидал свою седелку. Хирулайне задержал его и вызвал из избы крестьянина Петра Халцуни; под передком телеги Виролайне оказались и прочие вещи и снедь, похищенные у Александра Хирулайне. Хозяин похищенного с помощью Петра Халцуни стал перекладывать вещи в свою телегу, а в это время Виролайне скрылся, оставив на дороге свою лошадь и повозку. На предварительном следствии Виролайне, привлеченный в качестве обвиняемого по 1652 ст. улож., отрицал свою виновность и высказал предположение, что Хирулайне по злобе подложил вещи и припасы ему в телегу в то время, когда он, обвиняемый, уснул.

Виролайне был домохозяин, женат, имел пятнадцатилетнюю дочь; он ранее не судился. Это был очень благообразный, опрятно одетый мужик; явная несообразность его пьяного поступка и следующего поведения бросалась в глаза. Если бы он просто сказал: простите, господа судьи; сам не знаю, как грех меня попутал; до седых волос дожил, а такого сраму не было, — не ясно ли, что все шансы были бы за оправдательное решение присяжных? Может быть, чухонец был настолько упрям, что никакие убеждения не могли склонить его к сознанию. Предположим, что это так и

было. Разве не мог защитник сказать присяжным, что степенному крестьянину, отцу взрослой дочери, совестно признаваться в недостойном поступке? Разве присяжные, мелкие лавочники и крестьяне-домохозяева, не поняли бы этого?

Защитник высказал следующие соображения. Обстоятельства сложились крайне невыгодно для подсудимого. Он задержан с личным, и свидетель подтверждает объяснение потерпевшего; сам подсудимый пытался бежать, как только его догнал Хирулайне, а потом скрылся, вместо того чтобы защищаться против несправедливого обвинения. Но если остановиться на данных обвинения, то нет никакой возможности признать, что подсудимый изобличен в преступлении. Правда, всем этим данным подсудимый противопоставляет лишь голословное заявление, что вещи Александра Хирулайне были подброшены ему последним; но, с другой стороны, и все объяснения потерпевшего голословны, ибо очевидцев перемещения вещей в телегу Михаила Виролайне преступным путем не было. В этом отношении возможно только строить предположение, но никаких положительных данных для этого нет. Если перенестись в область предположений, то надо признать, что если трудно верить подсудимому, то еще труднее поверить потерпевшему. Эта нелепая болтовня сделала свое дело, и старик попал в тюрьму.

Пожилая крестьянка обвинялась по 2 ч. 1451 ст. улож.; она утопила внебрачного ребенка. Свидетели удостоверили, что она кормила свою многочисленную семью и взяла на воспитание бездомную племянницу. Защитник говорил горячо и искренно, доказывая, что ребенок умер после родов еще в избе матери и она бросила в воду труп; он сильно волновался, говорил, что подсудимая жила «в труде и поте», что она «скрыла свой труп» и т.п. Но самого главного он не коснулся: куда девать живых детей, если сослать на каторгу виновницу? Председатель предоставил подсудимой последнее слово; она сказала присяжным: «Если вы меня обвините, что с моими детьми будет? У меня их пятеро... Хлеба только на два дня. Со мной что хотите делайте, только детей не бросьте». Убийство было жестокое, присяжные не могли оправдать; но они признали подсудимую виновной по 2 ч. 1460 ст. улож., и суд ограничил наказание тремя неделями ареста. Молодой рабочий обвинялся в покушении на убийство. Он нанес потерпевшему тяжкую рану ножом; после обычной канители защитительной речи он сказал: «Если

бы он ме
ловечье»
виновно

Над

подсудим

соображ

их, то не

не только

помочь

занности

мых от л

разница

что лже

действи

в больш

на это,

похож

и свиде

Сте

дый не

и золот

ку; тот

земляк

призна

в добр

ли Юр

правдо

зывал,

Можн

что ср

П

сказат

подав

на, ск

говор

те, ка

являв

испыт

бы он меня не ударил, я бы его не тронул; у меня ведь сердце человеческое». Присяжные признали рану легкой, и раненый простил виновного.

Надо признать, что случаи такой трогательной правдивости подсудимых несравненно реже, чем их ложь. Но, если принять в соображение, что ложь так редко достигает цели, так часто губит их, то не следует ли из этого, что на защитнике лежит обязанность не только предостеречь подсудимого от опасной лжи, но иногда и помочь ему сказать правду? Наши защитники не знают этой обязанности. Но этого мало; они не только не умеют уберечь подсудимых от лжи, они сами поддаются ей. Конечно, есть существенная разница в положении подсудимого и защитника: первый знает, что лжет, второй может этого не знать и в большинстве случаев действительно не знает; но, не загасив в себе здравого смысла, он в большинстве случаев не может не понимать этого. И несмотря на это, он ухитряется уверить себя, что нелепый вымысел очень похож на правду и что бессмысленное поношение потерпевшего и свидетелей есть печальная необходимость защиты.

Степан Юрьев, пьяница-портной, исправно пропивавый каждый недельный заработок, украл у хозяина 600 рублей бумажками и золотом, прокутил 20—30 рублей, остальные отнес родственнику; тот оставил себе золото, зарыв его в сарае, а бумажки передал земляку, который зарыл их под мостом на Черной речке. Юрьев признал себя виновным; двое других утверждали, что действовали в добросовестном заблуждении, считая, что деньги принадлежали Юрьеву. Их защитники доказывали, что это объяснение вполне правдоподобно и требовали оправдания; защитник Юрьева доказывал, что он не знал, сколько украл, и также просил оправдание. Можно ли было говорить все это, не убедив себя предварительно, что среди присяжных нет ни одного здравомыслящего человека?

Положение подсудимого на суде нелегкое. Иногда он и готов сказать правду, да не умеет. Патрикий де-Ласси, осужденный по подавляющим уликам в подкупе врача к отравлению своего шурина, сказал суду: «Я несколько раз пытался говорить и всякий раз говорил прямо противоположное тому, что хотел сказать». Подумайте, какой трагизм в этом признании! И это слова человека, проте, какого исключительное самообладание на суде. Что же должны испытывать другие? Бывают случаи, когда недостаточно убедить

подсудимого в необходимости говорить правду; надо научить его высказать ее.

Начинающему адвокату следует также помнить, что подсудимый во многих случаях гораздо опытнее его. Вы не всегда можете требовать от него откровенности, но будьте всегда настороже, чтобы он не провел вас и не поставил в ложное положение на суде. Мне попало в руки письмо, написанное одним несовершеннолетним парнем на имя его приятельницы. Он обвинялся в грабеже с насилием. Письмо было перехвачено тюремным надзирателем и приложено к делу. Парень писал: «Уведомляю вас, Манечка, что я хотел вас и мать мою выставить свидетельницами; но я вас не выставил, потому что сейчас бесполезно; а я вас выставлю на суде; так что вы настаивайте на суде, что я все время работал; а спросят, а зачем я совершил кражу, то вы, Манечка, скажите, что с пасхи работы не было, и поэтому он находился, можно сказать, не евши; так что он просил у своей матери денег, чтобы ему было возможно прокормиться, но мать ему отказала, потому что она сама их не имеет, так как ей не только что мне давать денег, а даже не хватает прокормить младших своих дочерей. Я арестован за часы, а потерпевший показал (на дознании), что у него их сорвали с цепочкой, а у следователя показал, что сорвали у него их без цепочки; так что он сам путается; так что я ввиду его путаницы обязательно оправдаюсь, а просижу до суда не более как четыре месяца». Письмо это было оглашено на суде, и расчеты подсудимого, конечно, не подтвердились.

Подсудимый имеет право допрашивать свидетелей и давать объяснение по поводу их показаний; имеет право молчать и право последнего слова. Все это объясняется ему в начале процесса, и после этого многие председатели считают себя вправе забыть о его существовании или вспоминают о нем, как и прокурор, только тогда, когда представляется возможность предложить ему затруднительный вопрос. Добрая половина наших подсудимых молчит в течение всего судебного следствия. Это молчание само по себе невыгодно для подсудимого: у присяжных складывается впечатление, что он молчит, потому что ему нечего возражать. На самом деле они молчат отчасти под влиянием необычной и в подробностях непонятной для них обстановки, отчасти потому, что более способны к тупой покорности, чем к разумной борьбе. Среди говорящих подсу-

димых можно различать умных, неумных и грубых. Первые понимают дело не хуже защитника и прокурора и знают, что и как надо говорить; вторые только вредят самим себе: они никогда не умеют промолчать, а отвечают всегда неудачно; третьи, люди бывалые и озлобленные, отвечают дерзко на вопросы, спорят со свидетелями, часто обвиняют во лжи явно добросовестных людей и всем этим раздражают против себя судей и присяжных.

Само собой разумеется, что, когда защитник имеет дело с умным и развитым человеком, он должен предоставить ему полную свободу относительно его поведения на суде. В других случаях следует путем предварительной беседы с обвиняемым уяснить себе, какое впечатление может он произвести на присяжных. Человеку дерзкому и озлобленному надо разъяснить, что каждое грубое слово, всякая резкость по отношению к участникам процесса может отразиться и на ответе присяжных и на мере наказания, избираемого судьями, надо внушить ему необходимость быть вежливым и разъяснить, что, если он не может сдерживаться, ему выгоднее молчать. С неловким, с неудачником никакие предварительные указания ни к чему не приведут; этих приходится предоставить их вероломной судьбе; зато надо с удвоенным вниманием следить за их вопросами и ответами и, когда можно, немедленно поправлять их оплошность новым вопросом свидетелю или прямым указанием присяжным на то, что подсудимый сам вредит себе. Когда невозможно ни то, ни другое, можно коснуться этого в речи, если только не осторожнее умолчать. Если внешность и свойство речи подсудимого располагают в его пользу, если он молчит по застенчивости или растерянности, защитник должен следить за тем, чтобы ему не только формально, но и на самом деле была дана возможность говорить.

Пока подсудимый молчит, присяжные могут смотреть на него равнодушно; но чувство жалости у них всегда наготове. Это чувство — что бы ни говорили о железной логике — сильный союзник защиты, и адвокат обязан дать ему толчок. Как только они услышат несколько слов от подсудимого, присяжные уже чувствуют в нем живого человека и сочувствуют ему. Но и независимо от расчета на жалость, правдивые объяснения подсудимого в большинстве случаев служат в его пользу и во всяком случае разъясняют дело. Судебное следствие начинается с вопроса председателя подсудимому, признает ли он себя виновным. Подсудимые, отрицающие

свою вину, почти всегда делают попытку дать объяснение суду по поводу предъявленного им обвинения, и почти всегда председательствующий с первых слов останавливает их, заявляя, что, не признав себя виновными, они не имеют права говорить, пока не начались другие судебные действия. Это обыкновение основано на неверном понимании 683 ст. уст. уг. суд., которая гласит: «Подсудимого, не признающего в преступлении, председатель суда при рассмотрении каждого доказательства спрашивает, не желает ли он в оправдание свое представить какие-либо объяснения или опровержения». Это положительное требование сенат дополнил разъяснением, что в этих случаях председатель не только может не делать дальнейших вопросов, но и не должен их делать до рассмотрения каждого доказательства в отдельности (1867 г. № 606 и др.). Нельзя, казалось бы, сомневаться, что и закон, и сенатское разъяснение установлены в пользу подсудимого: они имеют в виду оградить его от принуждения к ответам; при этом и закон, и разъяснение его говорят о недопустимости *вопросов*, обращаемых к подсудимому, а вовсе не ограничивают права последнего давать объяснения суду. Практика же истолковала упомянутое правило именно как стеснение его свободы. Ст. 683 применяется (не всеми, но многими судьями) так, как будто бы в ней было сказано: подсудимый, не признающийся в преступлении, лишается права давать какие-либо объяснения, прежде чем суд приступит к рассмотрению отдельных доказательств. Ясно, что такое правило, было бы нелепостью при устном судопроизводстве. Между тем, если задуматься на минуту над психологией подсудимого, то нетрудно понять, что безапелляционное распоряжение председателя может погубить его. Он провел несколько месяцев в одиночном заключении, ежедневно вспоминая о дне суда; если это человек, совершенно лишенный умственного развития, он не думал о том, что может защищаться; если он человек способный и умный, он составил план защиты и сумеет провести его на судебном следствии без помощи председателя; но если подсудимый такой, каких огромное большинство, т.е. не умный и мало развитый человек, то он, как умеет, сопоставляет и запоминает несколько соображений, которые кажутся ему полезными и которые, так сказать, висят у него на языке; он держит их наготове и торопится высказать их, как только видит возможность это сделать, т.е. именно в ответ на первый

вопрос о существе дела. Его остановили — и все, что он обдумал и приготовил для присяжных, исчезает у него из памяти. Начинается перекрестный допрос свидетелей, читаются малопонятные для него протоколы, разбираются противоречивые умствования экспертов; внимание подсудимого поминутно отвлекается; одно за другим неожиданно раздаются предложения председателя «представить в оправдание свое какие-либо объяснение» попеременно с изобличительными риторическими вопросами прокурора. Можно ли думать, что рядовой подсудимый сумеет справиться с двойной задачей — следить за судебным следствием, избегая промахов и капканов, и вместе с тем собраться с мыслями и восстановить к концу следствия то, что он хотел сказать в его начале? Иной раз случайное обстоятельство помогает подсудимому; по тому или иному поводу он вспоминает, чем хотел защищаться, и обращается к суду с просьбой разрешить ему говорить. Иногда это удается; но бывает, что председатель по своим соображениям находит нужным отсрочить объяснение подсудимого до более удобного момента; через некоторое время председатель действительно дает ему слово и думает, что сделал это вполне своевременно. А подсудимый уже опять потерял нить своей защиты и говорит не то, что собирался сказать.

Закончено судебное следствие, сказаны речи, раздается заключительный вопрос председателя: «Что вы имеете сказать в своем последнем слове?» Подсудимый не то растерян, не то равнодушно произносит: «Ничего». Бывает, и — я утверждаю — бывает очень часто, что при этом напоминании о праве последнего слова подсудимый не успевает даже ответить; председатель ждет в течение нескольких мгновений и отвечает за него: «Ничего не имеете? В таком случае садитесь». Выходит, что подсудимый, нимало не помышлявший отказываться от объяснений, фактически в течение всего процесса был лишен возможности высказаться перед присяжными.

Во избежание этого защитнику следует настоять на том, чтобы суд, не откладывая, выслушивал подсудимого при всяком заявлении его о желании представить какие-либо объяснения или опровержения, хотя бы и тотчас после отрицательного ответа его на вопрос о виновности. В подтверждение своего требования защитник может сослаться на прямой смысл закона, запрещающего

УГОЛОВНАЯ ЗАЩИТА

председателю спрашивать, но не воспреещающего подсудимому говорить; это указание, в связи с напоминанием, что по ст. 612 «председатель суда должен предоставлять каждому подсудимому все возможные (составители судебных уставов не сказали даже: все законные) средства к оправданию», будет, конечно, в достаточной мере убедительно для суда; в противном случае у защитника окажется в запасе неотразимый кассационный повод (реш. угол. деп. 1868 г. № 72, 1869 № 942).

На судебном следствии по делу Александра Богданова подсудимому, как указано в сборнике речей Н. П. Карабчевского, не удалось изложить свое объяснение в виде связного рассказа, обдуманного им за долгое сидение в одиночной камере; председательствующий предпочел применить к нему систему вопросов, и объяснение подсудимого обратилось в сбивчивый и отрывочный допрос обвиняемого. На этот раз система в ущерб закону больше помогла подсудимому, чем повредила ему, но так бывает далеко не всегда.

ГЛАВА VII. ПОСТАНОВКА ВОПРОСОВ

Оглашение предполагаемых вопросов представляет очень короткий момент в процессе; но оно имеет большое практическое значение. Если есть твердое основание рассчитывать на оправдание, следует избегать всего, что могло бы дать прокурору повод требовать постановки дополнительных вопросов: от склонности оправдать присяжным труднее перейти к обвинению в полном объеме, чем к обвинению смягченному. Это понятно само собой. Но если шансы против подсудимого, надо всеми силами добиваться дополнительных вопросов. Чем их больше, тем выгоднее для защиты: каждый новый вопрос есть новая точка опоры для присяжных, возражающих против строгого решения. Практика отдельных судов и разных отделений в одних и тех же судах далеко не одинакова по отношению к постановке вопросов. Иногда судьи считают своею обязанностью всячески заботиться о том, чтобы дать больше простора присяжным в выборе между возможными сочетаниями уголовных признаков, не выжидая требования сторон; другие всегда готовы удовлетворить ходатайство прокурора или защитника, иные же

видят в этом лишнее писание, напрасное замедление дела, и бывают склонны отказывать во всякой такой просьбе. Отказать всегда легко под предлогом, что дополнительный вопрос не вытекает из обстоятельств дела; но это соображение не всегда бывает вполне основательно. Люди непривычные обыкновенно безропотно подчиняются отказу. Это большая ошибка; надо быть настойчивым. Защитнику следует непременно потребовать заблаговременно, т.е. еще во время судебного следствия, чтобы в протокол были занесены обстоятельства, соответствующие содержанию предполагаемого им вопроса; это необходимо для кассационной жалобы. По большей части уже в первом ходатайстве защиты сквозит нерешительность, почти робость, тогда как здесь более чем где-либо уместен тон спокойной уверенности в законности и фактической основательности своего домогательства. Этот тон должен быть сохранен и после отказа суда; факты же, на которые ссылается защитник, могут быть изложены *non sine amplificatione*. За этим должна следовать просьба о том, чтобы председатель разъяснил присяжным, что если при обсуждении дела они придут к убеждению, что деяние, совершенное подсудимым, подходит под признаки именно того преступления, о котором говорил защитник, то они будут вынуждены оправдать подсудимого, ибо в виду уже состоявшегося определения суда они также утратили право требовать дополнительного вопроса. В подтверждение своего заявления защитник может сослаться на одно из новых решений сената, а именно решение 26 мая 1907 г. по делу Павла Золотова и других. В этом решении сказано: «При постановке вопросов суд не стеснен требованиями сторон и может независимо от их ходатайств поставить со своей стороны вопросы, вытекающие из судебного следствия; но признав, что дополнительные вопросы, о постановке которых ходатайствуют стороны, не вытекают из обстоятельств дела, суд не имеет права в силу 751 ст. у.у.с, ставить такие вопросы, хотя бы о постановке их ходатайствовали присяжные заседатели, так как постановка дополнительных вопросов обуславливается не желанием присяжных заседателей, а единственно и исключительно признанием суда, что свойство предъявленного подсудимому обвинения изменилось на суде и обстоятельства, вытекающие из судебного следствия и прений сторон, указывают на новое обвинение».

Это положение повторено Сенатом в новейшем решении 10 февраля 1912 г. по делу Козлова.

Такое обращение защитника может поставить председательствующего в большое затруднение. Если только определение суда не было безупречно основательным, это затруднение отразится на его заключительном слове и у присяжных останется представление о несправедливом стеснении законных прав подсудимого.

Бывает и то, что защитник, подробно доказав присяжным, что подсудимый виновен в легчайшем преступлении, забывает просить суд о постановке дополнительного вопроса; между тем судьи не всегда бывают склонны поставить его от себя под тем предлогом, что присяжным известно и разъяснено их право требовать такого вопроса, если бы они признали это нужным. А потом оказывается, что присяжные хотели согласиться с защитником, но стеснялись возвращаться в залу или, дав снисхождение подсудимому и отвергнув несущественный признак преступления, были убеждены, что вполне удовлетворили адвоката.

Сенатскими решениями к 751 ст. у.у.с. давно и категорически установлено, что в тех случаях, когда подсудимый сознался в совершении преступления менее тяжкого, чем предусмотренное в обвинительном акте, и защитник указал на это обстоятельство в своей речи, постановка вопроса о виновности в этом преступлении обязательна для суда, так как такой вопрос не может не быть признан вытекающим из судебного следствия и прений сторон (1874 г. № 723 по делу Сова и др.). Это разъяснение сената дает в руки защиты драгоценный и неотразимый способ борьбы с обвинением. Но молодые защитники не всегда умеют пользоваться им. Подсудимый предан суду за грабеж. На вопрос председателя по 679 ст. у.у.с. он отвечает, что виновным себя не признает. Из его объяснений по поводу свидетельских показаний видно, что он считает себя виновным в краже, но он не высказывает этого прямо, не зная, что это необходимо сделать. Защитник убедительно доказывает, что грабежа не было и требует дополнительного вопроса о краже. Суд совещается и отказывает на том основании, что вопрос не вытекает из обстоятельств дела. Это постановление не подлежит проверке в кассационном порядке. Если бы защитник предупредил об этом подсудимого и тот своевременно заявил: «Признаю себя виновным в краже», суд не мог бы отказать в дополнительном вопросе.

Кр. Павлов обвинялся в убийстве в драке кр. Иванова. Следствием было установлено, что Иванов перед тем нанес подсудимому топором рану в плечо; присутствовавшие вырвали топор у Иванова, а Павлов бросился на него и несколько раз ударил его поленом. На суде Павлов, не отрицая факта, утверждал, что не имел намерения лишить жизни пострадавшего. В своей речи защитник говорил о превышении необходимой обороны и просил поставить вопрос по 1467 ст. улож. о нак. Суд признал, что этот вопрос не вытекает из судебного следствия и отказал. Если бы подсудимый сказал: «Я бил его, потому что боялся, что он убьет меня, чтобы спасти свою жизнь», вопрос был бы поставлен (заседание СПб. окр. суда 27 января 1909 г.).

Когда вы предполагаете просить суд о дополнительном вопросе, имейте в виду, что вам могут отказать. Что из этого следует? То, что надо вразумительно разъяснить основания к этому ходатайству еще во время защитительной речи: присяжные будут знать, что ваше требование, хотя и признанное неуважительным, имело разумные основания.

Защитнику следует заранее обдумать возможные видоизменения обвинения, заготовить текст предполагаемых им дополнительных вопросов и старательно проверить их карательные последствия. Иначе легко ошибиться.

Двое подсудимых обвинялись по 4 п. 1453 ст. ул. Обстоятельства дела были очень неясны. Защитники доказывали, что раны были нанесены пострадавшему не с целью ограбления и без умысла на убийство. Это было совершенно правильной защитой, ибо при применении к подсудимым 2 ч. 1484 ст. улож. и 169 ст. уст. о нак. они подлежали бы арестантским отделениям на три или три с половиною года вместо бессрочной каторги или, при снисхождении в полной мере, каторги на *десять лет*. Когда суд огласил проект вопросов, защитники просили перерыва для их обзора. После совещания друг с другом один из них заявил ходатайство о дополнительных вопросах по 1634 и 1484 ст. улож. Председатель спросил, по какой части 1484 статьи; защитник ответил — по первой. Загляните в уложение, читатель, и вы увидите, что наказание за «разбой, соединенный со смертоубийством, хотя и без прямого на оное намерения» установлена по 1634 и 1 ч. 1459 ст. каторга от 8 до 12 лет, а по 1 ч. 1484 ст., т.е. если смерть последовала от ран

или увечий, причиненных с заранее обдуманном намерением, также каторга от 8 до 10 лет. Много ли могли выиграть подсудимые от таких вопросов?

Ошибаются и судьи. Бывает, что в вопросе оказывается пропущенным один из законных признаков преступления или признак, увеличивающий ответственность. Это — счастье подсудимого, и защитник не обязан указывать суду на сделанный промах; это дело прокурора. Но защитник должен уметь воспользоваться произошедшей ошибкой и после решения присяжных сделать соответствующее заявление, т.е. указать суду, что в признанных ими фактах нет состава преступления или есть преступление меньшее, чем предполагалось. Насколько это важно, можно видеть из следующего дела. Фирсов и Дмитриев обвинялись по 1647 ст. улож. о нак.; по обстоятельствам дела суд поставил дополнительные вопросы о покушении на кражу. В вопросе было сказано: «Виновен ли подсудимый Григорий Фирсов в том, что 19 июля 1907 г. в С.-Петербурге с целью тайного похищения чугуна, находящегося в обитаемом дворе Обуховского сталелитейного завода, по предварительному уговору и совместно с другим лицом сломал доски в заборе, ограждавшем этот двор, но намерения своего в исполнение привести не успел по не зависевшим от него обстоятельствам? Такой же вопрос был поставлен о подсудимом Александре Дмитриеве. Присяжные заседатели ответили на оба вопроса: «Да, виновен, но досок в заборе не ломал». Суд постановил обвинительный приговор. Фирсов был приговорен к тюремному заключению на пять месяцев, Дмитриев — к лишению особых прав и арестантским отделениям на один год с последующей высылкой. Таким образом, суд признал преступлением то, что подсудимые подошли к чужому забору с преступною целью. Ни судьи, ни прокурор не заметили этой ошибки. Не заметили ее и защитники — двое присяжных поверенных. Приговор вступил в законную силу, и Фирсов и Дмитриев отбыли наказание за деяние, законом не воспрещенное.

Что мы скажем на это, читатель?

Требование о выделении события преступления в особый вопрос может иногда спасти подсудимого, изобличенного в преступлении, но имеющего нравственное право на оправдание. Заводский рабочий Семен Корытов покупал предметы необходи-

мости у мелочного торговца Сергея Филина по заборной книжке и платил неисправно, несмотря на частые напоминания; в 1907 году Филин предъявил к Кoryтову иск у мирового судьи в сумме 15 рублей; после этого Кoryтов принес в лавку Филина, в его отсутствие, три рубля в погашение своего долга; приказчик Филина Ерасов расписался в заборной книжке в получении трех рублей, обозначив сумму цифрою; однако при разборе дела Кoryтов признал свой долг лишь в сумме двух рублей; в расписке Краснова в заборной книжке с левой стороны цифры 3 оказалась очень грубо приписанная единица. Подлог был очевиден; по требованию Филина мировой судья передал дело по 110 ст. у.гр.с. прокурору, а затем оно поступило по 563 ст. к следователю, и 22 марта 1911 г., т.е. через три года, Кoryтов предстал перед присяжными с обвинением по 1692 ст. ул. о нак.

Когда председательствующий прочел обвинительный акт, присяжные многозначительно переглянулись: двенадцать грошей — три года — благообразный пожилой рабочий за решеткой — дело ясное. Судьи и товарищ прокурора с такой же уверенностью заранее признавали оправдание единственным возможным решением дела. Но вышло не то. Перед лицом суда появился Филин, и двенадцать грошей неожиданно оказались рублями, и притом очень дорогими. «Разве я рад его на суд тащить?» — сказал он. «Не знаю, разве, что и ему каждая копейка трудом достается. У него дети. А мне-то что же делать? У меня своих трое. Я в суд в четвертый раз хожу с приказчиком; мне каждый день денег стоит. Жена больная, на одни лекарства сколько уходит...»

Один из присяжных спросил свидетеля-приказчика:

— Сегодня хозяйская лавка торгует?

— Нет.

— А хозяйка?

— Больная лежит.

Старшина (врач) спросил Филина:

— Чем больна ваша жена?

— Брюшным тифом.

— А нет ли у вас докторских рецептов?

— Есть; вот они.

Рецепты не оставляли сомнения: тиф.

ГЛАВА VI. ПОДСУДИМЫЙ

Обвинитель сказал спокойную, но убедительную речь; защитник сказал, как умел. Но речи не могли повлиять на присяжных. Дело было ясно для рассудка и трудно для совести. Присяжные были строгие. Судьи видели, что они могли обвинить Корытова, и поставили отдельный вопрос о факте. Председатель сказал присяжным, что им была дана возможность произнести почти соломоновское решение. Они признали подлог доказанным, а подсудимого не виновным.

Если вы имеете в виду ходатайствовать о дополнительных вопросах, надо иметь проект их наготове. Иначе вы можете оказаться в неловком положении, когда председатель спросит: «В каких выражениях вы полагали бы изложить этот вопрос?»

Здесь кстати заметить, что наши молодые защитники питают большое недоверие и страдают совсем ненужной застенчивостью по отношению к судьям и прокуратуре. Они никогда не решаются заговорить с ними о деле, в особенности — страшно сказать! — посоветоваться с ними. За это самолюбие — или скромность? — расплачиваются подсудимые. А между тем указания опытных людей могут быть очень полезны для начинающих.

ГЛАВА VIII. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Нелегко быть хорошим прокурором или защитником. Но быть безукоризненным председателем бесконечно трудно. В представителях сторон увлечение и даже некоторое сознательное пристрастие не только естественно, но, в сущности, и почти безвредно. Иное дело председатель. Недостаток беспристрастия в нем есть источник великого зла. Правда, власть его ограничена законом, и правила устава в этом отношении близки к совершенству. Их можно назвать писанным разумом. Но председатель имеет возможность соблюдать их с большей или меньшей требовательностью и в зависимости от этого предоставлять сторонам больше или меньше свободы в процессе. Мы должны думать, что в большинстве случаев он бывает беспристрастен и ведет дело исключительно к выяснению истины. Но при всем старании быть только правосудным и соблюдать полное равноправие обвинителя и защитника он не всегда умеет уберечь себя от некоторой склонности направо или налево. Задача требует столь великих умственных и нравственных сил, что немногие способны подняться на должную высоту. Если судьба вам благоприятна,

вы будете встречать настоящих судей на председательском месте; счастье для вас и для тех, кого будете защищать. Но так как бывают и плохие председатели и выбор от вас не зависит, то надо быть готовым и к менее счастливым случайностям.

Вот что писал мне года два тому назад один знакомый адвокат: «Наше провинциальное и особенно уездное правосудие находится куда в более плачевном состоянии, чем столичное. Только затхлой провинциальной атмосферой и объяснимо существование таких поистине невероятных председательствующих, как, например, известный чуть ли не всей судебной России товарищ председателя N-ского окружного суда. Правда, идеальных председателей в наше скверное время упадка нравов судебного ведомства найти бывает трудно и днем с огнем, но все же столицы — особенно Петербург — в этом случае поставлены в неизмеримо лучшие условия. В столице как никак считаются и с гласностью, и с печатью, а у нас ни с тем ни с другим. Положение защиты и подсудимых порой бывает прямо-таки невозможное. И сделать ничего нельзя. Наставление председателя — это возражение на речь защиты со всевозможными передергиваниями отдельных слов, фраз и т.п., приписыванием защите того, что она не только не произносила, но при всем желании и не могла произнести. Надо сказать правду, что жители столиц не могут иметь и десятой доли настоящего представления о том, до чего доходят председательствующие и уголовные отделения в провинции. Уездные сессии — это охота на живых людей, где бьют не только “по сидячему”, но даже вопреки всяким правилам чести — и “по лежащему”».

Надо иметь в виду одно весьма важное соображение: столкновение между председателем и защитником далеко не одинаково отражаются на присяжных. Умные относятся к ним правильно, т.е. ставят все притеснения защиты на счет обвинению и всякое неправильно создавшееся сомнение обращают в пользу подсудимого; увлекающиеся присяжные поддаются более упрощенному соображению и оправдывают подсудимого, хотя бы и виновного, чтобы «наказать» председателя. Но уездные присяжные в значительном большинстве случаев подчиняются председателю по самому внешнему положению его в зале заседания, потому что он представляется авторитетным своими разъяснениями закона и, наконец, просто потому, что в столкновении с защитником он

остается победителем; они не в силах войти в оценку законности победы. В этих случаях все ложится на плечи подсудимого.

Как же быть защитнику, если судьба отдает подсудимого в руки не беспристрастного председателя? Прежде всего, *надо самому быть безупречным* и не давать повода к справедливым отказам и замечаниям. Когда молодой человек просит о прочтении показаний не вызванных свидетелей, спрашивает хирурга о душевном расстройстве подсудимого, оглашает в своих объяснениях факты, не установленные судебными доказательствами, и т. п., кто же виноват в насмешках и колкостях председателя?

— Подсудимым грозит каторга или по крайней арестантские отделения, — восклицает защитник.

— Никак в арестантские отделения не могут попасть при всем вашем старании, — говорит председатель, — потому что они несовершеннолетние.

Что же делать защитнику в столь неприятном положении? Только одно — благодарить руководителя процесса за справедливое указание. Это сразу восстановит доверие присяжных к вашей искренности. Но я ни разу не слышал этого простого ответа на замечание председателя. Если благодарность неуместна, следует ограничиться неторопливым почтительным поклоном в сторону суда. Но не следует вступать в какие-либо объяснения.

Предположим, однако, хотя это бывает редко, что защитник держится безукоризненно, а председатель, попросту говоря, придирается к нему. Как быть тогда? Иные, пожалуй, скажут: «Надо смело отстаивать подсудимого, ни в чем не поступаясь его законными правами. Я сказал бы, напротив, умейте вовремя подчиниться и вовремя уступить. Смелость хороша, когда опасность грозит только смельчаку; а в суде за строптивость защитника часто приходится расплачиваться подсудимому. Поэтому нужна не смелость, нужно величайшее самообладание, безупречная вежливость и расчетливая уступчивость. Будьте кротки как голуби и мудры как змеи. При всяком стеснении прав защитника во время судебного следствия он должен с невозмутимым спокойствием, с убийственным смирением требовать только одного: отметки в протоколе; во время речи с таким же спокойствием, с величайшей сдержанностью он докажет, что председатель ошибся. Не оскорбляйтесь резкими словами или замечаниями: ваша честь не

уязвима, пока вы стоите между судом и подсудимым, если только сами вы были безупречны. Если председатель раздражается, единственное средство справиться с ним заключается в том, чтобы успокоить его. Он воспретил вам касаться обстоятельства, которое вы считаете важным. Нечего делать. Подчинитесь; а по уходе присяжных скажите, что имеете заявление к суду, и объясните значение устраненного обстоятельства; председатель, проявивший уже всю силу своей власти, в большинстве случаев согласится вернуть присяжных в зал и лично разъяснит им вашу мысль или даже возобновит судебные прения. Если председатель откажет в вашем ходатайстве, основание для кассационной жалобы будет записано в протокол в надлежащем виде, с надлежащим хладнокровием, а не в запальчивости или раздражении. Самообладание — это единственное надежное оружие защитника в подобных случаях. Английский адвокат Вилькинс однажды упомянул в одной своей речи об излишней раздражительности своего противника. Председатель, лорд Крессвель, перебил его замечанием: «Вы не хотите допустить, чтобы адвокат мог несколько разгорячиться на суде?» Оратор медленно повернулся в сторону председателя и, бесстрастно отчеканивая каждый слог, произнес: «Милорд, я ничего не имею против того, чтобы горячился адвокат или даже судья; но мне кажется, что в таком случае на их слова не следует обращать особого внимания». Лорд Крессвель откинулся на спинку кресла и стал внимательно рассматривать потолок.

Защитник сказал, что подсудимый с самого начала принес чистосердечное признание во всем совершенном. Председатель остановил его, указав, что на предварительном следствии подсудимый утверждал, что совершил преступление один, тогда как на суде признал и соучастие двух других подсудимых. Защитник поклонился и продолжал: «Это совершенно верно, но я все-таки не уверен, что я неправ. Можно признаться во всем, что сделал сам, но не всякий способен выдать товарища, хотя бы товарища по преступлению». Некоторые из наших председателей любят оставать навливать ораторов во время речей; достается и прокурорам, и адвокатам. Перерыв речи со стороны законного руководителя заседания — это удар не только для самолюбия оратора, но и для внушительности его рассуждений и доказательств. Поэтому всякий раз, когда вмешательство председателя не было вызвано настоящею

ошибкой защитника, последний должен немедленно дать отпор и восстановить свое достоинство; для этого надо наглядно объяснить присяжным, что ошибся не он, а председатель. Люди находчивые делают это самыми разнообразными и остроумными способами; но находчивость свойственна не всякому. Между тем для этого существует чисто механический прием, почти всегда отвечающий цели. Подчиняясь сделанному указанию, защитник говорит: «Согласно замечания г. председателя я исправляю свою ошибку», и затем высказывает мысль, прямо противоположную тому, что сказал раньше. Во французской палате обсуждался какой-то острый вопрос; социалист Мильеран обратился к депутатам со словами: «*Ai moment où vous allez mettre ai scratin le bulletin que le gouvernement attend de votre obéissance...*» Президент остановил его. Оратор промолчал несколько секунд и продолжал: «*Au moment où vous allez mettre ai scrutin le bulletin que le gouvernement attend de votre... indépendance*». Вот случай в нашем суде. Подсудимый сознался в сыскной полиции, но не признавался у следователя и на судебном следствии; защитник, объясняя это противоречие, сказал, что оно составляет обычное явление; причина его заключается в том, что в сыскной полиции применяются совсем особые приемы и исследования, ничего общего с приемами судебных властей не имеющие, и вследствие этого бывает, что заподозренные признаются в таких преступлениях, каких и не совершали. Председатель перебил оратора словами: «Г. защитник! Мы ничего не знаем о тех приемах, которые применяются в сыскной полиции; предлагаю вам держаться обстоятельств дела». Что бы стоило адвокату воспользоваться этой неосторожностью? «Г. председатель удостоверил, что мы ничего не знаем о деятельности сыскной полиции; мне остается на основании закона предположить, что там, как и на суде, подсудимый свободен от всякого принуждения, и полицейские агенты на каждом шагу напоминают ему, что он имеет право молчать». Можно поручиться, что после такого ответа защите не пришлось бы ожидать новых замечаний со стороны председателя.

Не возражайте председателю. Он окажется прав, хотя бы и был виноват. Судите сами. Защитник сказал: «Всем известно, что наши тюрьмы не исправляют...» Председатель перебил его внезапным заявлением:

«Г. защитник! Когда вы будете членом Государственной думы, вы будете говорить о несовершенствах действующего закона и его изменении. Теперь прошу вас говорить о деле». Защитник сделал попытку объяснить что-то суду, но едва он произнес: «Я хотел только сказать...», как председатель опять перебил его еще более резко:

— Я прошу вас подчиниться моему приказанию, не вступая со мной в пререкания!

— Я подчиняюсь, г. председатель; я только хочу...

— А я предлагаю вам подчиниться моему распоряжению, или я лишу вас слова.

В газетах было сообщено о таком случае. В одном судебном заседании адвокат обратился к составу присутствия со словами: «Гг. судьи!» Председатель сделал ему замечание и сказал:

«Мы не судьи; мы члены судебной палаты».

Тут уж, конечно, возражать не приходится.

Иногда может быть полезным принять на себя ошибку председателя. «Я думаю, что меня присяжные заседатели понимают», — сказал защитник. Председатель возразил: «Вас трудно понять». Защитник несколько смешался, но скоро оправился и сказал: «Я исполняю свою обязанность: если моя защита плоха, это вина моя, и я прошу присяжных заседателей не вменить этого в вину подсудимому».

Наши защитники всегда внимательно следят за соображениями прокурора о квалификации преступления и не всегда внимательны к разъяснениям закона в напутствии председательствующего; они слишком доверяют его непогрешимости. Следовало бы поступать как раз наоборот. Доводы обвинителя неизбежно подлежат критике со стороны защиты и председателя; поэтому юридические ошибки его редко проходят незамеченными и не могут служить основанием для отмены приговора. Напротив того, заключительное слово председателя никаких возражений не допускает, и даже случайная ошибка его остается неопровергнутой, ибо сенатской практикой твердо установлено, что стороны не только во время речи председателя, но и после того не имеют права в присутствии присяжных обращаться к суду с заявлением об изменении или дополнении сказанного им. Между тем председатели не всегда бывают непогрешимы. Под влиянием

утомления или рассеянности председатель иногда забывает объяснить присяжным их право отвергнуть каждое из обстоятельств, увеличивающих вину, или напомнить им о праве снисхождения. То и другое, несомненно, составляет и признается сенатом за существенное нарушение. Защитник должен быть настороже. Если ошибка была, надо по уходе присяжных просить о возвращении их в зал и о дополнительном разъяснении со стороны председателя; собственное объяснение руководителя процесса о сделанном им упущении может еще более ослабить обвинение в глазах присяжных. Если, напротив того, защитник ждет обвинительного вердикта, следует просить только о занесении сказанного в протокол, чтобы сохранить в запасе надежный кассационный повод. Укажу недавний пример в нашем суде. Подсудимый обвинялся в том, что украл сапоги, сняв их со спавшего пьяного. «Что касается кражи сапог, — сказал председательствующий, — то это, гг. присяжные заседатели, собственно говоря, не кража, а грабеж, потому что подсудимый, как вы слышали, обобрал пьяного на глазах сторожа, который все время следил за ним...» Председательствующий, конечно, знал, что для законного состава грабежа необходимо было сознание виновного о присутствии очевидца, но почему-то не договорил этого. Бывают и менее заметные, но не менее существенные промахи.

Подсудимый обвинялся в краже телеграфной проволоки на линии железной дороги в соучастии с двумя скрывшимися злоумышленниками. Линейный сторож заметил при свете луны человека, стоявшего на рельсах и с кем-то разговаривавшего. Вслед за тем он услышал звон обрезанной проволоки и на откосе пути увидал еще двух человек. Он бросился к своей будке за ружьем и, оглядываясь, видел, что стоявший на рельсах стал уходить в противоположную сторону; двое других исчезли. Взяв ружье, он сейчас же вышел из будки, погнался за уходившим и на станции задержал его. На суде сторож утверждал, что это, несомненно, был тот самый человек, которого он заметил вначале и потерял из виду лишь на несколько секунд, пока входил в свою сторожку. Председательствовавший сказал присяжным: «Решение дела зависит от показания одного свидетеля. Если этот сторож заслуживает доверия, виновность подсудимого не подлежит сомнению. Если он показывает ложно, вы должны оправдать обвиняемого,

ибо других улик в деле нет. Разберите же его показание. Вы могли видеть, что он говорил спокойно, уверенно, точно. Если это убеждает вас в его правдивости, вы скажете: да, виновен. Если, напротив, у вас есть какое-нибудь основание усомниться в его добросовестности, если вы можете допустить, что он способен оклеветать человека, которого видит в первый раз, навлечь на него суровое наказание вопреки данной им присяге говорит только правду, тогда, конечно, вы оправдаете подсудимого».

Все это очень вразумительно. Но председатель не заметил, что значение показания свидетеля зависело не от его правдивости, а от верности его наблюдений; он мог быть вполне добросовестным и вместе с тем ошибиться. О таких ошибках теперь есть целая литература. Защитник имел полное основание утверждать, что председатель внушил присяжным неверное представление о силе единственного, по его собственному объяснению, доказательства в деле и тем направил их на ложный путь. Если бы председатель отказался от дополнительного разъяснения присяжным, это было бы серьезным кассационным поводом (ст. 801 у.у.с.). Предосторожность эта оказалась, впрочем, лишней: благодаря внимательно продуманной и прекрасно сказанной защитительной речи присяжные оправдали подсудимого.

Все мы люди; не только присяжные, но и судьи не чужды человеческих слабостей. Бывает, как ни стыдно говорить об этом, что раздражение, вызванное защитой, отражается и на напутствии председательствующего. «Ну, кажется, я ему наложил», — говорит он, разумея защитника; а присяжные отвечают: «Да, виновен и не заслуживает снисхождения», разумея, к несчастью, подсудимого.

Удостоверить в протоколе перевес обвинительных доводов в таком напутствии столь же трудно, как установить его оправдательный или обвинительный тон; между тем присяжные обыкновенно относятся к председателю с большим доверием, и его слова часто решают дело. Поэтому в сомнительных делах надо старательно избегать всего, что, не будучи необходимым для защиты, способно вызвать против защитника неудовольствие председательствующего. Недаром древние твердили своим ученикам: *docere, movere, placere*. Умейте склонить к себе расположение судей.

ГЛАВА IX. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЗАЩИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ

Искусство речи на суде не входит в содержание этих заметок. Я говорил о нем в другом месте. Привожу здесь только некоторые указания, необходимые, чтобы предостеречь начинающих защитников от ошибок, чаще всего повторяющихся на первых шагах.

Нет худшего приема защиты, как несправедливые придирки и нападки на потерпевших. В большинстве случаев они говорят правду; присяжные и судьи на их стороне. Защитнику следует остерегаться того недоверия, к которому его естественно влечет сочувствие к подсудимому. Разбирается дело о растрате. Защитник говорит: «Потерпевший производит впечатление человека добросовестного; но на одном впечатлении нельзя основать решение дела. Как бы ни казался он искренним, правдивым, ведь если бы он явился со своим иском в гражданский суд, от него потребовали бы письменных доказательств, документов. Впечатление есть слишком шаткое основание для судебного приговора». Теоретически это так; но ошиб-

ка заключается в том, что присяжные видели и слышали потерпевшего, дававшего показание под присягой в самых сдержанных выражениях; у них сложилось больше чем впечатление — полное убеждение в его правдивости. Если бы защитник мог указать на реальные основания к своим сомнениям, тогда другое дело. Но обстоятельства дела только подтверждали то, что говорил свидетель.

«Я далек от мысли возбуждать какое-либо сомнение в правдивости потерпевшего....» — заявляет защитник. Как это хорошо, думают судьи и присяжные. «...но положение лица, так или иначе пострадавшего от преступления, обязывает нас к некоторой осторожности при *оценке* его показаний. Он невольно испытывает вполне понятное и совершенно извинительное неприязненное чувство по отношению к виновнику своего несчастья. Ему трудно удержаться на вполне беспристрастной точке зрения, и естественным последствием этого является некоторое преувеличение фактов, некоторое сгущение красок» и т.д. Этого достаточно. Потерпевшему уже нанесено оскорбление, и присяжные уже раздражены.

Два брата обвинялись по 1489 и 1 ч. 1490 ст. улож. Избитый крестьянин, еще на предварительном следствии заявивший, что прощает обидчиков, на суде изобличал обоих, но давал показания с совершенной незлобивостью. «Потерпевший, — сказал защитник, — видимо, говорил пред вами правду; но к его показанию следует подходить с известной меркой; надо задать себе вопрос: следует подходить с известной меркой; надо задать себе вопрос: тот, кого бьют, не может ли он ошибиться, когда его бьет один, и сказать, что его бил и другой; если стать на эту точку зрения, мы должны признать, что потерпевшему могло показаться, что если его бил один брат, то его не мог не бить и другой брат».

Два арестанта обвинялись по 3 ч. 309 ст. улож. о наказ. за побег из арестного дома в уездном городе. Защитник сказал присяжным: «Я думаю, что, если бы подсудимые знали, какое наказание угрожает им за побег, они никогда не решились бы на такую попытку». Верная мысль: закон грозит арестантскими отделениями от пяти до шести лет. Но защитник сейчас же уничтожил хорошее впечатление, произведенное этими словами. Он продолжал: «Подсудимые признают свою виновность; но, мне кажется, главным виновником в настоящем деле являются не подсудимые, а сама администрация арестного дома. Вы видели, как был организован

надзор за арестантами, вы слышали, как... вы знаете, что...» и т.д. Последовала филиппика против «администрации» в лице благообразного старика смотрителя, который в четыре часа ночи, за полчаса до побега, сам обходил камеры, зайдя, между прочим, и в помещение подсудимых. Какое разумное основание мог иметь этот «защитник» рассчитывать, что двенадцать здравомыслящих человек готовы в своем решении следовать нелепости, которой устыдился бы ребенок? Присяжные оправдали подсудимых; но я думаю, что, если решение не было единогласно, то голоса за обвинение могли быть вызваны только непозволительной развязностью основного довода защиты.

Молоденькая крестьянская девушка приехала в Петербург и в тот же день проходила со старшей сестрой по Сенному рынку, держа в руке кошелек; из кошелька торчала трехрублевая бумажка. К ней подбежал сзади какой-то бездельник, ударил ее по голове и вырвал деньги из кошелька, причем сильно оцарапал ей руку. По указанию девушек в толпе присутствовавших был задержан молодой парень. Он был предан суду по 1642 ст. улож. На суде обе девушки утверждали, что узнают грабителя в подсудимом, и младшая утверждала, что городской схватил его немедленно после грабежа, в четырех шагах от нее, прежде чем тот успел вбежать в толпу. А городской показал, что похититель перебежал через улицу, но, увидав, что он спешит ему наперерез, вернулся назад и смешался с толпой. Подсудимый был молодой мастеровой, и хозяин дал о нем превосходный отзыв: служит на месте пять лет, не пьет, не гуляет, посылает в деревню деньги. Кажется, нетрудно было выиграть дело, не задев никого. Защитник сказал: «Городской схватил первого попавшегося под руку, потому что городскому надо выслужиться перед начальством; ограбленная девушка могла сама оцарапать себе руку. Да и самый грабеж не установлен. Почему не обыскали старшую сестру? Девушка, уже наученная петербургской жизнью, могла польститься на деньги и незаметно для младшей сестры вынула их из кошелька». Итак, городской — негодяй, ограбленная девушка — лгунья, ее сестра — воровка. Это — *система* защиты.

Как я уже говорил, следует избегать спора со свидетелями. Гораздо лучше объяснить неверное показание ошибкой, чем ложью. Защищая Эмиля Золя против обвинения в оскорблении офицеров французской армии, Лабори повторял на каждом шагу, что вполне

уверен в их безупречной правдивости, хотя в процессе Дрейфуса сам изобличал некоторых из них в лжесвидетельстве. «Они убеждены в том, что показывают, — говорил он, но они ошибаются... Их показания вполне добросовестны, но это-то именно и пугает меня... Повторяю, они вполне добросовестны в своих показаниях. Это не риторический прием с моей стороны; я так говорю, потому что уверен в этом. Но они введены в заблуждение...»

Личные препирательства, укоры, насмешки вообще не должны быть допускаемы на суде. С этим, пожалуй, согласится всякий, но мало кто соблюдает это. Молодые люди склонны видеть виноватых во всех, кроме самих себя и подсудимых. Полиция кажется им всегда недобросовестной, следователь и прокурор — страстными, свидетели (со стороны обвинения) — недостоверными. Все это бывает и на самом деле, но далеко не всегда. А когда случается, то в большинстве случаев становится заметным само по себе и требует не страстного изобличения, а краткого намека. Предположим явную натяжку в предании суду при обвинении в преступлении, наказуемом каторгой. Следует ли защитнику обрушиться на прокурора суда и судебную палату? Только в самых редких случаях. Если ошибка вполне очевидна, и притом подсудимый внушает сочувствие, ранее не судился, тогда, при уверенности в своем умении, можно, пожалуй, затронуть общественную сторону вопроса. При других условиях надо забыть о критике. Лучше всего выказать снисходительность к «происшедшему недосмотру», пояснив, что ошибки встречаются везде и оратор никого за них не упрекает; он только указывает на происшедшее недоразумение и необходимость исправить ошибку.

И как неудачны бывают эти якобы тонкие колкости! «Свидетель как дворник должен подлизываться к полиции», — а дворник произвел на судей и присяжных самое лучшее впечатление. «Г. прокурор, с полным убеждением, конечно, толкает вас на зло и ведет к неправосудному решению», — а присяжные соглашались с прокурором. Следователь оставил на свободе вора-рецидивиста. Тот украл кошелек и попался. Защитник сообщил присяжным, что освобождение обвиняемого от предварительного ареста было для него *медвежьей услугой* со стороны следователя: невозможность найти заработок и средства к пропитанию неизбежно толкнула его на кражу. Если бы его оставили под арестом, этого бы не случилось.

Таким образом, косвенным, но первоначальным виновником преступления оказался судебный следователь. Вывод был логически правильный. Но, следуя такой логике, чем, как не медвежьей услугой, было бы оправдание подсудимого присяжными, и чем, кроме обвинительного решения, могут они оградить себя от опасности опять толкнуть его на кражу?

Другой оратор говорил о помощи, оказываемой государством потерпевшему, об ограждении свидетелей от малейших стеснений, о всеоружии полицейской, следственной и прокурорской власти и т. д. «А подсудимый? — воскликнул он. — Его положение на суде! Его здесь раскладывают, бьют...» Зачем было говорит такой вздор? Председатель с ужасом в голосе перебил оратора:

— Г. защитник! Кто здесь бил подсудимого?

Присяжные рассмеялись.

Не следует касаться личности противника, даже если он сам нарушает это правило. Если же это необходимо, следует говорить в общих выражениях. Обвинитель решился сказать: «Я не могу представить себе, чтобы человек молодой и здоровый не мог найти работы». Защитник ответил неизбежными словами: «Г. прокурор не может себе представить...» и проч. Не лучше ли было бы сказать: «Некоторые люди не могут представить себе...» и т. д. Взяв безличную форму, защитник мог бы подчеркнуть легкомыслие своего противника: «Вообразим себе человека, привыкшего жить двадцатым числом и неожиданно потерявшего место. Можно ли поручиться, что он найдет заработок, как только захочет? Кто знает? Ему, пожалуй, пришлось бы познакомиться и с голодом...» Но и в этом случае можно было обойтись без иронии. Можно было сказать: «Некоторые люди думают, что в Петербурге и в других местах можно умереть с голоду; думают, что медицинское вскрытие умерших иногда устанавливает, что человек умер от истощения организма вследствие недостатка питания; утверждают, что это значит: от голода; есть люди, убежденные, что бывают самоубийства вследствие отсутствия заработка... Здесь вам сказали, что всего этого не бывает. Решайте сами, бывает или нет».

Не говорите о пристрастии или односторонности прокурора. Покажите, что он не вполне прав. Если было пристрастие, присяжные заметят его и без вашей помощи; чем добродушнее вы будете

обходиться с противником, тем ему будет больнее. Например: «Г. обвинитель предупредил вас, что защита будет говорить то и то; я слишком уважаю моего противника, чтобы допустить в его словах желание доказать свою проницательность. Если он коснулся этого соображения, ясно, что он придает ему известное значение как доказательству в пользу подсудимого. Я вполне согласен с прокурором и благодарен за то, что им сказано вам вместо меня: это выигранное время».

Старайтесь устранить из рассуждений свою личность. «На меня подсудимый производит благоприятное впечатление...», «Я с своей стороны по чистой совести считал бы справедливым оправдать его» и т. п. «Я буду считаться только с тем впечатлением, которое я вынес из судебного следствия», — сказал один молодой адвокат. В этом-то и заключается обычная ошибка неопытных людей. Считаться надо с впечатлением присяжных и судей. Не просите об оправдании — докажите, что надо оправдать. Не хвалите ни себя, ни товарищей по защите. «Об уликах, собранных против подсудимого, мне говорить не приходится», — сказал адвокат в одном громком деле. — Мой талантливый товарищ разметал их в пыль. И не удивительно. Процесс этот собрал цвет петербургской адвокатуры...» Оратор спохватился и поспешил прибавить, что говорил не о себе, но было уже поздно. По лицам присяжных пробежала улыбка.

Старайтесь не выдавать своей односторонности.

Всякий отдельный поступок человека допускает различные объяснения. Последите за прениями, обычными в нашем суде. Вы заметите, что, если свидетель говорит в пользу обвинения, каждое его суждение кажется прокурору естественным и высокопохвальным, защитнику — безнравственным или, по крайней мере, сомнительным. И, высказывая свою одобрительную или неодобрительную оценку, оба они выдают свое одностороннее отношение к делу. Если вы говорите о наказании, ни в каком случае не позволяйте себе указать только высшую меру: это даст повод прокурору или председателю упрекнуть вас в намерении ввести присяжных в заблуждение.

Как вы думаете, читатель, чего ждут от вас присяжные, когда вы начинаете свою речь? Попросту говоря, ждут, что вы будете втирать им очки. Удивите их. Покажите, что они ошиблись. Для

этого соглашайтесь как можно чаще с обвинителем, признавайте, что можно, в показаниях его свидетелей; при случае скажите прямо, что подсудимый должен быть наказан. Только не говорите, что по прежним законам подсудимого следовало бы оставить в подозрении. Это признание, что против него есть сильные улики.

Будьте осторожны в характеристике подсудимого; не хвалите его. «Речь защитника подсудимого Рябинина, — писал мне один присяжный заседатель, — понравилась мне главным образом тем, что, стараясь опровергнуть обвинение, он не прибегал к натяжкам в его пользу и не приписывал ему особых добродетелей, что делает большинство защитников, а доказывал только, что он не преступник, а самый обыкновенный человек». Берегитесь задеть тщеславие ваших слушателей. За малейшую ошибку в этом отношении председательствующий расправится с вами в своем заключительном слове, а присяжные, лишённые возможности высказаться, будут тем с большим раздражением лелеять обиду. Но кто же не понимает этого, спросит читатель. Увы! Я недавно слышал, как один оратор говорил уездным присяжным, что Россия темна и убога, а народ ее пьян.

Проф. Владимиров в своей книге «Advocatus miles» предлагает между прочим защитнику такое правило: *«Будьте постоянно и неуклонно несправедливы к противнику»*. Если ваш противник говорит «дважды два четыре», то ввиду невозможности опровергнуть это положение молчите, но не говорите: «Мой противник прав, что дважды два четыре»: серый присяжный может подумать, что вы не особенно ретиво спорите с противником, что вы с ним даже соглашаетесь вообще». Последнее соображение справедливо, но оно никоим образом не может быть признано достаточным основанием для общего правила, указываемого автором. Повторяю, следует избегать односторонности и тем более сознательной несправедливости к противнику. Обратная тактика может иметь успех у одного случайного серого присяжного, но подорвет доверие его тринадцати товарищей.

«Рвите речь противника в клочья, — говорится далее, — и клочья эти с хохотом бросайте на ветер» Хохот, конечно, есть бурное слово, сгущенная краска, чтобы ярче передать мысль; но дальше автор пишет: «Противник должен быть уничтожен без остатка. Нужен для этого парадокс, пустите его в ход. Нужна ирония, подавайте

ее. Нужно осмеять соображения обвинителя, осмеивайте их. Будьте беспощадны. Придирайтесь к слову, к описке, к ошибке в слове. Противно ученому, привыкшему к объективному исследованию истины, привыкшему *suum cuique tribuere*, воздавать каждому по заслугам, противно ему наблюдать этот спор; но он должен помнить, что это ведь не воинственный диспут, а потасовка словами и доводами, потасовка грубая, как сама общественная жизнь людей».

«Чем несправедливее, пристрастнее вы будете к противнику, чем больше страсти, злобы, иронии будет в вашей речи, тем больше вы будете нравиться. Но все сказанное должно быть допустимо под одним условием: все это должно быть художественно...»

Это неверный и опасный совет. Автор поощряет здесь именно ту ошибку, к которой в высшей степени склонны начинающие молодые люди, не подозревающие ее опасности.

Страсть, ирония, пожалуй, злоба, могут быть полезны, но в самых *редких* случаях; общее правило следовало бы высказать в смысле прямо противоположном. Пафос допустим только тогда, когда он необходим. Несправедливость, пристрастие к противнику всегда вызывают раздражение против оратора у судей и у присяжных. Неопытные защитники постоянно забывают, что следует спорить с доказательствами, а не с прокурором. С точки зрения целесообразности можно посоветовать всякому оратору: будьте безгранично любезны к противнику и снисходительны к его ошибкам; это покажет ваше превосходство и действительно расположит слушателей в вашу пользу.

Спросите наблюдательного и искреннего судью, всегда ли бывают беспристрастны наши присяжные и наши судьи. Он ответит: почти всегда. Спросите, не случается ли, что на ответе о вине подсудимого отражается расположение или нерасположение к обвинителю и защитнику — он ответит утвердительно. Не могу забыть одного московского процесса. Судились три женщины по 942 ст. улож. о нак. Две из них — простые бабы — обвинялись в ложном показании в мировом съезде в пользу третьей, судившейся за кражу. Обе они чистосердечно признались, что лгали на съезде вследствие подкупа со стороны воровки. Последняя обвинялась в подстрекательстве к ложному показанию. Обвинитель указал присяжным, что они в окружном суде, как те женщины

в мировом съезде, призваны служить правосудию; те женщины клялись говорить правду, но забыли свою присягу; их невежество и их искреннее раскаяние могут смягчать вину их в клятвопреступлении; но то, что еще можно объяснить в глубоко невежественной среде, то недопустимо со стороны присяжных, сознающих свое высокое призвание и долг. Те клялись сказать сущую о всем правду — присяжные клялись подать решительный голос, не осуждая невинного и не оправдывая виновного. И обвинитель громко прочел присяжным от начала до конца слова присяги, которую они повторяли вслед за священником. При сознании обеих лжесвидетельниц, продолжал он, виновность подстрекательницы была несомненна, и присяжным, очевидно, предстояло одно из двух: или соблюсти присягу и обвинить подстрекательницу, или нарушить присягу, оправдав ее. Но обвинитель был жестоко наказан за свое остроумие: все три подсудимые были оправданы. В разговоре с товарищем председателя старшина сказал ему: «Присяжные еще до прений согласились признать невинными сознавшихся баб и обвинить подстрекательницу; но после того, что позволил себе товарищ прокурора, мы единогласно решили: всех оправдать! Факт поучительный для исследователя психологии наших присяжных: чтобы удовлетворить своему личному раздражению против дерзкого обвинителя, эти двенадцать человек сознательно постановили не правосудное решение. Понятно, что бессознательное расположение или антипатия к оратору еще легче может ввести их в ошибку или пристрастие.

Кому больше верят присяжные, прокурору или адвокату? Они недоверчивы к обоим, но, судя по случайным разговорам, я думаю, что недоверие к обвинителям меньше, чем к защитникам. Чтобы показать, насколько требовательны присяжные, привожу недавно присланный мне отзыв одного столичного бессменного старшины. Он пишет: «Многие защитительные речи были совершенно бессодержательны; некоторые из защитников не стеснялись с имевшимся по делу материалом, подтасовывая его иногда весьма грубо. Впрочем, это не имело значения, так как не оказывало никакого влияния на присяжных: вопрос о сущности вердикта выяснялся судебным следствием, и слушание защитительных речей оставалось одною формальностью». Вот другой отзыв: «Речи защитников в громадном большинстве случаев были бессодержательны,

плохо построены, зачастую легкомысленны и прямо показывали нам, что они отбывают повинность». Эти резкие слова указывают, как опасно рассчитывать на благосклонность присяжных к голосу защиты.

Хорошо еще, если неудачная речь остается одною формальностью. Бывает и хуже. Присяжные иной раз забывают, что подсудимый не виноват в ошибках своего защитника, и говорят: мы дали бы снисхождение, но нас возмутило поведение адвоката. А решение написано, и резолюция суда объявлена.

Предание суду часто не соответствует действительной виновности подсудимого. Но нет сомнения, что в большинстве случаев он в чем-нибудь да виноват. Поэтому в большинстве случаев практически не только прокурор, но и судьи и присяжные являются противниками защитника. Искусство защиты заключается, между прочим, в том, чтобы всех своих врагов сделать себе союзниками. Внимательные читатели могли уже заметить некоторые указания в этом направлении в предыдущих главах. Но такая тактика особенно применима в речи. Здесь надо различать три случая. Первые два касаются только обвинителя, третий, кроме того, судей и присяжных.

1. Обвинитель может понизить обвинение, например перейти от 1452 к 2 ч. 1455 ст. улож. В этом случае искусство защиты заключается только в том, чтобы не сделать обычной ошибки, т.е. воздержаться от рассуждений об отсутствии заранее обдуманного намерения и от возгласов о том, что сам обвинитель должен был признать преувеличение в предании суду.

2. Обвинитель может признать установленными такие факты, которые допускали спор. Здесь, как и в первом случае, обвинитель сам делается в известных пределах союзником защитника, и искусство заключается только в умении удержаться от ошибки. Если защитник будет приводить длинные соображения в подтверждение упомянутых фактов, они опять станут спорными, и председатель укажет присяжным несколько противоположных соображений, на которые защитнику ответить уже не придется.

3. Всякая ошибка со стороны кого-либо из других участников процесса есть лишняя карта для защиты. Искусство заключается в том, чтобы сделать из нее козырь. Большинство наших молодых обвинителей так же мало знакомы с карательной лестницей улож.

о нак., как и наши защитники; притом они не всегда умеют скрыть свое незнание. Такие промахи прокуратуры могут быть весьма выгодны для защитников. Мне пришлось услышать поразительную гиперболу в этом роде. Подсудимый обвинялся по 1 ч. 1484 ст. улож., т.е. в преднамеренном нанесении смертельной раны. Товарищ прокурора подробно остановился на отличии этого преступления от убийства и разъяснил присяжным, что отсутствие у виновного намерения лишить жизни пострадавшего коренным образом изменяет свойство деяния; сказав это, обвинитель продолжал: «И уголовная кара в этих случаях бывает совершенно разная; преданием суду подсудимого по обвинению в нанесении смертельной раны вместо обвинения в убийстве ему оказано громадное снисхождение, и грозящее ему наказание представляется минимальным по сравнению с тем, которому он подлежал бы за убийство». Ст. 1484 в части 1 карает, как известно, каторгой от восьми до десяти лет. Можно представить себе изумление судей перед такой риторической вольностью. Защитник мог и должен был воспользоваться промахом прокурора. Можно было сказать, что с точки зрения обвинителя восемь или десять лет каторги, особенно по сравнению с бессрочной каторгой, могут казаться минимальным, совершенно ничтожным наказанием. Но совпадает ли такая точка зрения с *нашими* представлениями? В глазах г. прокурора восемь или десять лет каторги по сравнению с каторгой бессрочной представляются пустяком. Можем ли мы согласиться с этим? Так ли это и в наших глазах, или у нас другая оценка? и т. д. Могли ли бы присяжные сохранить после этого доверие к обвинению? Но защитник не сделал этого, а несколько слов председательствующего о «некоторой неточности, допущенной обвинителем в его речи», конечно, не произвели того впечатления, которого мог легко достигнуть адвокат.

Этим приемом следует пользоваться и в тех нередких случаях, когда на обвинительный вопрос присяжного заседателя, судьи или прокурора следует, так сказать, защитительный ответ свидетеля или эксперта.

Подсудимый обвинялся в убийстве. Полицейский урядник показывал:

— Он направил ружье в ту сторону, где стоял Андреев (застреленный), и хотел...

ГЛАВА IX. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЗАЩИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ

Председатель перебил свидетеля вопросом:

— Убить?

Урядник сказал:

— Убить или выстрелить.

Разве такой вопрос председателя не был счастливой помощью для защитника? У каждого из нас, мог бы он сказать, при данной обстановке, как и у г. председателя, первая мысль была бы: хотел убить. Это вполне естественно. Но есть ли такой быстрый (отнюдь не говорите: поспешный или преждевременный) вывод несомненный, единственный, или мы должны остановиться на ответе свидетеля (не говорите: урядника, ибо на этот раз урядник оказался умнее председателя): убить *или* выстрелить?

Другой пример.

Председатель спрашивает подсудимого:

— Отчего же вы ушли с фабрики?

— Меня рассчитали по малолетству.

— По малолетству? Что-то сомнительно. А после этого уже нигде не работали?

— Нигде.

— Сразу кражами заниматься стали?

Разве это не драгоценное сотрудничество председателя для защиты? Напомните эти слова присяжным и скажите: вы видели, что самые простые ответы подсудимого вызывают здес сомнение, недоверие и тяжелые подозрения. А за этими стенами? В булочной, в мастерской, в мелочной лавке? Приди он к любому хозяину просить работы, всякий скажет: если рассчитали с фабрики, так не по малолетству, а за какие-нибудь провинности, и всякий прогонит его.

Агент сыскной полиции показывает, что подсудимый известен под прозвищем «акцизник». Член суда спрашивает:

— Почему же его называли «акцизником»? Что, это воровская кличка такая?

Как не сказать присяжным, что в суде, действительно всякое прозвище *невольно кажется* воровской кличкой и обращается в улику? А многие ли из нас ходили без кличек, когда были в школе? Там бывали Разины и Пугачевы, но были ли это такие страшные разбойники? Были обыкновенные приголовишки, игравшие в чехарду.

Жестикуляция, столь свойственная древним, не к лицу современному оратору в мундире или фраке. Я готов сказать, что жесты совсем не нужны на суде. Стойте прямо перед присяжными, но не прячьтесь за кафедру; пусть видят они вас во весь рост; но пусть не замечают ничего смешного. Посмотрите на этого молодого оратора. Одна рука у него в кармане, другая разглаживает усы, оправляет жилет или чешет затылок; веки все время опущены, точно он совестится взглянуть на присяжных или боится, чтобы они не прочли в его глазах затаенной мысли; при этом все тело его ритмически качается взад и вперед. Мало античного в этой фигуре. Ларошфуко говорит, что в голосе, глазах и во всем обращении говорящего бывает столько же красноречия, как и в его словах. Смотрите же прямо в глаза присяжным. Или вы боитесь их?

Побывав в нескольких судебных заседаниях, посторонний наблюдатель убедится, что иные начинающие адвокаты совсем не умеют держаться в этой обстановке.

Молодой человек обращается к суду с заявлением. Он произносит несколько слов, и в ту же минуту по зале проносится торопливый шепот судебного пристава: «Встаньте, встаньте!» Молодой человек чуть-чуть отделяется от своего сиденья, пригнувшись к столу.

— Г. защитник! Вам должно быть известно, что вы обязаны вставать при обращении к суду, — говорит недовольным тоном председатель.

Молодой человек привскакивает, опираясь руками на стол, и затем в течение нескольких мгновений производит ряд совершенно своеобразных приседаний все в той же полустоячей-полусидячей позе. Он в буквальном смысле слова не умеет ни встать, ни сесть. Он этого не замечает, но его достоинство от того не выигрывает.

Следует соблюдать благопристойность. Перед судом трое человек, обвиняемых в отравлении; двоим грозит бессрочная каторга, третьей — каторга до пятнадцати лет; перед ними десять защитников; и присяжные видят, как они, защитники, перешептываются, весело перемигиваются, пересмеиваются друг с другом. Это перед каторгой. Что должны думать присяжные? Двое несовершеннолетних парней обвиняются по 13 и 1642 ст. ул. о нак. Перед

одним из защитников лежит на столе юмористический журнал с раскрашенной картинкой. Защитник не смотрел на картинку, но разве самый вид шутовского листка не был непристойностью на суде, да еще когда подсудимым угрожала каторга? Я видал защитника, игравшего на карманной шахматной доске во время судебного следствия. Мне приходилось также наблюдать усмешку на лицах молодых защитников во время объяснений подсудимого, не ими защищаемого. Допустимо ли это?

Ссылаясь на статьи закона, надо знать их наизусть и повторять их подлинными словами законодателя, отчеканивая, но не выкрикивая значительные выражения. Это внушает уважение и к юному защитнику. У нас молодой человек заявляет: «Уложение о наказаниях установило следующие признаки этого преступления...», и его рука уже тянется за книгой: «Я прочту вам подлинные слова законодателя». Оратор подносит книгу к носу и читает, причем часто, не зная текста наизусть, делает паузы и ударения, искажающие смысл статьи. Поддельная непринужденность выдает постыдное невежество. Присяжные видят его жалкую беспомощность. Могут ли они доверять ему?

Большая ошибка для всякого оратора — недостаточно громкая и отчетливая речь. Это понятно само собою, но эта ошибка повторяется постоянно; молодые защитники, видимо, не замечают ее. Между тем акустика в наших залах невозможная, и глухой голос совсем пропадает в них. Судьи часто с трудом следят за речами сторон, а они ближе к защитнику, чем присяжные. Слышно начало фразы, не слышен конец; пропущено два-три слова — и потерян смысл целого предложения. Не имея привычки следить за собою, оратор не может наблюдать за тем, чтобы таким образом не пропадали и важнейшие его соображения. С другой стороны, такие негромкие и неотчетливые речи кажутся просто робкими; является представление, что говорящий сам не уверен в ценности своих слов и верности своих юридических соображений. Напротив того, умеренно громкая, отчетливая речь, если только в ней не сквозит излишней самоуверенности, сразу располагает зал в пользу оратора и внушает присяжным убеждение, что его следует слушать со вниманием.

Следить необходимо не только за своей внешностью и дикцией, но и за своими выражениями. Вот случайный пример того,

что может сделать *lapsus linguae*. Защитник доказывал, что свидетельница, изобличавшая подсудимого, не могла узнать его. Она сказала, что узнала вора по росту и голосу. Рост подсудимого, сказал защитник, рост обыкновенного человека; он не карлик и не великан. Свидетельница говорит, что у вора был грубый голос. Но ведь Романов не беседу с нею вел; он, конечно, старался не быть узнанным; она окликнула его, и он буркнул ей в ответ несколько слов, вероятно, с намерением изменив голос. Оратор начал прекрасно, но, начав с отрицания участия подсудимого в краже, он незаметно для себя *expressis verbis* подтвердил, что Романов был на месте преступления. Другой защитник доказывал, что подсудимый, обвинявшийся в убийстве, нанес пострадавшему смертельную рану в необходимой обороне, и при этом все время твердил: убийство, убил, убийца.

Не странно ли слышать слово «потерпевший», когда известно, что сорванные часы были немедленно отобраны ограбленным у грабителя или что подсудимый обвиняется в покушении? Разве не лучше назвать этого свидетеля по фамилии? Это лучше и по отношению к подсудимому. Когда защитник, упоминая о нем в своей речи, называет его по имени или по ремеслу: этот молодой слесарь, этот старик-сапожник, у слушателей образуется впечатление, что оратор знает, кого взялся защищать, и, так сказать, имеет право говорить за него. Когда, напротив, он твердит «подсудимый» или «этот человек», кажется, что он впервые увидался с ним перед самым заседанием. Случается, как на грех, что «этот человек» — крохотный 14-летний мальчонка, которого присяжные тщетно стараются увидеть из-за спины оратора.

Помните драгоценный совет Квинтилиана: оратор должен говорить не так, чтобы его можно было понять, а так, чтобы нельзя было не понять его. Поэтому говорите как можно проще. Прислушайтесь к речи вашего противника. Если он говорит хорошим русским языком, подражайте ему; если нет, учитесь на его ошибках. На днях я собственными ушами слышал, что убийство было совершено «в момент психологического форс-мажора». Несколько дней спустя двое городских судились по 1525 ст. улож. Один из защитников спросил поруганную девушку, сколько времени продолжался «первый сеанс»... Не говорите «версия», «рецидивист», «базируясь», «инкриминируемое деяние»; пусть говорит это про-

ГЛАВА IX. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЗАЩИТИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ

курор; тем лучше для вас, если присяжные перестанут понимать его; не говорите «квалифицирующее обстоятельство» вместо «увеличивающее вину», «объективные» признаки вместо «внешние», «инициатор» вместо «зачинщик»; не говорите «лицо» и «лица», когда разумеете «человек» и «люди», и поверьте, что новое слово «подзащитный» еще хуже, чем латинское «мой клиент»; избегайте того и другого ради любви к чистой русской речи.

В заключение еще одно указание. Оправдательная резолюция не есть еще полная победа защиты. Приговор может быть опротестован прокурором. Не забывайте, что в этом случае вы имеете право не только на письменное возражение на протест (ст. 872 и 910 уст.), но и на словесные объяснения в заседании сената (ст. 920—922 уст.).

П. Сергеич

УГОЛОВНАЯ ЗАЩИТА

Корректор *А. Ф. Ключкова*

Компьютерная верстка *А. И. Гиренко*

Формат 60×90¹/₁₆.

Гарнитура «NewBaskervilleC». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,2. Доп. тираж 1000 экз. Заказ № Т-832.

ООО «Издательство Юрайт»

140004, Московская область, г. Люберцы, 1-й Панковский проезд, дом 1.

Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: publish@urait.ru. www.urait.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

e-mail: idelpress@mail.ru

Покупайте наши книги!

- **В нашем офисе оптом**

140004, г. Люберцы, 1-й Панковский пр-д, д. 1, тел. (495) 744-00-12 e-mail: sales@urait.ru, <http://www.urait.ru>

- **Доставка по Москве**

тел. (495) 726-27-04; (495) 688-30-11

- **В нашем филиале**

г. Москва, с/к «Олимпийский» по адресу: Олимпийский проспект, д. 16, подъезд №1, торговое место №48.

Тел. (495) 688-30-11. E-mail: club@urait.ru

- **Через Интернет-магазин:**

www.urait-book.ru

- **В книжных магазинах Москвы:**

- «Библио-Глобус»

- ул. Мясницкая, 6 (495) 781-19-00; 628-87-58

- «Дом книги На Ладужской»

- ул. Ладужская, 8, стр. 1 (495) 267-03-02, 221-77-33

- «Дом книги Медведково»

- Заревый пр-д, 12 (495) 478-48-97

- «Московский дом книги»

- Ленинский пр-т, 40 (495) 137-60-19

- Магазин юридической литературы

- «Лекс-книга»

- ул. Лобачевского, 92, корп. 2 (495) 789-34-06

- «Молодая гвардия»

- ул. Полянка, 28 (495) 238-50-01, 780-33-70

- «Московский дом книги»

- ул. Новый Арбат, 8 (495) 789-35-91

- ТД «Москва»

- ул. Тверская, 8, стр. 1 (495) 797-87-17

По вопросам приобретения обращайтесь в книготорг «Юрайт»
(495) 744-0012; e-mail: sales@urait.ru www.urait.ru
а также через интернет-магазин www.urait-book.ru

Избранные речи

СЕРИЯ «АНТОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

изд-во	«ЮРАЙТ»
объем	649 стр.
	переплет
формат	60*90/16
ISBN	978-5-9916-0004-0
код	269426
год	2008

Плевако Ф.Н.

Актуальность: защитительные речи, вошедшие в сборник, являются образцом не только судебного красноречия и ораторского искусства, но и примером ловких адвокатских трюков и остроумных выходов, нередко спасавших клиентов от грозившей кары.

Практика: для адвокатов, работников прокуратуры, следователей, аспирантов, преподавателей, всех, кто интересуется историей российской юстиции.

По вопросам приобретения обращайтесь в книготорг «Юрайт»
(495) 744-0012; e-mail: sales@urait.ru www.urait.ru
а также через интернет-магазин www.urait-book.ru

Искусство речи на суде

СЕРИЯ «АНТОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

изд-во	«ЮРАЙТ»
объем	396 стр.
	переплет
формат	60*90/16
ISBN	978-5-9916-0005-7
код	269430
год	2008

П. Сергеич

Актуальность: П. Сергеич (псевдоним известного русского юриста П.С. Пороховщикова) впервые в дореволюционной России издал первый систематический труд, об основах судебного красноречия, подводит итог полувековому опыту словесного состязания в российском суде. Эти выступления представляют большой интерес и для современных юристов не только с точки зрения юридической (глубина анализа, умение учитывать все детали дела, остроумные находки и убедительные выводы), но и с точки зрения художественной.

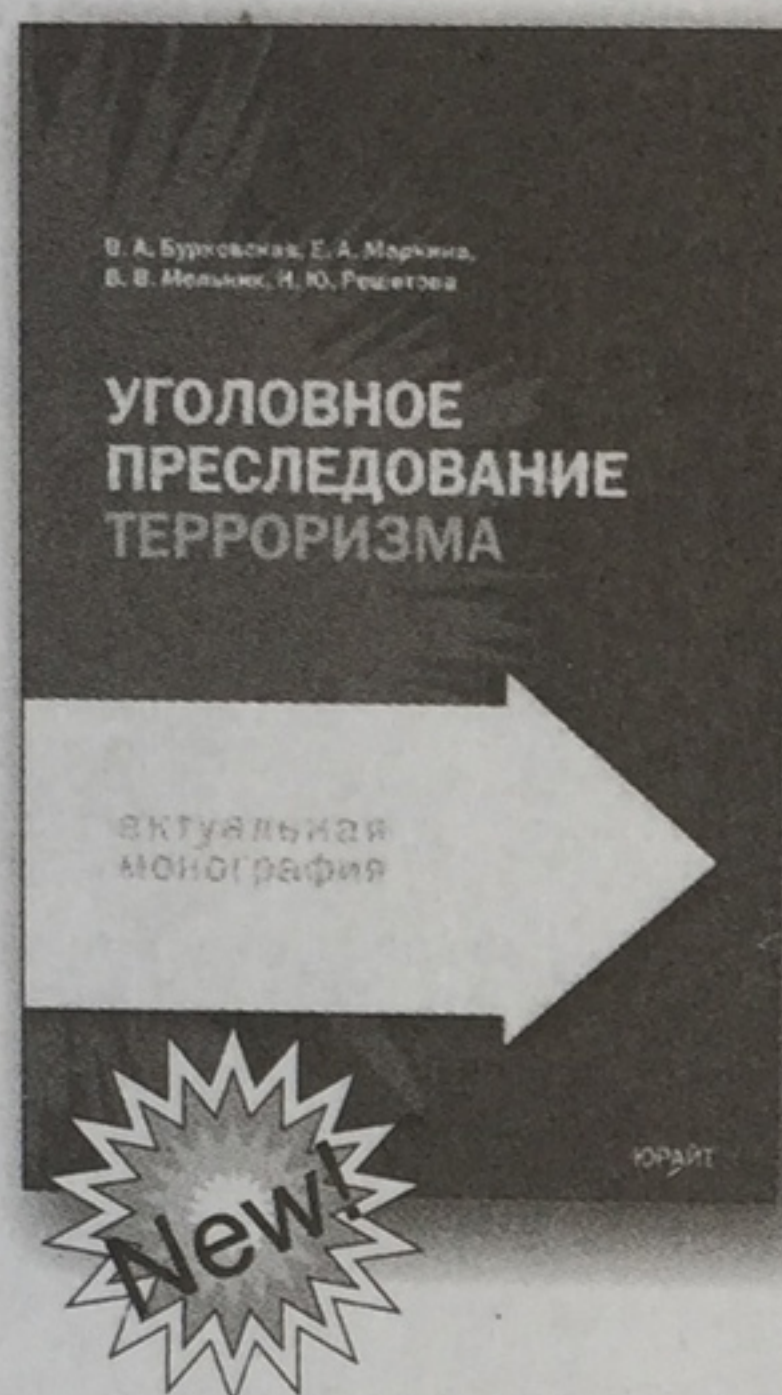
Практика: для адвокатов, работников прокуратуры, следователей, аспирантов, преподавателей, всех, кто интересуется историей российской юстиции.

По вопросам приобретения обращайтесь в книготорг «Юрайт»
(495) 744-0012; e-mail: sales@urait.ru www.urait.ru
а также через интернет-магазин www.urait-book.ru

Уголовное преследование терроризма

СЕРИЯ «АКТУАЛЬНАЯ МОНОГРАФИЯ»

Монография

Издательство «Юрайт»

объем 160 с.

переплет

формат 60*90/16

ISBN 978-5-9916-0013-2

код 285596

год 2008

Бурковская В.А., к.ю.н., старший научный сотрудник НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ; Маркина Е.А., к.ю.н., старший преподаватель кафедры

Содержание: монография посвящена вопросам квалификации преступлений террористического характера и поддержания государственного обвинения по делам этой категории. Рассматриваются не только юридические, но и тактико-психологические аспекты участия государственного обвинителя в судебном разбирательстве уголовных дел.

Актуальность: издание подготовлено с учетом изменений, внесенных в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».

Аудитория: прокуроры, следователи, адвокаты, судьи, а также преподаватели, аспиранты и студенты юридических вузов.

По вопросам приобретения обращайтесь в книготорг «Юрайт»
(495) 744-0012; e-mail: sales@urait.ru www.urait.ru
а также через интернет-магазин www.urait-book.ru

Русский юрист Петр Сергеевич Пороховщиков, публиковавший свои работы под псевдонимом П. Сергеич, известен как выдающийся теоретик судебного красноречия. В книге даются практические, основанные на многочисленных примерах советы о том, как надо и – еще чаще – как не надо говорить на суде, как правильно построить тактику защиты, как адвокату работать с доказательствами и другими материалами дела. Огромный опыт работы на судебном поприще, врожденные задатки психолога позволили автору создать труд, не теряющий своего значения и сегодня.

978-5-9916-0033-0

9 785991 600330

www.urait.ru

П. СЕРГЕЕВ • УГЛОВНАЯ ЗАЩИТА